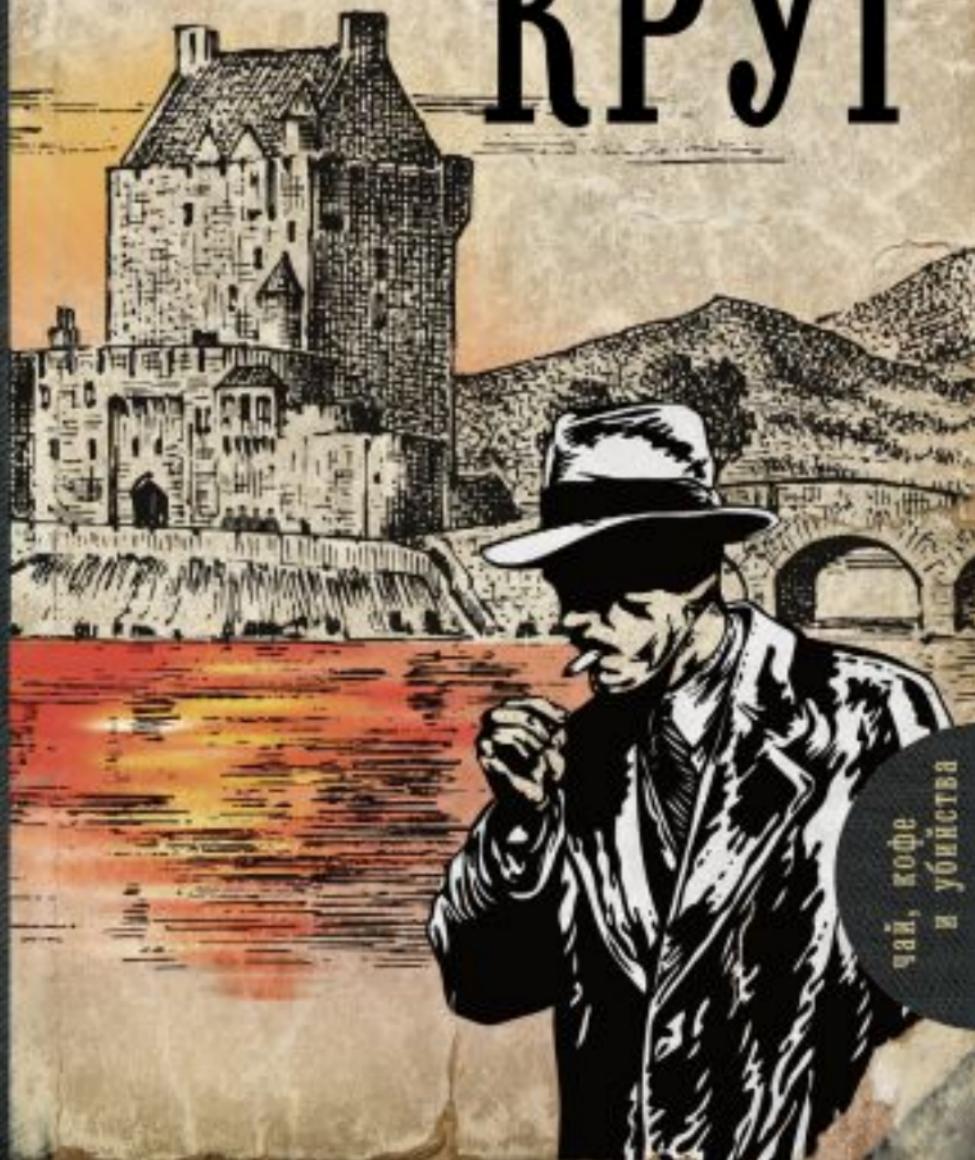

ПОЛЬ АЛЬТЕР

НЕВИДИМЫЙ КРУГ

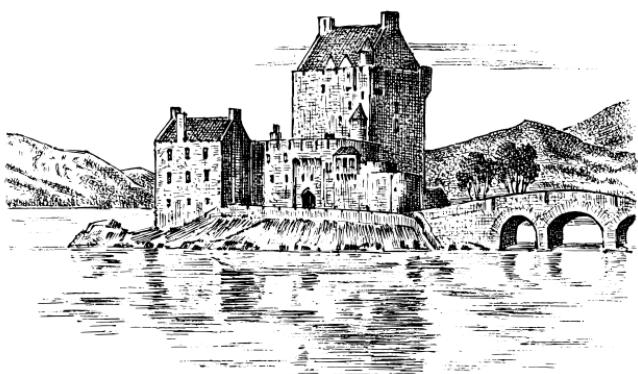

ПОЛЬ АЛЬТЕР

чай, кофе
и убийства

ПОЛЬ АЛЬТЕР

НЕВИДИМЫЙ
КРУГ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
A58

Серия «Чай, кофе и убийства»

Paul Halter

LE CERCLE INVISIBLE

Перевод с французского Н. Зубкова

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Печатается с разрешения Lester Literary Agency.

Альтер, Поль.

A58 Невидимый круг : [роман] / Поль Альтер ; [пер. с фр. Н. Зубкова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-982363-6

Семь человек получили крайне таинственные письма. Джерри Пирсон, хозяин полуразрушенного замка, находящегося на одном из островов Корнуолла, приглашает их на «особенный» прием, где за каждым из гостей закреплена определенная роль – роль персонажа из легенд о короле Артуре. Поначалу происходящее кажется нелепой шуткой, но вскоре мистер Пирсон заявляет, что пригласил всех присутствующих в свидетели своего собственного убийства. Именно это заявление становится отправной точкой – «представление» начинается. В ближайшие несколько дней этим людям жизненно необходимо разобраться в происходящем, разгадать множество тайн и выбраться с острова, окруженного лишь суровыми скалами и бушующим морем.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-982363-6

© Paul Halter et Librairie des
Champs-Élysées, 1996
© Paul Halter, 2007
© Перевод. Н. Зубков, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Глава 1

Поданные его величества всегда хранили память о короле Артуре: кто больше, кто меньше, а иные — больше других, как мы увидим в этой повести.

Не были исключением и Мэйдж Пирсон с Биллом Пейджем. В апреле 1936 года под вечер они беседовали вполголоса в недорогом чайном салоне около Оксфорд-серкус. Их мысли занимал великий король, а с губ Мэйдж то и дело срывались названия «Тинтагель», «Корнуолл»... Но о чем же они беседовали? Вид у обоих был серьезный и озабоченный — нечасто такой бывает у молодой пары.

Правда, и в зрелище, открывавшемся перед ними за стеклянной дверью, возле которой они сидели, было нечто грандиозное и тревожное. Я имею в виду, конечно, необычное, завораживающее зрелище вечернего Лондона, когда на небе с грозными тучами у самого иссиня-черного горизонта горит красный диск заходящего солнца. На

фоне последней оранжевой полосы вырисовывалась длинная линия — лес закопченных труб и острия готических церковных шпилей. Так что не приходилось напрягать воображение, чтобы мысленно перенестись в Средние века — во времена зубчатых стен и мрачных, сырых башен. Отовсюду исходило глухое, таинственное чувство угрозы. Казалось, оно поселилось и в умах нашей пары.

Мэйдж исполнилось двадцать два года. Она казалась очень решительной девицей, хотя на самом деле была не слишком уверена в себе и даже немного пуглива. Большие голубые глаза, фарфоровая кожа и пышная каштановая шевелюра выдавали впечатлительную, простодушную натуру. Биллу Пейджу, как полагала она (спросить еще стеснялась — они всего с месяц как познакомились), было около тридцати, и Мэйдж считала, что ему лучше было бы одеваться не так строго и носить очки не в такой толстой оправе. Прямой пробор, разделявший черные волосы, ей тоже не слишком нравилсяся. Билл казался человеком, который изо всех сил старается выглядеть взрослым. По правде говоря, когда Мэйдж увидела его в первый раз, ее не то чтобы, как говорится, словно током ударило, но она нашла Билла симпатичным и сразу почувствовала, что с ним будет в безопасности.

А это было для нее очень важно, особенно сегодня, когда девушка получила письмо от дяди Джерри.

— Я боюсь его, Билл, — шептала она, умоляюще глядя на молодого человека. — Всегда его боялась — но ехать, наверное, надо, иначе нельзя...

Билл задумчиво постукивал по столу пальцами возле чашки с чаем.

— Ты мне о нем ничего не рассказывала. Боишься? Но почему?

— Вообще-то, — неохотно начала Мэйдж, — я его почти не видела. На самом деле он мне не дядя, потому что и отец мне не отец, и они по-настоящему не братья, и... — Она глубоко вздохнула. — Наверное, лучше начать с начала.

— Да, пожалуй, — с улыбкой заметил молодой человек.

— Мне еще не было и двух лет, когда меня забрали из приюта, поэтому с детства я помню приемных родителей, мистера и миссис Пирсон. Я их считала родными. Как ты знаешь, теперь они тоже умерли... Маму я потеряла, когда мне исполнилось десять лет. У нее были больные легкие и оттого все время сильная слабость. Вот поэтому отец, чтобы она не напрягалась, два года подряд, до маминой смерти отправлял ме-

ня на летние каникулы к дяде Джерри. Ой, какие каникулы для десятилетней девочки! Наверное, мне никогда не суждено их забыть...

Дядя Джерри — не родной, а единокровный папин брат. Они сыновья Арчибальда Пирсона. Мой папа Колин от первого брака, а потом дед женился на Рут — очень красивой женщине, но немного помутившейся рассудком, а у нее от первого брака тоже был сын, Горацио...

— Как же все сложно, — заметил Билл, почесывая подбородок.

— Да, но скоро уже конец. И у них тогда родился второй ребенок, дядя Джерри. Оба брата...

— Оба? Кто именно? Я так понял, их было трое, считая Горацио — старшего сына второй жены твоего дедушки...

— Ну да... Только он с ними, кажется, жил недолго. У него психика была не в порядке, и его отправили в лечебницу. Так вот, эти двое каникул, которые на меня так повлияли... Я видела дядю Джерри второй или третий раз в жизни, совсем его еще не знала. Он живет один — не женат — в маленьком замке в Корнуолле, на берегу моря, рядом с деревушкой неподалеку от Тинтагеля. Ну и местечко! — Мэйдج вздрогнула. — Нужно

видеть, чтобы понять. Дом стоит на скале — крохотный такой полуостров. Свистит ветер, бушует прибой... Дом высоко над морем, а море почти всегда свищет. Беспрерывно хриплые крики чаек. Мне тогда было, еще раз тебе напомню, восемь лет, совсем маленькая девочка, которая раньше никогда из дома не уезжала. Я еще и не видела дядю Джерри, а мне уже было страшновато. Правда, когда увидела, то не испугалась, он даже показался довольно приветливым, только смотрел на меня, как будто я какое-то редкое насекомое... Первые ночи я глаз не смыкала. Никак не могла уснуть: ветер пронзительно завывал, чайки кричали... Однажды вечером в кровати я почувствовала, как у меня по ногам *что-то* ползет. Я завопила, вскочила, зажгла свет... По простыням разгуливал огромный паук! Вшел дядя Джерри, я показала ему на это страшилище, а он... а он...

— Что?

— А он ничего не сделал. Вообще-то, он меня утешал, но мне казалось, ему смешно от того, как я перепугалась. Мне даже в голову не приходило, будто он эту жуткую тварь подсадил ко мне нарочно, и все-таки дядюшка показался мне очень странным. Однажды вечером он под каким-то предлогом оставил меня в замке одну. Ужасная ночь!

Мало того, что ветер так выл, что окна и двери все время хлопали — я вдруг услышала шаги наверху... Куда бы я ни шла, они всегда звучали прямо надо мной. А нигде никого не было. Когда он вернулся и я ему рассказала, он повел себя так же, как в случае с пауком. Как будто он тешился моим страхом, хотя и успокаивал меня, говорил, что мне просто почудилось...

Мэйдж замолчала, глотнула чаю. Голубые глаза от воспоминаний о тех страшных днях казались еще больше.

— Это все было в первый год — эти и еще несколько случаев. Я бы сказала, еще терпимых. И наверное, я бы и забыла про то лето, если бы на другой год туда не вернулась. Вот тут я думала, что действительно умру от страха. Каждую ночь все время какие-то странные звуки, а однажды мы гуляли с ним по дюнам — и вдруг я осталась одна в этом пустынном месте, а уже совсем стемнело... Я целий час рыдала от отчаяния и только потом его увидела. Он бросился ко мне и принялся ругать: «А я тебя везде искал, говорил же, чтобы ты никуда не отходила!» Но самое главное было после...

Недалеко от деревни, немного в стороне, есть старая деревянная лачужка. Она без окон, только дверь на засове снаружи:

хлопнешь дверью, он упадет и закроется. Я там играла, нечаянно хлопнула и оказалась взаперти. Никак не выйти! Дело было к вечеру, вот как теперь, и вокруг никого. Я и кричала, и рыдала — все напрасно, никто меня не слышал. А ночью, когда стало совсем темно, я вдруг услышала, как вокруг бродят и воят волки... Всю ночь меня донимал страшный зверь. Яростно скребся в дверь когтями, совал морду во все щели и сопел, рычал, а я думала, какие у него должны быть огромные зубы... Я, наверное, никогда не забуду эту ужасную ночь.

Мэйдж вздрогнула, на несколько секунд прикрыла глаза и продолжала:

— Оказалось, это меня почуяла собака-овчарка — славная, очень ласковая. На рассвете она разбудила хозяина и привела его ко мне. Вскоре я увидела дядю — разумеется, он всю ночь меня искал. «Что ты наделала! А я вообразил, как ты упала со скалы, все кости переломала... или утонула... Представляешь, какая ночка выдалась у меня из-за тебя! Только и делал, что бегал с фонарем по берегу». Потом выслушал меня и стал утешать, как раньше... Но опять у него была эта странная улыбка. Я уверена: он только и делал, что поджидал момент, когда я нечаянно запрусь в лачужке, нарочно спустил собаку

(он знал ее повадки) и всю ночь наслаждался моим ужасом.

Они помолчали. Билл прервал паузу.

— Даже не знаю, что и думать... — сказал он, нахмурившись. — Одно из двух: или твой дядюшка жуткий извращенец, или...

— Или я ошиблась? — закончила Мэйдж, недоверчиво скривив губы. — Вообще-то, может быть и так. Прошло немало лет, я была пугливая девочка и, возможно, сама себе что-то навыдумывала. Я и вправду ничего не знаю — слишком мала была, чтобы что-нибудь понимать. Уверена только в том, что тогда я умирала от страха.

— А что твои родители? Ты ведь им, я полагаю, все рассказала?

— Ну да... Но мама тогда была очень больна. Я рассказала отцу, но он оказался не в состоянии ничего слушать — так боялся за мамину здоровье. А когда она умерла, стало не до воспоминаний. Потом меня отдали в пансион: отец поехал в Африку с одним компаньоном добывать драгоценные камни, а меня с собой не взял. Прошло много месяцев, я никаких вестей о нем не получала. Компаньон тоже потерял его из виду и дал мне ясно понять, что особенно надеяться не стоит. Тем более что места там очень опасные. С тех пор прошло уже больше десяти лет.

Билл с серьезным видом кивнул и спросил:

— А какой он, этот дядя Джерри? Как выглядит?

Мэйдж рассмеялась:

— Ой, Билл, если бы ты себя видел! Тебе очень хочется удавить его, правда? Нет, не думай, это не рогатое чудище, изрыгающее огонь. Совершенно обыкновенный на вид человек, теперь ему должно быть лет сорок пять. Правда, у меня о нем воспоминания остались жутковатые, но это все из-за тех моих приключений. У него только одна особенность — по крайней мере то, что я заметила девочкой: очень странная улыбка.

— И с тех пор ты его не видела?

— Только на маминых похоронах. Потом, когда пропал отец, он мне написал раз или два, и все. Понимаю, что ты хочешь спросить. Нет, он не предлагал мне поселиться у него. И я бы все равно не согласилась.

Билл по-прежнему хмурился.

— Ты еще говорила о другом сводном брате, Горацио, которого поместили в специальное заведение. А что с ним, собственно, такое?

— Какое-то душевное расстройство, что именно — не знаю, но, должно быть, что-то довольно тяжелое. Толком мне никогда об этом не говорили.

Невидимый
круг

— Если я правильно понял, у его матери с этим тоже было не все в порядке?

— У нее иногда случались депрессии. Она, бывало, уходила из дома, бродила по лесу — случалось, несколько дней подряд. Я понимаю, о чем ты думаешь: наследственное безумие, передалось сперва старшему сыну, Горацио, потом младшему — Джерри... — Мэйдж ненадолго замолчала, потом продолжила: — На самом деле дядя Джерри никогда на меня не производил впечатления помешанного. В худшем случае это очень злой человек. Не думаю, что папа доверил бы меня ему, если бы у него было психическое расстройство.

— Тогда, может, и не было, но есть болезни, которые проявляются только спустя много лет. И то, что ты мне сейчас про него рассказала...

— Перестань, Билл! Ты меня еще больше перепугаешь!

— Письмо от него у тебя с собой?

Мэйдж раскрыла сумочку, достала конверт и молча положила перед своим спутником. Билл прочел слова, написанные аккуратным ровным почерком:

«Тинкастл, 17 апреля 1936.

Дорогая Мэйдж,

мы не виделись уже целую вечность.

Должно быть, лет пятнадцать. Думаю,

ты очень изменилась с тех пор, как гостила у меня (помнишь тот приезд?). С тобой происходило много несчастий, которые, я уверен, остались среди незабываемых детских впечатлений. Надеюсь, у нас будет возможность поговорить среди прочего и об этом, если ты согласишься провести здесь несколько дней. Сделай все возможное, чтобы приехать сюда на этот уикенд: состоится чрезвычайно важная встреча. В замок съедутся человек семь-восемь, и твоё присутствие необходимо. О чём пойдет разговор? Увы, не могу тебе об этом здесь рассказать, но ты понимаешь: я бы так не настаивал, если бы твой приезд не был делом первостепенной важности. Знай только, что это совершенно необыкновенное событие — из таких, которые не забываются. Если не сможешь приехать, немедленно дай мне знать, но я очень на тебя рассчитываю, малышка Мэйдж, в пятницу ты непременно должна быть с нами в замке — лучшее всего ближе к вечеру.

Всегда твой
любящий дядя».

— Ну, что скажешь? — спросила Мэйдж, когда Билл вернул ей письмо. — Я не знаю, что и думать. С одной стороны,

Невидимый
круг

видеть его мне совсем не хочется, но, с другой стороны, это мой единственный оставшийся родственник и... Так как ты считаешь?

Билл на какое-то время задумался.

— Не вижу ничего подозрительного... Только скажи: у тебя есть какие-то идеи насчет предмета этой встречи?

— Ни малейших. Это не может быть семейный совет: ведь мы с дядей, так сказать, последние с корабля.

— «Совершенно необыкновенное событие»... — задумчиво повторил Билл. — Это может означать что угодно... Например, свадьба.

— Из этого обычно такой тайны не делают.

— Больше ничего странного не вижу, но... — Билл подвинулся ближе к Мэйдже и взял ее за руку. — Но я не хочу отпускать тебя одну.

Девушка от удивления широко распахнула глаза:

— О, Билл! Ты поедешь со мной?

— Нет-нет, одну я тебя точно не отпущу! После того что ты рассказала, иначе я поступить не могу. Так что если ты согласна...

Мэйдже просияла, хотя осталась все так же бледна:

— Билл, как здорово! Если бы ты знал, как я рада! Это будет наша первая большая поездка вдвоем. А знаешь, без тебя я бы все равно отказалась.

— Одну я тебя не пущу, — мужественно повторил Билл еще раз и поправил очки.

Глава 2

Чистокровный корнуоллец Гэйл Блейк был безгранично предан родному краю. Он писал стихи и любил покой этих диких мест, просторные возвышенные равнины, покрытые вереском и обрывавшиеся в море крутыми утесами, грандиозные живописные скалы, бесчисленные бухточки с золотистым песком. Любил эти глубоко изрезанные берега, вылизанные морем, зрелище волн, разбивающихся о скалы, хриплые жалобы чаек, свежий ветер, несущий соленые ароматы... Любил Корнуолл. Одиночно бродя по дюнам, по прибрежным дорогам, он мечтал, с неизменным интересом вглядываясь в окрестности. Блейк был холост и мог сколько угодно предаваться своей страсти.

Впрочем, это была не просто страсть. В каком-то смысле наблюдение за природой, поиск подходящей атмосферы для него как для поэта являлись работой. Собственно говоря, выручки от сочинений ему

едва хватало, чтобы прокормиться, но он довольноствовался малым, а жил в небольшом домике из гранита у моря на северной стороне полуострова. Роста он был внушительного, с могучей фигурой, черной бородой по грудь — тоже внушительной, под стать владельцу. Ему было за пятьдесят, но силы не покидали его. Тот, кто видел Блейка впервые, мог бы скорее принять его за корсара, флибустьера или контрабандиста, нежели за поэта.

Жил он довольно уединенно, но тем не менее знакомых у него было много. Кельт по крови и в душе, он участвовал во всех кельтских собраниях и праздниках тех мест, а часто бывал на них и почетным гостем. Зато Блейк с трудом скрывал вражду ко всем, кого считал завоевателями и незваными гостями, то есть почти ко всем некоренным жителям. Часто это чувство окрашивалось юмором и насмешкой, потому что ему нравилось спорить, нравилось задирать пришельцев в своих любимых пабах. Но иногда — если действовал хмель или гость попадался обидчивый, не понимал его шуток, — от перебранки дело доходило до настоящей ругани, а то и до кулаков. Так как Блейк был человек сильный, драки почти никогда не заканчивались в пользу его оппонентов, и потом дру-

зыя рассуждали между собой: «Не думал я, что поэты такие... Я знал, что он мастер слова — а он и на кулаках мастер...»; «Александрийские стихи слагал и думает, что Македонским стал». На такие разговоры Гэйл не сердился. Он улыбался, и его светло-голубые глаза лукаво поблескивали.

В тот день он сидел, задумавшись, за кружкой пива в одном из своих любимых пристанищ — «Черном лебеде», почтенном пабе в Кэмелфорде. Вдруг появилась фигура — знакомая, но непривычная для этого места: профессор Джосая Халлахан, преподаватель истории в одном из бристольских учебных заведений, известный своими трудами по кельтской и средневековой истории. Он был немного старше Блейка и гораздо более хрупкого сложения. Если бы не длинная, почти совсем седая борода, его круглое лицо с румяными щечками было бы совершенно детским — к тому же и благожелательная улыбка почти никогда с него не сходила.

Блейк и Халлахан встречались на уже упомянутых кельтских празднествах и сразу друг другу понравились. Заказали по паре пива — и начались долгие разговоры.

— Послушайте, Джосая! — говорил Блейк своим громовым голосом. — Кто, как не вы, специалист по артуровскому вопросу?

То, что вы недавно писали о Граале и Круглом столе, многих, правда, удивило, но потом все согласились. А мне особенно понравилась ваша последняя лекция. В ваших аргументах было нечто такое... магическое — оппоненты прямо онемели.

— А вы знаете, как они меня теперь называют? Чародей Мерлин! Представьте себе — я Мерлин, ни более, ни менее.

— А правда, что-то есть, честное слово! — развеселился Блейк. — Мне, признаюсь, тоже всегда казалось, что у вас имеется какое-то сходство с Мерлином. Это ведь довольно лестно — разве нет?

Джосая Халлахан ответил не сразу. Погрузившись в свои мысли, он поглаживал тщательно расчесанную бороду и вдруг спросил:

— Знаете, что привело меня сюда? Я снял комнату до пятницы...

Блейк развел руками, тогда историк задал другой вопрос:

— А Джерри Пирсона вы знаете?

— Пирсона? Да, знаю немного. Кто его не знает! Он живет в доме на островке недалеко отсюда.

— Что вы о нем думаете?

Гэйл Блейк помрачнел, секунду подумал и ответил:

— Да мы как-то мало знакомы...

— Если бы спросили меня, я бы ответил то же самое. А между тем я здесь как раз из-за него. Он пригласил меня провести у него уикенд. Признаться, я очень заинтригован.

— В честь какого-то необычайного события?

— Кажется, да. Но беда в том, что он не объяснил ничего конкретно — написал только, что будет чрезвычайно важная встреча. И все.

— И вы согласились.

Халлахан невесело улыбнулся:

— Гэйл, вы же знаете, что я от природы болезненно любопытен. Меня всегда страстно влекли различные загадки, да и сам Джерри Пирсон тоже... Мы редко виделись, но всякий раз мне казалось, что он на своем островке около Тинтагеля воображает себя королем Артуром!

Фрэнк Данбар сидел в уголке купе для курящих и смотрел на унылый сомерсетский пейзаж за окном, такой же грустный, как и он сам. Когда уезжаешь из дома, бывает, тянет подвести итог своей жизни, дать ей общую оценку. Его оценка, думал он, не блестящая, и это еще мягко сказано. Сорок лет, не женат, пьет больше, чем нужно, а профессия журналиста сделала его разочаро-

ванным человеком, лишившимся последних иллюзий. В какой момент он вступил на эту наклонную плоскость? Ответ Фрэнк находил без колебаний: в тот, когда повстречал эту женщину — Урсулу Браун. Она его буквально околдовала. По зеленеющим дюнам, бесконечной чередой расстилавшимся перед ним, скользил ее призрачный силуэт.

Урсула... Тонкая, гибкая, с роскошными рыжими волосами. Взгляд ее глаз цвета морской волны — из тех, которые не забудешь: веселый, глубокий, манящий и опасно мятежный: глубокие воды волшебного озера, где тонут неосторожные купальщики. И Фрэнк Данбар в том числе.

Когда они встретились на перроне вокзала, им обоим было чуть за двадцать. Растерянная, растрепанная, она сидела на скамейке с огромным чемоданом. Фрэнк сразу поставил диагноз: несчастная любовь — и не ошибся. Сначала он ни о чем ее не расспрашивал, а просто старался показать себя с лучшей стороны. Она была покорена и открыла ему сердце — рассказала о страшном разочаровании, из-за которого пережила самые тяжелые минуты в жизни. Человек, ради которого Урсула оставила все, вдруг в одночасье бросил ее, как вышвыривают паршивую собаку. Она старалась ублажать

его малейшие прихоти, а он становился все более требовательным, раздражительным, потом непреклонным, а иногда и жестоким: ему (Урсула была в этом убеждена) нравилось смотреть, как она страдает...

Фрэнк вспоминал горькие признания девушки, необычайный блеск ее ясных глаз: «Да, ему, наверное, нравилось видеть, как я страдаю... Однажды он подарил мне великолепное вечернее платье, я была сама не своя от радости. А за несколько часов до первого вечера, где я должна была показаться в этой красоте, он как бы нечаянно толкнул бутылку с сильным чистящим средством, все пролилось на платье — и оно превратилось в тряпку для протирки мебели. Под присягой не скажу, но уверена: он это сделал нарочно. В Джерри было что-то извращенное, он словно забавлялся, видя страдания людей, а мои — особенно».

Потом Фрэнку приходилось задавать себе те же вопросы, но уже касательно Урсулы, и его мнение о неведомом Джерри изменилось несколько к лучшему. Что до извращенности натуры, Урсула по этой части не уступила бы никому. Пока длился их роман, она дарила Фрэнку блаженство и муки, бросала из рая в ад, сегодня была без памяти влюблена, а завтра — противна и зла, холодна и надменна, проводила вечера с дру-

гими — «старыми приятелями». Она нарочно заставляла его страдать, при всяком удобном случае для своего удовольствия разжигая его ревность. Например, однажды Урсула приняла за Фрэнка одного его знакомого, который на него был отдаленно похож, и сказала, что это произошло по близорукости. Какая близорукость? Она не носила очки! Он ей это заметил, а она с вызовом ответила, что очки ее портят. По-настоящему ему бы вздохнуть с глубоким облегчением, когда в одно прекрасное утро Урсула заявила, что все кончено, и выставила его за дверь так быстро, что даже тот самый Джерри (Фрэнк как раз о нем вспомнил) удивился бы, и Данбар, в свою очередь, оказался на улице с чемоданом в руках.

Был ли похож на правду портрет Джерри, нарисованный Урсулой? Не сама ли она была тем извращенным созданием? Может быть, Джерри был просто умнее и смелее Фрэнка, устал от причуд Урсулы и решил порвать с ней первым. А могла ли гордячка с подобным смириться? Да ни за что! Вот этим, может быть, и объяснялась глубокая хандра, в которой он застал ее тогда на вокзальной скамейке.

С тех пор прошло лет двадцать. Приближаясь к Корнуоллу, где жил тот самый Джерри, которого Фрэнк никогда не видел, он с каждой минутой все сильнее ощущал

эти годы. Урсулу он тоже никогда больше не встречал. Она взяла его сердце в свои жарко-ледяные руки да так назад и не отдала. Он не-навидел ее — и все так же любил.

Поезд замедлил ход. Журналист вышел в коридор, достал из внутреннего кармана пиджака бутылку виски и глотнул. Закурил и смотрел, как приближается станционное здание. Заскрипели тормоза, поезд остановился.

— Таунтон, стоянка пять минут, — объявил металлический голос.

Корнуолл был уже совсем близко. Фрэнк Браун, естественно, волновался, но виду не подавал. И вдруг выражение его лица изменилось, а горло как будто обручем сдавило: среди пассажиров, выходящих на перрон из-за белого барьера, он увидел женскую фигуру, все такую же грациозную и красивую, которую узнал бы из тысяч: Урсулу Браун...

Чарлз Джерролд сидел в кресле в своей уютной, богатой лондонской квартире и с интересом читал «Таймс». То был элегантный человек лет пятидесяти, с седеющими висками, скромным и благожелательным взглядом. Никто бы не удивился, узнав, что это опытный психиатр, служащий в одной из лучших клиник столицы. Но вид его не говорил о том, что в работе он был тверд

и строг, непреклонен с пациентами, и не всем больным это нравилось.

— Невероятно... — прошептал доктор, сворачивая газету.

— Что невероятно, Чарлз? — спросила его жена Алиса — довольно высокая, медлительная блондинка, аккуратно укладывая костюмы мужа в саквояж.

— В прошлом месяце они отпустили этого психа...

— Какого психа?

— Того, который лет десять назад убил то ли троих, то ли четверых в театре где-то на севере. Невероятно...

Миссис Джерролд выпрямилась.

— Знаешь, Чарлз, чего бы мне очень хотелось?

— Чего?

— Чтобы, если у меня когда-нибудь начнутся проблемы с психикой, меня лечил не ты. Право, по-моему, ты слишком строго судишь.

— Я знаю, о чем речь, Алиса.

— Все твои коллеги говорят...

— Пусть говорят. Я делаю свое дело, насколько в нем понимаю и как считаю нужным его делать. И полагаю, что в данном случае отпускать этого типа слишком рискованно — вот и все.

— И в данном, и в том, и во многих других случаях. Послушать тебя, так половина подданных его величества должна ходить в смирительных рубашках.

Чарлз Джерролд только чуть пожал плечами.

— И что интересно, — продолжала Алиса. — Тебя какой-то незнакомец приглашает в гости в Корнуолл, а тебе это не кажется подозрительным.

— Дорогая, прошу тебя! Перестань меня пилить. Ты прекрасно знаешь: я еду туда без всякой охоты и предпочел бы провести спокойно уикенд дома, с тобой. Но пойми, люди нашей профессии не могут отказываться, когда кто-то обращается к нам за помощью. Да и Джерри Пирсон мне не совсем незнаком. Я точно помню, что слышал о нем. К тому же его знает сэр Юстас.

— Говори, что хочешь, а мне это приглашение кажется странным...

— Странным? — переспросил психиатр, повысив голос. — Почему, черт возьми? Письмо как письмо, я таких получал множество: обращение за помощью к специалисту. Что в этом странного? И Корнуолл, в конце концов, не на краю света!

Он встал, достал из кармана письмо и перечитал его:

«Тинкастл, 8 апреля 1936.

Милостивый государь,

Многие мои друзья, в том числе хорошо известный Вам сэр Юстас, говорили мне о Вас с величайшей похвалой, и я думаю, что мне не следует долго разыскивать нужного человека для небольшой встречи, которую я организую у себя в последний уикенд этого месяца. Там будут присутствовать знаменитый историк Джосая Халлахан и местный поэт Гэйл Блейк, о котором вы, конечно, слышали.

Что имеется в виду? Небольшой отдых, но вместе с тем некий необычный опыт, который как раз требует Вашего присутствия. Ваш превосходный аналитический ум, беспристрастность Ваших суждений, глубокое знание поведения человека — вот необходимые качества для достойного доверия свидетеля, которого я разыскиваю. Но больше я предположил бы ничего Вам не сообщать, чтобы не влиять на Ваш диагноз.

Присоединитесь ли Вы к нам в конце месяца? Мы с моими друзьями весьма бы этого желали.

В надежде вскоре познакомиться с Вами прошу Вас соблаговолить принять мои почтительные приветствия.

Джерри Пирсон.

Невидимый
круг

P.S. Само собой разумеется, что расходы я беру на себя. В случае положительного решения не могли бы Вы быть любезны поскорее меня уведомить?»

Через час Чарлз Джерролд занял место в купе первого класса на Паддингтонском вокзале. Он положил на сетку тщательно собранный женой саквояж и, ожидая свистка к отправлению, погрузился в созерцание спешивших по перрону пассажиров.

«Наблюдение, — думал он, — всегда полезно для того, кто умеет анализировать и интерпретировать факты, кто обладает «глубоким знанием поведения человека». Конечно, это трудная наука, но одна из самых увлекательных...»

Глава 3

В последнюю пятницу апреля 1936 года, когда на западе собирались черные тучи, пассажирский поезд из Эксетера остановился на вокзале в Кэмлфорде. Из него вышли Мэйдж Пирсон и Билл Пейдж. Билл медленно шел по перрону, нагруженный большим саквояжем и чемоданом Мэйдж, и недоверчиво осматривался.

— Ты какой-то напряженный, Билл, — заметила Мэйдж, делая вид, что сама говорит весело. — Нервничаешь еще больше, чем я...

— Я думаю, найдем ли мы такси в этой чертовой дыре. Идти пешком чистое безумие. Смотри, что там на небе, — мы сейчас промокнем насовсем.

— Не нагнетай! Надеюсь, погода в эти дни будет неплохая. А пешком все равно не дойдешь — слишком далеко.

— Неплохая? Прогноз погоды такого не обещает. Ты слишком оптимистично смо-

тришь на вещи. Для начала надо найти такси. Здесь, кажется, не то что в Лондоне...

Старая развалюха, которая довезла их до деревни, в самом деле не имела ничего общего со столичными такси, казалось, она страдает одышкой. Зато шофер, несмотря на возраст, был еще очень бодр, а болтал так, что лондонские коллеги просто умерли бы от зависти. Не прекращая разговора, он через полчаса высадил молодых людей у церкви — старинного гранитного здания с гордо взывавшейся колокольней над скромными, но крепкими домиками с толстыми стенами, защищавшими от бурь. Вечерело. Башенки на церкви, шпили старых крыш из толстой черепицы, почти конические печные трубы вытянулись ломаной линией, причудливой и суровой. От нее исходила неведомая угроза, которую приезжий не мог не заметить.

— Здесь выходите, — сказал шофер, выключив зажигание. — Прямо за церковью тропа, по ней выйдете на дорогу до замка. Там для моей девочки крутенько будет. Такие дороги ей уже не по годам. До замка всего миля, только туда и новая машина не доедет. Стало быть, обходите церковь, потом идете... Ах ты, чтоб тебя распротак!

Ветер сорвал с шофера каскетку, которую он поймал с большим трудом. Мэйдж

не удержалась от смеха, но через четверть часа, когда они шли высоко над океаном вдоль утесов, грозный аквилон сыграл с ней ту же шутку: унес очаровательную шляпку, которая необычайно ей шла. Было бы совсем смешно, если бы Билл рефлекторным движением, достойным уважающего себя джентльмена, не поймал головной убор на самом краю обрыва, рискуя свалиться в пропасть. Происшествие можно было бы счесть дурной приметой, тем более что и место к этому располагало как нельзя лучше.

Несомненно, места здесь были суровые. Северная сторона Корнуолла, дикая, развороченная стихией, неутомимо сопротивлялась натиску моря — огромной неумолимой зеленой массе. Перед ними вставал среди волн дикий островок. С его северной стороны стояло большое здание, средневековое на вид — тревожный мрачный силуэт на фоне свинцового неба. Чтобы попасть туда, надо было спуститься вниз и пройти по естественной, окруженной морем арке, по которой были проложены деревянные мостки.

— Ты с ума сошел, Билл! — сказала Мэйдж, вся дрожа. — Ты же чуть не свернул себе шею!

— Я не подумал...

Невидимый
круг

— А все этот ветер, проклятый ветер! Как всегда — вдруг налетит, да так резко! Меня словно по голове ударили, когда он сорвал эту шляпку. И зачем только мы сюда приехали?

Тот же вопрос она задала еще раз через несколько минут, когда они шагали по скользким мосткам. Железные перила казались прочными, но вся конструкция — довольно сомнительной, а посредине было метров десять, где она даже не опиралась на каменное основание: арка в этом месте обрушилась. Под ногами кипело ревущее море, то и дело обнажая мокрые черные скалы и подымая облака пены.

— Осторожно, Билл! — сказала Мэйдж, опершись на его руку. — Здесь так скользко!

— Представь себе, я заметил.

— Если погода хорошая, в отлив можно пройти, перепрыгивая по камням.

— Я бы не решился...

— Зато в плохую погоду и в прилив тебя может окатить волной!

Добравшись до островка, Билл поставил вещи, протер очки и задумчиво посмотрел на скалы, которые отсюда казались огромной башней, уходившей в небо за облака. Справа дорога, пробитая в скале, была отделена от бездны хлипким тоненьким кан-

том. Молодые люди пошли дальше. Их приветствовали хриплые крики кружившихся над островом чаек.

На полпути Билл нахмурился, остановился, опять поставил вещи на землю и ощупал карманы:

— Бумажник! Бумажника нет!

— Неужели? Погоди... Когда ты расплачивался за такси, он у тебя был?

— Точно был.

— Тогда, наверное, ты выронил его, когда прыгал за моей шляпкой!

Билл огорченно кивнул.

— Да, пожалуй... Значит, придется вернуться. Ты иди дальше сама, а я вернусь и захвачу вещи.

— Хорошо, только обещай, что к обрыву подходить не будешь!

Билл скрылся из вида. Мэйдже пошла дальше и через несколько минут добралась до небольшой площадки у скал, с которой, слегка нависая над ней, был виден весь замок. Внушительный силуэт вдруг напомнил ей детство с его кошмарами. Она остановилась и стала разглядывать дом.

Массивное трехэтажное гранитное здание на фундаменте какого-то древнего жилища высилось на северном краю крутоей скалы, почти на одной высоте с верхней

точкой островка — продолговатым плато длиной около сотни метров. Замком строение называлось главным образом из-за большой квадратной башни на одном конце довольно несуразной конструкции, преимущественно неоготической, пострадавшей от времени и непогод, а к тому же еще и из-за явно скверного ухода.

Теперь все опять казалось знакомым. Мэйдж вспомнила: чуть дальше, налево за большой скалой, раньше стояла лачужка. А за ней начиналась крутая тропа, идти по которой было быстрее, но гораздо опаснее.

Деревянный домик находился все там же — на месте, как часовой, охраняющий подход к замку. Мэйдж прошла мимо него и вдруг услышала неприятный голос:

— Сударыня!

Она обернулась и увидела у порога лачужки бородатого молодца с довольно косматыми волосами в длинном потертом плаще.

— Кто вы? — спросила она, немного обиженная его неприветливым тоном.

— Я Питер, Питер Кобб, привратник в замке.

— Привратник? У дядюшки есть привратник? — спросила Мэйдж, подходя к нему.

Питер Кобб, казалось, смущился:

— В общем-то, я в этом доме как бы на все руки. Это только сегодня у меня такие обязанности. Так вы мисс Мэйдж, племянница мистера Пирсона?

— Да. Но я не совсем понимаю... К чему тут привратник?

— Как к чему: встречать гостей. А еще для того, чтобы не пускать посторонних, — понимаете?

По правде говоря, Мэйдж мало что понимала, но дядюшка говорил о каком-то невероятном происшествии, и она решила оставить свое мнение при себе.

— Надеюсь, я приехала не последняя? — спросила она.

Привратник снова замялся:

— По правде сказать, не знаю... Но думаю, что большинство гостей уже здесь...

— Как, вы их не видели?

— Понимаете... меня, к сожалению, кое-что задержало... я совсем недавно заступил на пост... Только, только... — совсем невнятно забормотал привратник. — Только не говорите вашему дяде, сударыня, ему это совсем не понравится...

Мэйдж ответила не сразу: она была сбита с толку, и ей следовало подумать. И должность, и поведение этого человека казались ей очень странными.

— Кстати, — сказала она, — сюда должен прибыть еще один человек, которого, наверное, не ждут. — Она описала внешность Билла. — Но вы, я думаю, внакладе не останетесь: мы оставили свои вещи внизу. Отнесите их в замок, будьте любезны!

Через четверть часа Мэйдج попивала херес, наслаждаясь теплом ярко пылающего камина. Комната была довольно просторная, хотя прежде казалась ей еще больше. Но, как и прежде, Мэйдж ощущала особую атмосферу, которая исходила от стен, увешанных полинявшими гобеленами (сцены псовой охоты и дама с единорогом, которая всегда ее завораживала), от четырехчастных окон с маленькими стеклами в свинцовых переплетах, от внушительного каменного камина, от старины дубовой мебели — стульев с высокой спинкой и других предметов обстановки, — от обитых гвоздями дверей и множества кованых вещей, в том числе замечательной люстры, висевшей над круглым столом, которого она здесь прежде не помнила. Тогда стол стоял у стены рядом с роскошным буфетом.

Кого она знала из гостей, которых ей представил дядя Джерри? Кажется, никого. Никого из четверых мужчин и уж тем

более эту чаровницу Урсулу Браун, во все стороны расточающую загадочные улыбки, такие же пьянящие, как ее духи. Да еще и рыжая. Что скажет Билл, когда ее увидит? Это ей было любопытно. «Только почему его так долго нет? Что он там делает? А вдруг с ним случилось несчастье на этих опасных скалах? Нет-нет, об этом лучше не думать...»

Дядя Джерри, как показалось, догадался, о чем она беспокоится. Они обменялись улыбками. Он подошел к ней.

Каким она его теперь нашла? Конечно, он изменился. Ему должно было быть лет сорок пять — так он и выглядел. На лбу и висках за те полтора десятка лет, что они не виделись, стало гораздо меньше волос. Но улыбка все та же: странно-ласковая, инквизиторски-любезная. Пожалуй, этот необычный блеск в глазах стал даже еще заметнее.

Но она бы покривила душой, если бы стала жаловаться на его нынешнее поведение. Когда Мэйдж позвонила в тяжелую входную дверь и дядя Джерри открыл, он казался искренне взволнованным встречей, на редкость приветливым. С отцовской гордостью он представил ее гостям. Нет, пока упрекнуть его было не в чем. Оставалось только узнать причину этого приглашения.

Остальные гости, видимо, знали не больше нее и находились в ожидании.

— Мэйдж, дорогая, ты, кажется, чем-то встревожена? — любезно спросил он, покровительственно положив руку ей на плечо. — Да, какой же я болван, ты ждешь своего приятеля, который потерял бумажник! Но ты правильно сделала, что его привезла, — мне очень хочется с ним познакомиться...

Он не договорил и обернулся: дверь в гостиную вдруг резко распахнулась. Но вошел не Билл, которого ждала Мэйдж, а Питер Кобб. Он подошел к ней и все так же ворчливо сказал:

— Я отнес вещи к вам в комнату, мисс Мэйдж.

— Благодарю вас. Но скажите, Питер, вы не видели моего знакомого?

Молодой привратник нахмурил брови:

— Этого... которого вы мне описали? Нет... Я вообще видел только вон тех двух господ. — Он указал на Гэйла Блейка и Джосау Халлахана, занятых оживленным разговором.

Они приехали сразу вслед за вами. А больше никого...

— Ты уверен? — переспросил дядя Джерри.

— Господи! — воскликнула Мэйдж. — Это же я виновата! Потому что велела вам

отнести вещи, Питер! А Билл говорил, что подберет наш багаж на обратном пути. Должно быть, он их ищет!

— Понял, — кивнул головой привратник. — Пойду скажу ему.

Он развернулся и поспешно вышел из гостиной. Через десять минут появился Билл Пейдж — весь раскрасневшийся, с прядью волос, упавшей на лоб, в покосившихся очках. Мэйджен почувствовала, что он очень недоволен.

Но дядя Джерри встретил его так весело и радушно, что скоро все наладилось. Билла представили гостям, потом Мэйджен удалось переброситься с ним парой слов с глазу на глаз:

— У меня сердце было не на месте... Я уже боялась самого худшего...

— А я думал, что сошел с ума: сначала бумажник, потом чемоданы! Нет, и все: как испарились! Искал, искал повсюду, потом пришел тот тип и объяснил...

Мэйджен опустила глаза:

— Это я виновата... Попросила его услужить и не подумала... А бумажник-то ты нашел?

Билл похлопал по нагрудному карману:

— Да, слава богу. Он был там, где мы и думали, так что...

Он не договорил. Подошли Блейк и Халлахан.

— Сударыня, — робко обратился к Мэйдже историк, — вы его племянница? Не могли бы вы нам помочь? Скажите, что предполагается сегодня вечером? Вашему дядюшке явно очень приятно хранить тайну... Честное слово, мы будем немы как рыбы!

— Как? — воскликнул Билл. — Вы тоже не знаете, зачем мы здесь собирались? Невероятно!

— Именно, не то слово! — вступил в разговор разгневанный Гэйл Блейк. — В понедельник я случайно встретил своего друга Джосаю. Он рассказал мне об этом приглашении, а я сам еще ничего не знал! Получил приглашение только позавчера — и, конечно, без всяких подробностей.

Историк примирительно положил руку на плечо другу:

— Должно быть, мы скоро все узнаем, Гэйл...

Говоря это, Халлахан лукаво поглядывал на хозяина дома. Тот сел на стул с высокой спинкой возле камина. Оглядел собрание, Джерри Пирсон откашлялся. Наступила тишина — слышно было, как ветер воет в трубе. Потом хозяин заявил:

— Дамы и господа, прошу несколько минут внимания. И еще попрошу проявить совсем немножко терпения. Я знаю: вы сго-

раете от желания узнать, зачем я вас сегодня собрал. Через несколько минут я вам все скажу. Но вначале позвольте представить вас друг другу.

— Мне кажется, вы это уже сделали? — сказал Джосая Халлахан.

Пирсон кивнул, прикрыв глаза:

— Да, конечно — по вашим повседневным именам. Но с этого момента мы переходим в другой мир — мир короля Артура и его славных рыцарей Круглого стола! Ибо этот замок, что бы вы по этому поводу ни говорили и ни думали, — жилище Утера Пендрагона, отца Артура. Именно здесь однажды холодной ветреной ночью он вверил сына чародею Мерлину, чтобы уберечь его от заговоров, о существовании которых не без оснований подозревал. Я говорю не о нынешнем здании, а о его фундаменте. К этому мы еще вернемся...

— Обязательно вернемся! — повторил Гэйл Блейк с иронией в голосе.

Пирсон улыбнулся поэту в ответ и продолжал:

— Итак, с вас и начнем! Ваша осанка, черная борода, буйный характер — вы будете сэром Пелинором, в знаменитом бою с которым королю Артуру пришлось немало потрудиться!

Блейк засмеялся и кивнул.

Невидимый
круг

Пирсон обратился к Урсуле Браун:

— Вас, дорогая, я не вижу в иной роли, кроме феи Морганы, которая ненавидела своего брата Артура и всячески старалась вредить ему, строя самые зловредные и хитроумные козни.

Урсула открыла рот, чтобы возразить, но дядя Джерри уже продолжал:

— А вы Фрэнк Данбар, будете Акколоном — глупым рыцарем, влюбленным в Моргану, всецело ей преданным и готовым слепо следовать за нею в самых черных замыслах.

Репортер тоже был слишком поражен, чтобы возразить.

— Вы, племянница, — саркастически продолжал Пирсон, — конечно, прекрасная Гвиневра, супруга Артура, за которой ухаживает верный рыцарь — Ланселот! — Он указал на Билла Пэйджа. — А вы, Джосая Халлахан, образованный человек с миролюбивой улыбкой и длинной белой бородой, естественно, станете чародеем Мерлином. Кажется, это прозвище вам уже дали, и оно вам очень подходит.

Кого я забыл? А, еще Питер — Питер Кобб, молодой человек, который стережет вход в замок, вы его недавно видели. Подумаем, кем бы он мог быть? Собственно, роль у него малозначительная. Пусть будет Кеем — незадачливым сводным братом Артура.

Да! Остались еще вы, Чарлз Джерролд, знаменитый психиатр из Лондона. Вам я назначил роль Мордреда. Мордреда-предателя. Я вам потом объясню, почему.

Собравшиеся не проронили ни слова. Им было и забавно, и неловко. Джерри Пирсон, восседая на стуле, улыбался им. Рядом с ним потрескивало пламя в камине, дополняя это странное молчание и зажигая в глазах гостей огоньки неподдельного любопытства.

— А вы? — вдруг спросил Гэйл Блейк. — Вы-то сами, должно быть, король Артур?

Хозяин медленно покачал головой:

— Нет, не совсем... Обратите внимание: он где-то здесь неподалеку — ведь вы же знаете, что он не умер. Моя роль будет очень скромной... Самой смиренной — лучше не скажешь! — усмехнулся он.

— Но мы так и не узнали, зачем мы здесь, — сухо произнесла Урсула Браун.

— Да, что же это за необычайное событие, о котором вы нам писали? — громовым голосом возгласил Гэйл Блейк, он же сэр Пелинор.

Пирсон закрыл глаза и медленно, четко проговорил:

— Я пригласил вас ради того, чтобы вы стали избранными свидетелями убийства.

Глава 4

В гробовой тишине Джерри Пирсон расхохотался.

— Нет, нет, не беспокойтесь! За себя вам бояться нечего. Скоро вы все поймете. Но прежде предлагаю вам отдать должное этим изысканным блюдам, приготовленным лучшей стряпухой деревни!

С этими словами он встал и пригласил гостей следовать за собой к большому круглому столу. Собравшиеся повиновались не без колебаний, натужно улыбаясь. Но после пары добрых бутылок возобладала мысль, что Джерри Пирсон просто пошутил. В этой-то непринужденной атмосфере он, очень оживленный во время трапезы, опять попросил тишины.

— Недавно я вам сказал, что около полутора тысяч лет назад камни, на которых стоит это здание, служили фундаментом того самого замка, в котором родился знаменитый король Артур. Именно это место,

а не развалины на полуострове около Тинтагеля, как часто утверждают. Ошибка произошла, видимо, оттого, что они друг на друга очень похожи: ведь наш островок — словно миниатюрная копия Тинтагеля. Да он отсюда и неподалеку.

— Вы прекрасно знаете, что эта идентификация — просто легенда, — возразил Гэйл Блейк. — Король Утер никогда не бывал в замке Тинтагель, а Артур тем более. Так что нечего и говорить об этом месте.

Пирсон не расстался со своей улыбкой:

— Прекрасно понимаю вашу точку зрения, сэр Пелинор. Вам этого не перенести! Какой-то Пирсон живет в королевском замке? Такого вы допустить не можете. Но знайте прежде всего, что этот клочок земли действительно принадлежит мне. — Он обратился к племяннице: — Гвиневра, ты не знала Рут — мою мать и твою неродную бабушку? Нет, не знала... Она умерла раньше. Так вот, от нее я получил это наследство, которое, может быть, когда-нибудь перейдет к тебе.

Мэйдж еле удержалась, чтобы не сказать, что в этом случае она как можно скорее избавится от такого наследства.

— Но кроме этого уголка, она оставила мне несколько семейных тайн, которые, я уверяю, несомненно доказывают славное

происхождение моего жилища! Правда, нынешнее строение — результат серии полувинчатах переделок одного нового владельца за другим, почти никогда не доведенных до конца из-за нехватки средств. Верно и то, что и я не всегда в этом отношении был на высоте. Но бог с ним — с нынешним состоянием! Важны его корни — благородные корни!

— Мне кажется, у вас тоже бывали лучшие времена, — насмешливо заметил поэт, поглаживая большую черную бороду.

Пирсон задержал взгляд на собеседнике и продолжил:

— Известно, что вы не любите чужаков, сэр Пелинор. А я, на ваш взгляд, тоже чужак. Моя мать родом не из этих мест, чтобы считать незаконным даже мое пребывание здесь, а тем более любые мои притязания. Впрочем, вы этого никогда и не скрывали.

— Верно, — согласился поэт и с удовольствием отхлебнул вина из бокала.

Затем Пирсон обратился к психиатру:

— Вы полагаете, доктор Джерролд, что до сегодняшнего дня мы были не знакомы, не так ли? Так вот — я думаю, что это не совсем верно. Некоторое время тому назад я бывал у одной девушки из пригородов Лондона. Ее отец был богатым промышленником. Вы упорно ухаживали за этой девуш-

кой, хотя она несколько раз недвусмысленно вас отвергала. Потом ее отец погиб в результате несчастного случая. Бедное дитя сильно страдало — это правда. А некоторое время спустя вы заставили поместить ее в лечебницу. В конце концов она действительно сошла с ума, а потом покончила с собой.

Доктор Джерролд пробормотал, побледнев:

— На что вы намекаете? К тому же... прежде всего как звали эту девушку?

Пирсон продолжал, не обращая на него внимания:

— Так вы отомстили. Ей ли? Мне ли? Обоим? Не знаю, но верно то, что вы ее упрятали в лечебницу, а она вовсе не была безумной!

— Настоящая обвинительная речь! — воскликнул Джосая Халлахан. — А что вы можете предъявить мне?

Пирсон расплылся в сладчайшей улыбке:

— Вам, дражайший Мерлин? Ну кто же может что-то иметь против вас? У кого может быть мотив хоть для малейшей злобы к добруму старому чародею Мерлину? Вас все уважают, Халлахан, вы самый приятный человек во всем графстве. Собственно, потому я вас и пригласил — чтобы в некотором роде восстановить равновесие. Вы — исключение, которое подтверждает правило!

Но я боюсь, что вы совершенно неправильно толкуете мои намерения. Не стоит искать в моих словах недоброжелательность — я просто объясняю факты, которые позволяют вам лучше понять ситуацию. Повторяю: я ничего не имею против кого-либо из вас. Особенно против моей племянницы, прекрасной Гвиневры. Да будет вам известно, что в свое время она осталась практически одинокой: отец ее уехал на Африканский континент и оставил ей лишь маленькое содержание. Но теперь она взрослая девушка, собирается, должно быть, вскоре выйти замуж — не правда ли? — Этот вопрос был обращен как к Мэйдже, так и к Биллу. — Вы говорили мне, что служите в энциклопедии, мистер Пейдж? Благородная миссия просвещать людей, но, полагаю, не слишком доходная? — Билл напрягся. — Я хочу сказать, солидное наследство вам обоим не помешало бы...

А вы, Фрэнк Данбар, любили красавицу Урсулу? Что я говорю — вы до сих пор ее любите! Такую женщину, как она, не забудешь. Что она вам говорила обо мне? Уверен: ничего хорошего. Если она вас попросит, вы сделаете для нее что угодно, не так ли?

Журналист невозмутимо допил вино и очень сухо спросил:

— К чему вы клоните?

Миролюбивое лицо Джерри Пирсона расплылось в широкой улыбке.

— Разве вы еще не поняли? Здесь собралось столько людей, у которых имеются причины желать моей смерти. Жертва — тот, кого убьют сегодня вечером, — это я.

Глава 5

Джерри Пирсон неторопливо обводил взглядом комнату, не переставая улыбаться улыбкой сфинкса, а ветер ревел в трубе, раздувая в очаге огонь, оттенявший застывшие лица гостей.

Молчание прервал Блейк. В его глазах блеснула какая-то надежда.

— В общем, я понял: вы нас пригласили, чтобы присутствовать при вашем собственном убийстве. А вы тут сидите и безмятежно, чуть ли не весело ждете неумолимой судьбы? Предупреждаю вас, Пирсон: если так дальше пойдет, мы больше ни единому вашему слову не поверим!

— Я только что объяснил вам: почти у всех здесь есть причина желать моей смерти.

— И поэтому мы здесь весело пируем с вами за столом, который вы так хорошо накрыли в нашу честь!

— Как же иначе с такими почтенными гостями! Кстати, вы заметили, что этот стол

круглый? Как и другой знаменитый стол? Сэр Пелинор, сэр Ланселот, сэр Мордред — ведь вы же прославленные рыцари Круглого стола!

— А вы, раз вы председатель на этом собрании, — король Артур?

Джерри Пирсон как будто погрустнел.

— Не совсем так, хотя... Вы знаете: в последние годы царствования у короля Артура совсем не осталось друзей. Ланселот увел у него Гвиневру, Мордред только и делал, что строил козни против него. Став жертвой множества предательств, он весьма ожесточился и, должно быть, сильно мечтал о мести. Печальный конец для такого благородного человека после всех этих кровавых и дурацких войн, стоявших жизни стольким его верноподданным! Знаете, каковы были последние слова, которые смертельно раненный король сказал верному рыцарю, проводившему его на берег озера, когда Владычица Озера с тремя спутницами разыскивала его?

— «Не убивайся понапрасну, Бедивер! Я должен поспешать на остров Авалон, чтобы залечить мою жестокую рану», — процитировал Джосая Халлахан с напряженным смешком.

— Совершенно верно. А что с ним стало потом?

Невидимый
круг

— Говорят, он похоронен в Гластонбери...

— А еще говорят, — сурово произнес Пирсон, — что он мирно спит в заколдованным подземелье где-то здесь неподалеку. И еще говорят, что он не покинул остров Авалон, куда был перенесен как по волшебству, готовый прийти на помощь по первому зову своего народа, — «готов вернуться, если пожелает». Тем королем Артуром, который погиб в бою, могу быть и я, да... Но есть другой Артур: тот, что спит на Авалоне и ожидает часа мщения. Вот этого надо вам остерегаться!

В этот момент окна сотряслись от страшного порыва ветра. Хозяин вдруг встал и сказал:

— Поднимайтесь, идите за мной. Мы выйдем из дома, и я вам кое-что покажу...

Как будто под гипнозом от его странных слов, все собрание поднялось и без всяких возражений подчинилось. Конечно, пришлось подождать, пока некоторые вернулись в свои комнаты и надели пальто. Тем временем Пирсон сопроводил Билла Пэйджа в отведенное ему помещение — маленькую комнатку в конце коридора, противоположном от Мэйджа, извиняясь, что не может поместить молодого человека ближе к своей племяннице: ведь он как-никак приехал неожиданно. Все гостевые комнаты располагались

на третьем этаже — вдоль коридора в форме буквы U.

Оказалось, что в замке был еще внутренний дворик, куда вело много дверей, а наружу из него выходила только одна — проем в западной стене. Слева от проема в углу стояла квадратная башня. Через десять минут гости вслед за Джерри Пирсоном пересекли неровно замощенную площадку, погруженную в полумрак. Из-за тяжелых черных туч сумерки наступили раньше положенного. Накрапывал дождь. Штормовые фонари в руках у Пирсона и Гэйла Блейка отбрасывали огромные шевелящиеся тени на высокие стены кругом, а над стенами завывал ветер. Внутри ограды еще было какое-то ощущение безопасности, но оно пропало, как только вышли за калитку. Там, за узкой площадкой, лишь кое-где огороженной каменными глыбами, отвесные скалы уходили метров на пятьдесят вниз, к оглушительно грохочавшему морю. Ветер и дождь хлестали в лицо, словно отталкивая от него людей.

Джерри Пирсон сделал несколько шагов и поднял фонарь, осветив глыбу около края, в которую был воткнут меч. В желтоватом свете сталь поблескивала золотистыми бликами. На фоне мрачного неба все это выглядело феерически.

Невидимый
круг

— Меч короля Артура! — чуть ли не в экстазе прошептал Халлахан. — Знаменитый меч, который только молодой Артур смог выдернуть из скалы и таким образом получил корону... Право же, Пирсон, вы учили все подробности. Держу пари, что его невозможно отсюда вытащить!

— А вы попробуйте.

Халлахан подошел, за ним и Блейк с поднятым фонарем.

Меч был почти на три четверти углублен в большую, изначально полую скалу, укрепленную цементом. Он больше походил на шпагу какого-то корнуолльского флибустьера, чем на меч средневекового рыцаря: полуокруглая гарда, утонченная со стороны эфеса, и рукоять великолепной работы.

— Мне кажется, — сказал Мерлин, — эта честь по праву принадлежит вам, сэр Пелинор.

Поэт улыбнулся, отдал фонарь Халлахану, напряг свои могучие мускулы, чтобы вытащить меч, но довольно скоро убедился, что это бесполезно, и бросил.

— Практически невозможно, — вздохнул он, потирая ладони. — Лезвие почти на всю длину в цементе.

— Чтобы его достать, надо взорвать скалу, — заметил Халлахан.

— Еgo еще надо было сюда принести, — вмешался Билл. — Тоже нелегкий труд...

— Что же, — спросил Халлахан, обратив на Пирсона насмешливый взгляд, — какую роль сыграет этот меч? Он станет орудием убийства, нанесет смертельный удар?

Несколько секунд слышны были только порывы ветра и шум волн, разбивавшихся о скалы. Вдруг из темноты выступила Урсула Браун и встала прямо перед Пирсоном:

— Шутка затянулась, Джерри! Скажи, что ты замыслил!

— Какая шутка? Я вам прямо сказал, что сегодня произойдет: меня убьют.

— Прекрасно. Хочешь продолжать игру — давай. И прежде всего я хочу знать, почему ты не упомянул меня в обвинительном акте.

Волосы Пирсона разметались на ветру, он был уже не столь элегантен, но по-прежнему полностью владел собой и положением.

— Правда, Урсула, про тебя я как-то забыл. Забыл, до какой степени фея Моргана зла, капризна, губит всех мужчин близ себя. Она погружает их в отчаяние и доводит до гибели так же верно, как океан, поглощающий своих жертв. Сколько времени ты провела здесь, в этом доме? Два, три, четыре месяца? Уже не помню. Тебе было от силы лет двадцать, мне чуть побольше. Ты

меня чуть не погубила. К счастью, я вовремя спохватился и не знаю, каким чудом нашел в себе силы последним спасительным движением духа выставить тебя вон. Мужчина посмел прогнать тебя, фею Моргану! Это, должно быть, сильно тебя уязвило, глубоко ранило твою гордыню, и рана эта не зажила до сих пор. Как видишь, у тебя не меньше причин ненавидеть меня, чем у других.

— Так все здесь присутствующие — возможные убийцы? — спросил Блейк.

— Именно так, — преспокойно ответил Пирсон. — Повторяю: один из вас сегодня убьет меня. Непременно один из вас: больше никого на острове нет. За этим следит Питер Кобб. Его задача — сторожить у входа и пропускать только тех, кто приглашен на сегодняшний вечер, то есть вас.

— Право, Пирсон, это уже чересчур! И мы, по-вашему, в это поверим? Да где же такое видано? Если бы вам грозила неизбежная гибель, вы были бы в страхе и отчаянии, а вы веселитесь. Но мало того: представляетесь нам каким-то колдуном, утверждаете, будто убьет вас рука одного из нас! Поразительно! Чушь какая-то!

— Я вам больше скажу, Блейк, — протяжно произнес в ответ хозяин замка. — Я, например, знаю, кто именно из вас меня

убьет. Могу сказать вам: ничто не остановит этого человека. Удар будет нанесен, что бы ни случилось и что бы я ни сделал. И еще могу сказать: этот человек обеспечит себе безупречное алиби, сможет доказать, что физически никак не мог совершить это убийство — мое убийство!

— И кто же этот человек? — спросила Урсула Браун, не замечая капель дождя, стекавших с ее загадочного лица.

— Ну конечно же тот, кто больше всех меня ненавидит! Ты, дорогая моя Урсула!

Глава 6

На несколько секунд Урсула Браун словно окаменела. Какие только чувства не промелькнули в ее неподвижных серо-зеленых глазах! Собравшимся стало страшно, как бы она не кинулась выцарапать глаза бывшему жениху. Наконец женщина запрокинула голову, рассыпав огненно-рыжие кудри по темно-красному плащу, и громко расхохоталась.

— Так по-твоему... ох... это я тебя... сегодня... убью?

— Так оно и будет, — совершенно спокойно ответил хозяин.

— И придумаю себе безупречное алиби? Ты же знаешь, что у меня на это не хватит мозгов! Ты всегда считал меня круглой идиоткой!

— Я никогда этого не говорил...

Урсула театрально воздела руки:

— Ну еще бы! Конечно, не говорил! Но всегда давал понять.

— Ты ошибаешься. Наоборот: я всегда считал, что ты дьявольски умна. А то, что я сказал — сбудется...

— Джерри, это уже действительно перебор. Ты перестаешься, нам это надоест, и мы испортим тебе вечер.

— Урсула, ведь ты меня ненавидишь?

— Отрицать не буду, чтобы не врать.

— Вот видишь... Надеюсь, нанося роковой удар, твоя рука не дрогнет!

Урсула покачала головой. Рядом с ней стоял Данбар. Она спряталась за него и вцепилась ему в руку:

— Фрэнк, скажи что-нибудь. Я уже не знаю, что ему отвечать...

Журналист выглядел очень смущенным: дама буквально бросилась в его объятия. Но, встретив взгляд Пирсона, он взял себя в руки:

— Существует ведь очень простой выход.

— Откуда выход?

— Из положения — чтобы не дать ей... чтобы вас не...

— Чтобы спасти мне жизнь? —sarкастически перебил его Пирсон. — Вы ведь это хотите сказать?

— Ну да! Ей нужно просто немедленно уехать отсюда.

— Право, отличная мысль, мистер Данбар! Но вы не учли нашего друга Мерлина.

Джосая Халлахан, не стирая с лица улыбки, недоуменно нахмурил брови:

— Вы говорите обо мне?

— Разумеется. Здесь только один Мерлин.

— Я не дам этой прелестной особе уехать с острова?

— Нет, не сами вы — та фея, в которую вы, любезный Мерлин, влюблены: фея Вивиана. Вспомните: чтобы удержать влюбленного волшебника у себя в плену, она очертила вокруг вас невидимый круг.

— И невидимый круг оставит нас в плену здесь, — зычно произнес Гэйл Блейк. — Просто прекрасно, Пирсон! Еще немного поэзии в вашей прозе. Правда, эта старая легенда уж слишком известна... Но скажите: круг подействует прямо сейчас?

Пирсон склонил голову:

— Нет, не думаю... по крайней мере еще не сейчас... Но очень скоро!

— Верно ли, что нас не выпустит ваш привратник?

Джерри Пирсон как будто даже обиделся:

— Питер? Помешает вам уехать? Господи, конечно нет! Он здесь совсем не для этого! К тому же он далеко не круглый и тем более не невидимый. А я говорил именно о невидимом круге — настоящем невидимом круге феи Вивианы.

Речи Пирсона казались настолько бессмыслицами, что растерянные гости не знали, как на них ответить. Дождь пошел сильнее, но этого как будто никто не заметил.

Мэйдж, как и Урсула, крепко вцепилась в локоть своего спутника. Чем дальше, тем живее и сильнее она ощущала прежние страхи. Логика решительно опровергала ту ерунду, которую нес дядя Джерри, но предчувствие подсказывало: все, о чем он сейчас говорил, сбудется. То же предчувствие подсказывало ей, что надо схватить за руку Билла и бегом бежать с этого острова. Но она не хотела потерять лицо!

— Ладно! — раздался вдруг громовой голос Блейка. — А не вернуться ли нам? Сейчас все промокнем!

— Да, пойдемте, — согласился Пирсон. — Только еще одно дело. — Он засунул руку в карман, достал перочинный ножик и открыл маленькое лезвие с тупым концом. — Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из вас пометил этим лезвием рукоять меча, чтобы его потом можно было точно опознать.

Блейк охотно согласился, хотя и заметил, что все это ребяческие причуды. То же сделали его друг Халлахан и Билл, который шепнул на ухо Мэйдж, что узнает свою метку из тысячи. Потом Пирсон пред-

ложил всем мужчинам убедиться, что никакая человеческая сила не способна вытащить меч из скалы. Блейк, Билл, Данбар и Халлахан попробовали по очереди без малейшего успеха. Урсула тоже хотела попытаться: король Артур, заметила она, когда совершил свой подвиг, был физически гораздо слабее других рыцарей. Но подходя к камню, она, подобно шляпке Мэйдж, чуть не свалилась в бездну. И снова спасла молниеносная реакция Билла. Он кинулся к женщине, зашатавшейся на краю утеса, схватил за руку и резко потянул к себе. Бледная, дрожащая Урсула прижалась к нему, как испуганный птенчик.

Все собравшиеся застыли, как парализованные, а когда убедились, что опасность миновала, опять раздался голос Блейка:

— Ну, мисс Браун, экого страху вы на нас нагнали! Еще немного, и не смогли бы вы сделать то, чего ожидает от вас наш хозяин, — словом, убить его. Вот чертова незадача была бы для вас, Пирсон! Я, конечно, имею в виду — для вашей истории.

Через несколько минут все общество грелось у камина, в котором весело трепетало пламя. Урсула уже пришла в себя, но больше других искала уюта у очага. Она потирала руки и все благодарила своего спаси-

теля. «Теперь, — твердила она, — я навсегда обязана вам жизнью».

Мэйдж это было неприятно. Она холодно спросила, как же Урсулу угораздило так поскользнуться.

— Наступила на сук или на какую-то палку, она покатилась к краю...

— Вы ее не видели?

Мисс Браун в ответ только выразительно пожала плечами.

Часы пробили половину восьмого, когда случилось еще одно неприятное, хотя не такое страшное событие. Раздувая камин, Джерри вдруг вскрикнул: искра обожгла руку, сказал он. Он снял пиджак, засучил рукав и с гримасой боли принялся потирать запястье, а потом попросил племянницу пойти с ним и натереть ему руку мазью. Через несколько минут Мэйдж вернулась, но одна. Дядюшка скоро придет, сказала она. По его словам, он сейчас принесет что-то очень важное, а что — она не знает. Гости не успели вдоволь погадать, что же это будет: минут через десять хозяин вернулся с каким-то небольшим предметом, завернутым в зеленое сукно.

— Все прошло, как только племянница за мной поухаживала! — весело объявил Пирсон. — Мистер Пейдж, если вы когда-

нибудь станете счастливым супругом Мэйдж, имейте в виду: у вас будет санитарка на дому! Но я вижу в ваших глазах любопытство. Что это за таинственная вещица у меня? Это, смею сказать, вещь не просто тайна, а самая тайна. Все, разумеется, слышали про Святой Грааль — священный сосуд, который пытались отыскать доблестные рыцари. Поиски оказались долгими, трудными и тщетными.

Пирсон сделал небольшую паузу и уставился на пламя в очаге, бросавшее медные отсветы на его лицо, где пропадала загадочная улыбка.

— Помните? — продолжал он. — Однажды вечером прогремел ужасный удар грома, потрясший весь замок Камелот, а потом сосуд явился перед благородными рыцарями Круглого стола. Темный зал осветился ослепительными лучами, исходившими от золотой чаши, накрытой белой парчой. Она парила над Круглым столом, распространяя кругом дивный аромат. Стол вдруг оказался заставлен всевозможными яствами и напитками.

Потом, когда все наелись, чаша вдруг пропала, словно ее убрала невидимая рука, а с ней и чудесные лучи...

С этими словами (кроме них слышалася только треск поленьев) Пирсон припод-

нял краешек ткани, укутывавшей загадочный предмет, и открылась металлическая поверхность, круглая, сверкающая, как золото, очень похожая на пресловутую чашу.

— Святой Грааль... — завороженно прошептал Халлахан, не сводя горящего взгляда с блестящего золотого предмета, который Пирсон поскорее завернул обратно. — Есть ли пределы тщательности вашей постановки?

— Думаю, волшебный сосуд играет в вашей истории ключевую роль! — насмешливо произнес Блейк.

— Так оно и есть: ключевую, — как нельзя более серьезно ответил хозяин замка. — Потому что благодаря Граалю я смогу после смерти попасть на остров Авалон. Но час близок. Следуйте за мной.

Пробило девять часов. Стояла уже темная ночь, когда общество второй раз прошествовало через двор замка. Пирсон шел впереди со своим Граалем в руках. Он направился к квадратной башне в северо-западном углу, объяснив, что когда-то в нее можно было попасть и из здания, но теперь этот вход замурован. Фонарь осветил старинную, обитую гвоздями дверь, которая отворилась со зловещим скрипом. Гости вошли вслед за хозяином в большую комнату, где не было ничего, кроме нескольких сваленных в уголу

бочек. Большие гранитные блоки источали холодную сырость, в них было пробито лишь одно крохотное оконце, за которым слышался рокот бушующего моря. Узкая винтовая лесенка в стене вела вверх.

— Будьте осторожны, — предупредил гостей Пирсон подходя к лестнице. — Здесь совсем темно, а идти придется гуськом.

Подъем в этой темной, продуваемой ветром трубе, был очень труден для Мэйдж. Она шла позади, уцепившись за руку Билла, ступая наугад: ей практически ничего не было видно. С ее места свет фонаря дяди Джерри казался совсем крохотным и дрожащим. Не без некоторого злорадства она услышала, как застонала, оступившись, Урсула Браун.

Наконец, миновав несколько этажей, где не было ничего, кроме больших пустых помещений шириной во всю башню, они вышли на верхний этаж — пятый, как сказал Джерри Пирсон, но Мэйдж он показался вершиной Вавилонской башни. Все столпились на маленькой площадке перед дверью, такой же крепкой, как входная. Она вела в комнату с довольно низким потолком. Там был камин с хворостом и несколькими поленьями. На столике глиняный кувшин, масляный светильник и спички. Стены были покрыты штукатуркой, кое-где потрескавшейся, но

почти без следов сырости. Очевидно, камин довольно часто топили. Мебель была самая скучная: старое кресло с высокой спинкой у очага и видавший виды квадратный сундук, окованный железом. Сундук стоял прямо под одностворчатым окном с мелкими стеклами в частых свинцовых переплетах. Снаружи его еще защищала крепкая железная решетка в виде маленьких ромбов. Это казалось даже излишним: к окну, выходившему на океан на огромной высоте, и так было не подобраться.

Когда все осмотрелись, Пирсон зажег светильник и попросил еще внимательнее исследовать комнату, чтобы убедиться, что в ней ничего не спрятано и нет никаких тайников.

Осмотр был тщательным, но кратким: и камин, и окно, и потолок, и стены, и сундук были точно такими, какими казались. Потом Пирсон положил свой Грааль на сундук, подошел к камину и принялся его разжигать. Не оборачиваясь, он говорил, иногда покашливая:

— Хорошо провести последние минуты возле огня... Теперь, друзья мои, я попрошу вас меня оставить. Мне непременно нужно побывать здесь одному, в покое. Как только вы уйдете, я запру дверь на крепкий засов.

Он достал из кармана какой-то конверт, протянул его Блейку и, не кашляя больше, закончил:

— Здесь вы найдете воск для печатей и две веревочки. Ими опечатаете дверь с другой стороны. Как печать используйте что-нибудь из своих вещей: перстень, кулон... Прощу вас сделать все очень аккуратно — это крайне важно. В ближайший час меня ни в коем случае нельзя тревожить!

Глава 7

Почему они никак не отзвались? — думала Мэйдж, глядя, как Билл расхаживает у камина. Все были какие-то вялые, словно в ступоре, во всем покорны напору дяди Джерри, исполняли, как под гипнозом, любые его требования. А сама она что делала?

А ничего. Совсем ничего. Точно так же, как и все остальные. Ждала, что будет.

А что будет? Она не смела даже думать об этом. Подъем по лестнице во мраке совсем выбил ее из колеи. А потом — глухой звук закрывающейся двери, затем стук засова, задвинутого дядей Джерри. При свете фонаря она с отчаянием смотрела, как сэр Пелинор и чародей Мерлин накладывают печать на дверь, потом Мордред-предатель подносит к воску свой перстень с печаткой, а фея Моргана — медальон. В этот момент, в бледном свете фонаря, девушка подумала: а вдруг она и вправду переживает какой-то из эпизодов истории Артура? Но глав-

ное — как же продолжится этот необычный вечер? Что будет дальше? И чем все закончится?

Убийством? Неужели дядя Джерри добровольно пошел навстречу смерти? Какой бред! Впрочем, все, что он говорил, было бредово. Какой-то невидимый круг, Урсула Браун в роли убийцы... Правда, вот эта мысль ей как раз не казалась неправдоподобной. Она ненавидела эту женщину. Должно быть, та нарочно покачнулась на краю пропасти, чтобы ее обнял Билл, который в тот момент стоял ближе всех к ней. Да, такая способна на все... А где же Урсула, между прочим? Кроме Билла, Мэйдж видела только Блейка и Халлахана, которые как раз вышли из гостиной. Она машинально посмотрела на часы: они показывали без двадцати десять. С тех пор, как гости спустились с этой ужасной башни, прошло всего десять минут. Десять минут показались ей вечностью.

— Черт побери, — взорвался вдруг Билл, — нельзя же так сидеть и ничего не делать! Безумие! У меня предчувствие, что сейчас случится беда.

— Я уже давно так думаю...

— Но это совершенное безумие! Не позволит же он себя вот так, по доброй воле, убить! Такого не бывает! Какую бы ерунду

твой дядя тут ни нес, но не до такой же степени он спятил!

Мэйдж глубоко вздохнула.

— Теперь понимаешь, каковы были всю жизнь мои чувства к нему? Никогда не знаешь, что он выкинет.

— И все-таки я его не боюсь, — твердо сказал Билл, встав перед камином. — Правда...

— Что?

— Ну, есть иногда у него что-то такое во взгляде...

— Да, вот видишь! Именно это я тебе и говорила! А... Билл!

Молодой человек обернулся. Его невеста в растерянности широко раскрыла рот.

— Сумочка, моя дамская сумочка! Куда она пропала?

— Сумочка? Пропала когда — сейчас?

— Нет...

— А когда же?

— Я... Не знаю. Когда я пришла в замок, она точно была у меня в руках, а потом... После всего, что было...

Билл подошел к Мэйдж:

— Ничего-ничего, не волнуйся. Она где-то здесь. В ней было что-то важное?

— Нет, ничего. Ничего... только то письмо.

Невидимый
круг

Билл нахмурился:

— Какое письмо?

— Не знаю! Я вынула его из почтового ящика утром и думала прочесть в поезде. А потом у меня в голове был только этот дядя Джерри, я обо всем забыла... Неприятно — я не знаю, почему, но мне кажется, в нем содержалось что-то важное...

— Может, сумочка просто лежит у тебя в комнате? А все-таки странно: то одно пропадет, то другое... Хотя потом все находится.

— Пойду посмотрю в комнате.

— А я прогуляюсь к башне.

Мэйдж в испуге распахнула глаза:

— Билл, не ходи! Дядя Джерри ведь ясно сказал, чтобы его никто не беспокоил!

— Не бойся, к нему я не пойду. Но все-таки интересно, что там происходит — хотя бы вокруг посмотрю...

Урсула Браун из башни прошла прямо к себе в комнату, а через несколько секунд к ней в дверь уже постучали. Это был журналист Фрэнк Данбар. Она ничуть не удивилась.

— Рада, что ты здесь, Фрэнк. Джерри довел всех нас чуть ли не до нервного срыва. Тут он, я бы сказала, со временем к лучшему не изменился. Даже наоборот.

Данбар привычной походкой вразвалку направился к стулу у окна, сел, закурил сигарету, немного помолчал и сказал:

— Что меня удивляет — как ты могла с ним тогда встречаться и даже, больше того, несколько месяцев здесь прожить.

Урсула погладила медальон на груди:

— И я не понимаю. Но все-таки он очень изменился. Это было лет двадцать назад.

— Странно: послушать его, так это ты была тигрица, которая с ним забавлялась.

Урсула пожала плечами:

— Мало ли, что он тут наговорил — ты же понимаешь. На самом деле это он играет с нами, играет на наших нервах, и бог еще знает, как этот вечер закончится. Я его убью, придумав и выполнив какой-то хитрый план? Чушь! Но свернуть ему шею я бы очень хотела.

Данбар попытался улыбнуться:

— В каком-то смысле ситуация даже забавная. Ведь если с ним действительно что-то случится, что чем более невиновной ты будешь казаться — например, если у тебя будет прочное алиби, — тем больше твои поступки будут соответствовать его словам, и ты окажешься под подозрением...

— По-твоему, это смешно?

Невидимый
круг

— Нет. Честно признаюсь, смеяться мне совсем не хочется. Да мне уже давно не хочется смеяться. Урсула...

Чтобы доставить себе больше удовольствия, Урсула повернулась к большому стенному зеркалу в золоченой раме — проверить, не растрепалась ли прически.

— А собственно, зачем ты сюда приехал? — спросила она. — Почему принял приглашение Джерри?

— Как ты догадываешься, не для того, чтобы с ним познакомиться, хотя приглашение было очень любезное. Нет, я решился потому, что понял из его письма: ты тоже здесь будешь. А ты?

Урсула обернулась и медленно подошла к бывшему жениху. Подняв на него сине-зеленые глаза, она прошептала:

— Еще не догадался?

Выйдя из гостиной, Блейк и Халлахан увидели в конце коридора, в проеме открытой двери доктора Джерролда, который курил, сосредоточенно погрузившись в созерцание темного дворика.

Два друга подошли к нему. Какое-то время слышался только стук дождя по камням.

— Мерзкая погода, — заметил психиатр.

Блейк без церемоний спросил его, что он думает о Пирсоне.

Джерролд ответил: пока он воздержится от каких бы то ни было суждений. По какой причине он принял его приглашение? И тут он предпочел бы пока промолчать. Близко ли они знакомы? Нет, он никогда раньше Пирсона не видел.

— Иными словами, — сказал Блейк, искоса поглядывая на доктора, — история, которую он про вас рассказал, — чистая ложь?

— Конечно. Впрочем, не исключено, что я поступил так, о том не ведая, то есть поместил в лечебницу девушку, которая действительно была его невестой. А он потом придумал всю эту драму и вообразил, что мой поступок был продиктован местью. Вы же понимаете: за время моей практики я имел дело с очень многими. А поскольку этот случай произошел уже много лет назад, если он вообще происходил...

— Вы так много людей поместили в психушку? — шутливо осведомился Халлахан.

Доктор Джерролд и не подумал улыбнуться в ответ.

— О таких вещах никому не рассказывают — само собой разумеется. Но это случается чаще, чем думают.

— Я полагаю, не так-то просто определить степень тяжести состояния и принять решение?

— Это действительно нелегко, — вздохнул психиатр.

— Каждый из нас по-своему сумасшедший, не правда ли?

— Вы совершенно правы. В каждом человеке дремлет безумие...

Его слова прозвучали в мрачной тишине, которую тут же вновь нарушил вой шквалистого ветра.

— Что вы думаете о Пирсоне? — повторил вопрос Блейк.

— Вы уже спрашивали об этом, — холодно заметил психиатр.

— Но вы не ответили.

Джерролд ненадолго задумался, глядя на башню, почти невидимую во тьме.

— Я думаю, этот человек ставит некий опыт.

— Какого рода?

— Опыт по человеческому поведению. Но больше я вам пока ничего не скажу.

— Хорошо, — произнес Халлахан. — Только я хотел бы задать еще один, последний, вопрос о нем. По вашему мнению, вполне ли наш хозяин здоров психически?

Джерролд невозмутимо достал новую сигарету и ничего не ответил.

— Так или иначе, — сказал Блейк своему другу по дороге обратно в гостиную, — доктор, кажется, тоже не слишком спокоен. Вы видели: он не сводил глаз с башни...

Халлахан кивнул.

— Черт побери, не будем же мы здесь сидеть и ждать сложа руки! Я тоже пойду к башне, посмотрю, что там, только со стороны моря.

— Будьте осторожны, ведь тьма кромешная! Наша фея Моргана уже чуть было не свалилась в океан!

В половине одиннадцатого тишину разорвал отчаянный вопль. Все услышали его — кто громче, кто тише, — и через пару минут уже толкались в маленьком дворике. Блейк убежал, потом вернулся со штормовым фонарем — лица собравшихся в его свете казались растерянными и встревоженными.

Слышались бессвязные фразы:

— Какой кошмар, никогда не слышал ничего подобного!

— Наверняка это он кричал!

— Билл, ты слышал? Ужасно!

— Успокойся, Мэйдже, прошу тебя...

— Это предсмертный вопль! С ним что-то случилось!

— Скорее, скорее наверх, нельзя терять время!

Невидимый
круг

С этим были согласны все, хотя кое-кому понадобилось набраться немало смелости, чтобы переступить порог башни. По темной винтовой лестнице на верхний этаж последние в цепочке поднялись почти вслепую: через узкие амбразуры не пробивалось ни лучика света.

На верхнем этаже Блейк, взяв на себя роль главного, стал колотить в дверь и звать хозяина. Ответа не было. Тогда поэт повернул дверную ручку — ничего, принялся звать с удвоенной силой — напрасно. Все гости толпились на маленькой лестничной площадке.

— Черт побери, с ним что-то стряслось! — проревел Блейк. В свете фонаря было видно, что он все больше тревожится. Поэт наклонился посмотреть, где замочная скважина, но с наружной стороны в двери была только ручка. — Похоже, делать нечего: нужно выломать дверь!

— Печати! — воскликнул стоявший рядом Халлахан. — Не забудем проверить!

Фонарь поднесли к веревочкам, привязанным к ручке и с обеих сторон припечатанным воском на косяке. Все казалось нетронутым, внимательный осмотр (особенно приглядывались те, кто прикладывал к воску свои вещи) подтвердил, что печати не нарушены. Блейк — здоровенный дети-

на — взялся высадить дверь плечом. Это было тяжело, тем более что ему негде было разбежаться, и лишь после нескольких попыток дверь зловеще треснула и подалась.

Увиденное заставило их замереть на месте. Гэйл, влетевший в комнату по инерции, резко затормозил, раскрыл рот и не смог издать ни звука.

Справа хлопало на ветру распахнутое окно. При мирном треске дров в камине еще удивительнее казалось неподвижное тело, распростертное на полу возле сундука. Его голова была закрыта обгоревшей тлеющей тканью, от которой шел тошнотворный дым. А в спине торчал меч.

И этот меч, как родной брат, оказался похож на тот, что был воткнут в скалу, — на меч короля Артура.

Глава 8

Доктор Джерролд опустился на колени, затем встал и покачал головой.

— Он мертв, никакого сомнения. Смерть наступила совсем недавно, тело еще теплое. Убит, по всей очевидности, этим мечом. Что же касается тряпки...

Он указал на полусгоревшую темную ткань, закрывавшую голову трупа. Блейк поспешно отбросил ее в угол.

Труп лежал ничком, как собака на лежке, ногами возле сундука, а головой, повернутой налево, у камина. Одна рука была подогнута под живот, другая вытянута вправо. Еще страшнее, чем меч, глубоко воткнутый в спину, был вид мертвого лица: горящая ткань сильно его обожгла. С опаленными волосами, со множеством язв и волдырей оно стало почти неузнаваемым.

— Убит? — почти беззвучно выговорила Мэйдж, стоя за спиной у Билла.

Доктор Джерролд взглянул на нее:

— В этом, мне кажется, тоже нет ни малейшего сомнения.

— А это действительно... он? — спросила Урсула Браун, вцепившаяся в журналиста.

Равнодушно-исследовательский взгляд психиатра опять обратился к мертвому телу.

— Одежду легко опознать: его вельветовая куртка, его галстук... Черты лица, правда, стали неотчетливыми, но тоже кажется, что это он. Тело, лежащее перед нами, может принадлежать только нашему хозяину — Джерри Пирсону. Это совершенно очевидно.

— Значит, его все-таки убили... — просто-нала Мэйдж, не сводя с трупа широко раскрытых от страха глаз.

— Ясно, что меч, так глубоко застрявший в спине, категорически исключает версию о самоубийстве или несчастном случае. Что же касается убийства... — Доктор Джерролд задумчиво обвел глазами комнату. — Каждый согласится, что за последний час человек из плоти и крови, включая самого Пирсона, никак не мог переступить порог этой комнаты: мы видели, что печати целы. К тому же дверь была заперта изнутри на прочный засов, который задвинул сам Пирсон. Кроме того, в комнату можно попасть только через окно. Оно открыто, но находится за прочной решеткой, которая, судя по первому

впечатлению, тоже цела. Как же вошел убийца? И больше того — как он вышел? Когда мы осматривали все углы этой комнаты, его здесь не было — да тут и нет места, где мог бы спрятаться человек. В сундуке только старые деревянные игрушки, и он слишком мал. А каминная труба не только узка, но и перегорожена двумя прочными железными балками.

— Не говоря уже о мече, — заметил Халлахан, осматривая окно. — Это тот самый меч из скалы. Я точно узнал метку, которую поставил на нем. Гэйл тоже, не правда ли? — Блейк кивнул. — А вы, мистер Пейдж?

Билл подошел к мертвецу, поправил очки, взгляделся в рукоять меча и подтвердил:

— Совершенно точно.

— Мало того, что нужна геркулесова сила, чтобы выдернуть его из скалы, — продолжал Халлахан, — мало того, что убийца сюда как-то попал, а потом каким-то образом исчез, — есть еще одна проблема с этим мечом: он-то как оказался в опечатанной комнате?

— Пойду посмотрю, что там у скалы, — предложил Блейк и направился к выходу.

— Правильно — хотя бы проверить, что там сейчас. А мы пока подумаем. Мы ведь совершенно уверены, что меча в комнате, когда мы ее осматривали, не было, вы

согласны? Увидев открытое окно, я сначала подумал, что его просунули через решетку. Но нет — подойдите-ка, посмотрите. Прежде всего она очень крепко вделана в камень — никакой фальши быть не может. И состоит из ромбов стороной меньше десяти сантиметров. Я еще не проверял, но уверен, что гарда меча шире по крайней мере на сантиметр другой.

— Кажется, вы правы, — сказал доктор Джерролд. — Но чтобы убедиться в этом, нам, к сожалению, придется дождаться представителя закона.

— Загадкой больше... — вздохнул Халлахан, смотря в пол. — Но кроме всех этих физических невозможностей, есть еще психологическая — на мой взгляд, еще более странная. Кстати... Посмотрите сюда...

— А что? — спросил доктор Джерролд. — На полу и на сундуке вода? Вполне естественно, когда на улице такой ветер и дождь. Смотрите: окно так и ходит туда-сюда, и стекло все мокрое.

— Нет, не то... На сундуке кое-что было, а теперь нет...

— Грааль! — воскликнул доктор.

— Когда мы уходили, Пирсон поставил его на сундук, а теперь его нет. Еще одна тайна...

— По легенде, которую он нам напомнил, — вставила слово Урсула, — эта вещь может летать по воздуху!

— По легенде — может... А! На сундук мы посмотрели, а глядите, что там, сзади... Что-то лежит... — Он нагнулся, вытащил зеленую тряпку и продемонстрировал ее. — Я ее узнаю: именно в нее он завернул Грааль. Только, боюсь, нам это ничем не поможет.

Джерролд кивнул головой и спросил:

— Вы что-то сказали про психологическую загадку?

— Что она мне кажется еще более поразительной, чем все остальные. Как человек в здравом рассудке, зная, что будет убит, может вести себя так, как он: легкомысленно, весело, словно играя? Больше того: Пирсон, кажется, все сделал, чтобы помочь убийце осуществить свой умысел, — все для собственной гибели. — Халлахан помолчал, чтобы придать больше веса своим словам. — Не знаю, отдаете ли вы себе в этом отчет, но до сих пор все его предсказания в точности сбылись: он убит этим мечом и, вероятно, одним из нас.

— Вы хотите сказать — мной? — выступила вперед Урсула Браун. — Ведь он говорил так, разве нет? Что роковой удар ему нанесет моя рука? Но вот тут вышла

ошибка! Весь этот час, кроме одной или двух минут, я провела вместе с Фрэнком. Фрэнк, ты можешь им это подтвердить?

Репортер с серьезным видом кивнул:

— Совершенно верно. Мы оставили его здесь около половины десятого. Спустившись, я только выкурил сигарету и сразу пошел к Урсule. Я утверждаю, что с той минуты и до того момента, как раздался крик, я не расставался с ней ни на секунду. Слышите: *ни на одну секунду!*

Снова настала тишина. Данбар, ожидавший ответа, не обратил на нее внимания, продолжая почти раздраженно:

— От Пирсона мы ушли в половине десятого, а крик прозвучал около половины одиннадцатого. У убийцы был примерно час. Кто из вас может сказать, где был в это время, так же точно, как мы?

Последовали короткие объяснения, и стало ясно — никто, кроме Урсулы и Фрэнка. Все остальные оставались в одиночестве по крайней мере на полчаса.

— Итак, — подвел итог Данбар, — вы видите: если здесь и есть преступник, то это не Урсула!

— Вы, кажется, забываете одну вещь, — возразил ему Халлахан и направился к куску обгоревшей ткани. — Именно это и пред-

сказывал Пирсон: Урсула сумеет устроить себе неоспоримое алиби и доказать, что не могла совершить это преступление. По крайней мере физически не могла. Согласитесь, это в точности та ситуация, которую мы сейчас обсуждаем. Очень боюсь, дорогой мой Данбар, что ваши показания вовсе не свидетельствует в пользу Урсулы... Но вот еще что. Скажите, мисс Браун, ранним вечером, когда мы шли через двор, на вас была такая накидка, довольно темная, почти бордовая, не так ли?

— Накидка? Ну да, я надела ее на улицу. Но к чему этот вопрос?

— Где она?

— Я не знаю... Может быть, у меня в комнате...

— Подойдите-ка сюда, приглядитесь к этой обгоревшей тряпочке...

Урсула, вдруг побледнев, подошла к седобородому человеку. Нагнувшись, она посмотрела на то, что осталось от еще дымившейся ткани, и попятилась:

— Не может быть! Как будто моя накидка!

Халлахан с серьезным видом кивнул головой:

— И мне тоже так показалось. Надеюсь, вы сможете вспомнить, где и когда потеряли ее?

Урсула побледнела еще больше. Руки у нее дрожали. Она была в панике:

— Боже мой, нет, не знаю... Ах да, вот! Я сняла ее, когда мы вернулись в гостиную после того, как смотрели на меч в скале. А немнога позже спохватилась, что накидки нет. Но слишком сильно не беспокоилась: думала, что оставила ее где-то в другом месте. Я бываю довольно рассеянной, так что...

На лестнице послышались шаги, и запыхавшийся Блейк появился в дверном проеме.

— Там ничего нет. И сам камень исчез!

На лице Халлахана не дрогнул ни один мускул. Он сказал:

— Сейчас мы его не найдем — вероятно, он внизу, под скалами.

— Но какая же сила нужна, чтобы это сделать!

— А чтобы вытащить меч — еще больше, — заметил историк. — Но пока оставим это. Вернемся к этой накидке, дорогая Моргана. Вы отдали ее вашему брату, королю Артуру...

— Но я ему ничего не отдавала! И бросьте эти дурацкие прозвища!

— Представьте себе, я нарочно вас так назвал. Разве никто не заметил, что сгоревшая накидка напоминает эпизод артуровской легенды? Вспомните, Пирсон

говорил: сестра Артура Моргана все время строила против него козни. Однажды к королю пришла служанка и принесла в подарок от своей хозяйки феи Морганы прекрасный плащ: мол, она хочет, чтобы Артур простил ее за какую-то очередную провинность. Но Артур не попался: он сразу почуял ловушку. Король заставил служанку надеть этот плащ — и та превратилась в живой факел. Связь очевидна: Пирсона сожгла накидка Ursулы — феи Морганы. К тому же обращаю ваше внимание, Данбар, что алиби мисс Браун подтверждается вашими словами, а вам неизвестно, что рыцарь Акколон, которого вы изображаете, был безумно влюблен в фею Моргану и готов для нее на все...

Ошеломленный Данбар покачал головой:

— Совершенно безумная история...

— О да, вы правы, — вздохнул Халлахан и опять подошел к мертвому. — Все это и абсурдно, и дьявольски логично от начала и до конца. Можно было бы принять происходящее за дурную шутку, за розыгрыш, но увы! Перед нами самый настоящий труп.

Гэйл Блейк стукнул себя кулаком по ладони и сказал:

— Верно, все это абсурд, но я ни за что не поверю, будто этот деятель, этот Пирсон мог себя убить или позволить убить только

ради забавы! Это вообще невероятно! Я уверен, что у него не все в порядке с головой, но не до такой же степени...

— А вдруг это не он? — предположил Халлахан, прищурившись. — Вдруг это не его труп? Не спрашивайте, как он сюда попал, — сейчас я не могу этого сказать. Да, лицо похоже, хотя и обожжено. Но при всем том, что мы имеем, я думаю, нам никак нельзя не рассмотреть и эту версию. Как вам кажется, мисс Пирсон, у вашего дяди был брат?

Мэйдж явно была задета.

— Мой отец — его единокровный брат, но он давно умер, — резко ответила она. — Могу еще сказать, что они были совсем не похожи: ни внешне, ни внутренне, ни характером.

— Я имел в виду не вашего отца.

— Подождите... — задумалась Мэйдж. — Да, конечно, есть еще другой сводный брат — Горацио, который очень давно попал в лечебницу! Я его никогда не видела, но мне говорили, что внешне они очень похожи. Господи, не хотите ли вы сказать, что дядя Джерри его убил? — Она указала на труп.

— А как, по вашему мнению, способен ли он на это?

— Я... я не знаю, — нерешительно проговорила Мэйдж. — Но это так жестоко, и вообще... Стойте! — вдруг просияла

она. — Есть простой способ убедиться, он ли это.

Все взгляды обратились к Мэйдже. Несмотря на все, что случилось, ей хоть на несколько секунд, а стало приятно, что она в центре внимания.

— Все очень просто: у дяди Джерри на правой руке есть маленькая родинка. Я сегодня ее видела, когда мазала ему руку мазью от ожога. Надо только посмотреть и проверить...

Халлахан и доктор Джерролд немедленно взялись как можно аккуратнее засучивать правый рукав покойного. Мэйдже и все остальные, кто был в комнате, затаили дыхание. Родинка обнаружилась, Мэйдже ее сразу же узнала, но легче от этого не стало — даже наоборот.

— Возвращаемся в исходную точку, — вздохнул Блейк.

Халлахан стал расхаживать перед угасающим камином.

— Погодите! — вдруг сказал он. — Это ничего не значит. Этот ожог якобы искрой из камина сразу показался мне каким-то ненатуральным. Скажите, мисс Пирсон, а вы действительно видели ожог на руке вашего дядюшки?

— По правде сказать, нет...

— Значит, он, может быть, нарочно все это разыграл как раз для того, чтобы вы, на-

тирая его мазью, увидели эту родинку, которую он, возможно, сам себе каким-то способом сделал. Точно такую, какую мы сейчас видим на мертвеце.

Стояла абсолютная тишина...

— У меня впечатление, что мы ходим по кругу, — сказал доктор Джерролд, в первый раз за вечер изобразив какое-то подобие улыбки.

— Слушайте! — вдруг вмешался Билл. — Мне кажется, мы кое-кого забыли. Этот человек прекрасно знает твоего дядюшку, Мэйдж, и мог бы нам помочь. Это Питер Кобб — сторож и фактотум!

— Боже мой, и правда! — воскликнула Мэйдж. — Должно быть, бедняга так и сидит в своей сторожке в такую погоду...

— Думаю, с ним нужно поговорить, — сказал Билл. Не сразу дав убедить себя, он с общего одобрения отправился за Питером.

Остальные решили вернуться в гостиную, где, к всеобщему удовольствию, налили себе подкрепляющего. Было также решено, что, когда вернется Билл с Питером Коббом, кто-то должен пойти сообщить в полицию. Затем слово взял Гэйл Блейк. Он казался несколько смущенным и говорил очень серьезно.

— Даже не знаю, с чего начать. Все происходит как-то слишком быстро. Недавно

я вам говорил, что, пока мы ждали, я вышел обойти башню. Не во дворе, как вы, Джерролд, а с той стороны стены, с запада. Я пошел вдоль стены по очень опасной крутой тропинке до самой башни, но ничего толком не увидел: больше заботился о том, чтобы не упасть, чем смотрел на эту самую башню. Подо мной ревел океан, дождь как раз пошел проливной. Поэтому мое свидетельство не имеет безусловной цены. Я видел только северный угол башни, а не западную стену, куда выходит окно верхней комнаты, в которой заперся Пирсон. Едва был виден туманный свет во тьме где-то очень высоко. Но хотите верьте, хотите нет, только вдруг возле угла я заметил какое-то шевеление — как будто кто-то лез по другой стене...

Халлахан посмотрел на своего приятеля с сомнением:

— Насколько я понимаю, Гэйл, лезть там по стене практически невозможно, и особенно с той стороны.

— Я знаю. Потому и говорю, что относиться к моему свидетельству нужно осторожно.

— А вдруг это был Он? — с трудом выговорила Мэйдж. — Король Артур?

Историк медленно покачал головой и торжественно произнес:

— «Он был перенесен на остров Авалон, как по волшебству, но готов вернуться, если пожелает... Он спит на Авалоне и ожидает часа мщения...»

— Помилуйте! — воскликнула девушка. — Вы хотите, чтобы мы умерли от страха!

— Я только повторяю слова вашего дяди...

В этот момент настойчиво зазвонил колокольчик у входа.

Гости удивленно переглянулись.

— Это, должно быть, Билл, — сказала Мэйдж. Но она, как и все, не понимала, зачем он дает знать о своем приходе таким образом.

Гэйл Блейк вышел и вскоре вернулся вместе с двумя людьми. Но это были не Билл Пэйдж и не Питер Кобб. Один — высокий и мрачный в полицейской форме, другой среднего роста, в черном плаще, с рыскающим взглядом — должно быть, тоже из полиции. Человек в плаще суровым голосом представился:

— Инспектор Рой, полиция Бодмина. А это сержант Хант. Мы получили телеграмму, что сегодня вечером в этом замке произошло убийство.

Глава 9

— Мы уже в курсе того, что здесь произошло, — продолжал инспектор Рой. — По дороге мы встретили мистера Пейджа.

— Билла? А почему его здесь нет? — вся дрожа, тотчас осведомилась Мэйдж.

Этот инспектор, сухой, как деревяшка, очень ей не понравился. Густые брови и черная борода, хотя и не такая внушительная, как у Блейка, без всякой нужды придавали ему абсолютно ледяной вид. Рядом с ним долговязый сержант Хант, несмотря на похоронную мину, казался почти симпатичным.

— Он нам все рассказал, — ответил инспектор, — и я послал его позвать кого-нибудь из полиции Тинкастла.

— Пешком? В такую погоду? — встревожилась Мэйдж.

— Иначе туда не попадешь. Впрочем, это не так далеко. У нас не было выбора: наше с сержантом присутствие здесь в дан-

ных обстоятельствах представляется мне без-
отлагательной необходимостью.

— А Питера Кобба там не было?

— Вы имеете в виду молодого человека,
охраняющего вход в замок? Я приказал ему
не покидать своего поста. Его показания мо-
гут быть решающими: как видно, никто не
может ни войти в замок, ни выйти, чтобы он
его не заметил. Кто-нибудь отведет нас на ме-
сто преступления?

Блейк и Данбар остались с дамами, а до-
ктор Джерролд и Джосая Халлахан повели по-
лицейских к башне, продолжая рассказ о слу-
чившемся. Инспектор слушал их, ни слова не
говоря. В комнате, где совершилось убийство,
он особенно задержался у окна. Понюхал сго-
ревшую накидку и обнаружил запах спирта.
Затем осмотрел труп, после меч, причем за-
метил своему подчиненному, что на нем нет
отпечатков пальцев. Секунду подумав, он вы-
дернул меч из трупа, протер острие носовым
платком, внимательно осмотрел и убедился,
что лезвие крепкое. Затем попросил Джеррол-
да и Халлахана сделать то же самое; они не
без удивления подчинились. Психиатр едва
взглянул на меч и тут же отбросил орудие
убийства, как будто оно жгло ему руки.
Историк же проявил больше дотошности
и даже довольно бесцеремонно обходился

с мечом, крутя его так и сяк. Но это ничего не дало. Инспектор Рой забрал орудие убийства, опять подошел к окну и просунул меч через решетку до самой гарды. Гарда не прошла.

На его бесстрастном лице появилось некоторое неудовольствие.

— Об этой возможности, — сказал Халлахан, — я уже думал: убийца снаружи ударили жертву в спину через решетку. Не спрашивайте, как он влез на башню, как случилось, что убитый повернулся спиной к решетке, но в тот момент это казалось мне единственным возможным решением.

— А теперь мы должны его окончательно отмести, потому что рукоять хоть на пару сантиметров, но не проходит. И согнуть ее невозможно. Жаль.

Затем осмотрели всю комнату снизу доверху, но очень скоро убедились, что никакого потайного хода нигде нет. Все четверо спустились во дворик и вышли через калитку на площадку, где гости видели меч, торчащий в скале. В свете сильного фонаря инспектор разглядел на камнях под ногами следы, ведущие к обрыву и означавшие, что глыбу двигали.

— Ее сбросили в море, — пояснил он. — Пока на этом можно не задерживаться. Нужно будет поискать ее днем, хо-

тя в такой прибой и у таких рифов это будет непросто. Вы говорите, меч прочно держался в скале?

— Да, и, кажется, еще и с цементом, — ответил Халлахан. — Но я в самом деле не понимаю, как его без инструмента удалось так скоро вытащить. Единственное объяснение, по моему мнению: глыбу столкнули в море, она раскололась, и меч достали. Но посмотрите вниз, если не боитесь подойти близко к краю. При таком бурном море на этих рифах сделать подобное абсолютно невозможно.

Столь же невозможноказалось и залезть на башню, тем более с северной или западной стороны. Правда, камень был отнюдь не гладкий, но по вертикальной стене так все равно не поднимешься. Подобраться к окну с крыши? Но крыша столь же недоступна, как и само окно. Залезть по веревке? А за что ее зацепить? Тогда получалось, что сам убитый — соучастник...

— И потом, — проворчал инспектор Рой, — что бы мог сделать этот отважный акробат на веревке, когда ее то и дело раскачивает ветром, а внизу грозные скалы и морская пучина только и ждут его? Нет, это мне кажется таким же бредом, как все остальное. Идемте обратно, это мы рассмотрим подробнее позже, вместе с коллегами.

Вы, Хант, возвращайтесь на место преступления и стерегите тело. Может быть, найдете какие-нибудь зацепки.

Вернувшись в гостиную, инспектор Рой решил, пока не подошли местные полицейские, подвести итог.

— Я должен сделать важное заявление, которое всех вас, вероятно, поразит. Но прежде обрисую основные факты этого преступления, которое действительно, мягко говоря, выходит за рамки обыденного.

Начнем с начала. Всех вас пригласили под каким-либо предлогом: туманным, но достаточно привлекательным, чтобы вы приехали. Впрочем, мы не знаем, не был ли приглашен на это суаре еще кто-нибудь.

Прямо, так сказать, с порога, Пирсон объявляет вам, что состоится убийство. Вы садитесь за стол, он предъявляет какие-то неопределенные обвинения, дает вам прозвища — имена героев артуровских романов. Прием в самом разгаре, и тут Пирсон всех ошеломляет второй раз: жертвой будет он сам!

Но это, разумеется, еще не конец. До сих пор все слишком просто. Он показывает вам орудие преступления, заставляет убедиться, что воспользоваться им нельзя, потом просит кое-кого из вас поставить на нем метки, чтобы можно было точно

опознать его. Затем утверждает, будто знает убийцу, и указывает, кто это. К тому же он говорит, что у этого лица окажется железное алиби, что его физически нельзя будет обвинить в совершении преступления. В скобках замечу: хорошо, что нам нечасто приходится сталкиваться с такими ситуациями, иначе все вокруг обвиняли бы самих себя только для того, чтобы казаться невиновными.

До этого момента все, конечно, кажется слишком нелепым, чтобы серьезно к этому относиться. Пирсон закрывается в комнате, которую велит опечатать, запирается изнутри, а час спустя издает отчаянный крик — и его находят мертвым. Он ли это кричал? Сомневаюсь... Если бы мы могли установить точный момент смерти... Каково ваше мнение, доктор Джерролд? Вы осматривали труп сразу после этого крика, то есть около половины одиннадцатого?

На вопрос полицейского психиатр отреагировал не сразу. Он уже давно пребывал в глубокой задумчивости.

— Простите? Вы сказали, момент смерти? Тело было еще теплым, думаю, смерть наступила максимум за полчаса до этого. Точнее может сказать только вскрытие. Но я думаю, что при такой тяжелой ране он был не в состоянии кричать так, как мы

слышали. Впрочем, это мое личное мнение, за неимением других данных.

— Я рассуждал так же, — согласился инспектор Рой. — Но продолжим. Первый примечательный факт: ни один человек никак не мог совершить это преступление. Дверь, камин и окно были недоступны. Оставался последний луч надежды, но и он быстро угас: меч не проходит целиком через железную решетку. Потайного хода тоже нет. Самоубийство, несчастный случай? Совершенно исключено — все могли в этом убедиться. Еще один столь же примечательный факт — орудие убийства, пресловутый «меч короля Артура». Он не только выскочил из скалы, но и попал в опечатанную комнату, а затем вонзился прямо в спину жертвы. Как? Каким способом? Загадка... Об убийце мы можем сказать только одно: он действовал в перчатках, потому что не оставил на мече никаких отпечатков пальцев. Что касается Граля — чаши, которую Пирсон принес в комнату как талисман — могу гарантировать, что его там больше нет. Остается еще последнее: горящая накидка, которой обернули голову убитого. Это очень важная деталь...

Урсула, раскрасневшись, вскочила с места:

— Это обвинение?

— Вовсе нет. Накидка действительно имеет совершенно особое значение, но не в том смысле, как вы думаете. Для меня не так важно, когда и как ее у вас похитили. Думаю, была такая суматоха, что никаких следов не осталось. Но накидка, между прочим довольно легкая, была пропитана спиртом. Значит, ее сознательно использовали, чтобы сделать лицо покойного неузнаваемым. И вот теперь я перехожу к самому главному.

Полицейский сделал несколько шагов, слегка улыбаясь, чтобы продлить, как умелый оратор, недоуменное ожидание аудитории, и продолжил, обращаясь главным образом к Мэйдж:

— Это тело не может быть телом вашего дяди, мисс Пирсон. И человек, который вас встречал и выдавал себя за вашего дядю, быть им тоже не может. Потому что на самом деле Джерри Пирсон уже год как умер!

Глава 10

Слушатели окаменели. Инспектор Рой был явно доволен произведенным эффектом. Он подложил в большой камин два полена из поленница и старательно разворотил угли кочергой. Потом резко обернулся и вопросительно посмотрел прямо в глаза Мэйджа:

— Сколько времени вы не видели вашего дядю, мисс Пирсон?

Мэйдж, смущенная и все еще потрясенная, пролепетала:

— Очень много... Мне было лет девять-девятнадцать... Да, правда, встретившись с ним сегодня, я подумала, что он сильно изменился, ощутимо постарел... Собственно, я его узнала в основном по манерам, по тому, как он смотрел на меня...

Полицейский вопросительно глянул на психиатра.

— Тут все очень просто, — ответил тот. — Я никогда с ним раньше не встречался.

Профессор Халлахан задумчиво погладил седую бороду:

— Я время от времени видел его на лекциях, это было шапочное светское знакомство. Однажды мы довольно оживленно поспорили, не помню, о каком историческом событии, но это было уже давно. В последний раз я с ним встречался года два тому назад. Увидев сегодня человека, который выдавал себя за него, я подумал, что Пирсон сильно изменился, но отнес это на счет возраста и особенно не задумывался.

— И со мной примерно то же самое, — сказал Гэйл Блейк, неторопливо кивнув головой. — Знать-то я его знал, но особо не помнил. В последний раз мы виделись тоже добрых два года назад. Близкими друзьями никогда не были — вот уж нет! Случались у нас разговоры, но говорили мы друг другу вещи не очень приятные, причем между нами всегда был стол, или пара столов с гостями, или расстояние, отделяющее кафедру от аудитории — все на знаменитых наших кельтских собраниях. Я тоже нашел, что он сильно переменился...

— Я, — заявил Фрэнк Данбар с мстительным блеском в глазах, — много слышал про него, но никогда не видел — к счастью для этого человека, надо сказать.

Правда, теперь... А от чего он, собственно, умер?

Прежде чем ответить, инспектор Рой прокашлялся:

— Своей смертью... Кажется, от эмболии. Глубоко копать у меня не было времени: телеграмму я получил уже поздно вечером. Успел только позвать коллегу и сразу поехал. Однако...

Он обратился к Урсуле Браун:

— А вы, сударыня? Как я понял, лучше всех здесь его знали вы, не так ли?

Мисс Браун секунду подумала и ответила спокойно и без эмоций:

— Около двадцати лет назад я три месяца прожила с ним в этом самом месте. Так что я знала его очень хорошо... скажу даже, слишком хорошо.

— Тогда все-таки любопытно, как вы не заметили обмана?

— Прошло двадцать лет, — повторила Урсула, — но есть и другая причина. Заметьте: этот человек все же очень хорошо играл свою роль. Он видел меня насквозь, как видел когда-то Джерри...

— Кажется, я понимаю, — сказал доктор Джерролд с неумелым подобострастием. — Когда вы чуть не споткнулись на краю пропасти, никакой палки там не было?

Урсула подтвердила его слова кивком.

— Я это заметил, — продолжал психиатр, — потому что моя профессия требует наблюдательности, а такие вещи мне привычны. Мне даже пришлось однажды заниматься пациентом, у которого было настояще наваждение от этого невинного недуга, так что он отказывался выходить из дома! Близорукость у него была осложнена гораздо более тревожной болезнью — агорафобией. Добавлю (это важно), что в таких случаях пациент, особенно если учесть, что человеческий фактор по определению...

— Так вы близоруки? — прервал его полицейский, обращаясь к Урсule. Она по-прежнему смотрела в пол:

— Да, но очки носить ни за что не стану...

Фрэнк Данбар налил себе второй коньяк и задумался о безнадежно непонятных изгибах женской натуры. Вот загадка так загадка! Из-за эстетических соображений она чуть было не лишилась жизни!

— А этот человек, — продолжала Урсула, — превосходный актер, как я уже только что сказала, и много знает.

— В этом нет ни тени сомнения, мисс Браун, — наставительно ответил инспектор. — Но боюсь, что теперь, даже получив новые сведения, мы не можем проникнуть

Невидимый
круг

в тайные замыслы этого персонажа, о котором даже не знаем, действительно ли убит именно он. Вся схема кажется такой запутанной и сложной, что теория о фальшивой родинке на руке, предложенная кем-то из вас, вполне правдоподобна. Поэтому, прежде чем делать какие бы то ни было выводы о двусмысленной роли этого *deus ex machina*, я предложу вам осмотреть полностью все помещение. Несомненно, мы найдем какие-нибудь важные следы.

Мэйдж, Урсула и журналист остались в гостиной, ожидая Билла с местной полицией. Осмотр третьего этажа, где находились главным образом спальни гостей, был очень беглым и бесплодным. На втором почти не оказалось мебели — он был заброшен, за исключением одной комнаты с набитым до отказа шкафом и трельяжем. Там было столько косметических и гримировальных принадлежностей, что, как заметил инспектор, такая комната была бы уместна в доме кокетливой женщины.

— За версту пахнет инсценировкой, — заметил он, высыпав принадлежности на мраморный столик. — Как вы думаете?

Халлахан и Блейк согласились, доктор Джерролд, казавшийся все более задумчивым, тоже.

— Но у меня все время что-то крутится в голове... крутится, а ухватить не могу. Память меня подводит...

— У вас нет коллеги — специалиста по этой части? — нарочито серьезно осведомился Блейк. Психиатр словно не рассышал:

— Левая пятка говорит мне, тут есть что-то очень важное...

— Левая пятка? — переспросил Блейк. — Вы говорите, как ваши пациенты!

— Я и чувствую себя пациентом, а то бы у меня давно был ответ на мой вопрос.

— Что ж, продолжим осмотр, — сухо сказал инспектор. — Пойдемте на первый этаж.

На несколько минут их внимание задержала библиотека рядом с гостиной. По просьбе полицейского к ним подошла Мэйдж. На полках стояли старинные книги и литература определенной направленности.

— Несколько изданий «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, — оценил, как знаток, Джосая Халлахан. — Несколько произведений гениального Кретьена де Труа, который придумал несравненного Ланселота. Вальтер Скотт, конечно, все сочинения Маркаля*. Да здесь самые сливки.

* Анахронизм: популярный французский кельтолог Жан Маркаль родился в 1928 г. — Примеч. пер.

— И еще немало детективов, — заметил Гэйл Блейк, — с особенным предпочтением, кажется, Эдгару По.

— Это я помню, — сказала Мэйдж. — Дядя Джерри обожал этого писателя. Он часто читал мне на ночь его рассказы. Сомкнуть глаза после этого было совершенно невозможно... Еще он любил все, что связано со сверхъестественным, истории о колдовстве...

— Что мы и видим, — сказал инспектор Рой, проводя пальцем по пыльным корешкам. — Но все-таки это странно. Мы знаем, что этот человек — не ваш, мисс Пирсон, дядя, но зловещая комедия, которую он тут разыграл, кажется, совершенно в духе Джерри. Взять хотя бы артуровский характер постановки...

Мэйдж опять охватило острое чувство тревоги. Она огляделась. Старую пыльную библиотеку со множеством страшных книг она помнила очень хорошо. Дядя Джерри говорил о ней как о священном месте, полном тайн и ужасающих картин. Он запирал шкафы на ключ и в то же время давал заметить, куда его кладет. Как только дядя отворачивался, Мэйдж отправлялась в святилище, с любопытством и страхом отыскивая трактаты по магии с загадочными, очень страшными для маленькой девочки гравюрами.

Значит, дядя Джерри умер? Возможно... Но она ощущала его присутствие где-то здесь, совсем рядом, среди стен, заставленных книгами, которые так ее привлекали.

Секунду спустя Мэйдж вместе с четырьмя мужчинами спускалась в подземелье. В отличие от них ее не интересовали инструменты и другие предметы в маленькой мастерской, обнаружившейся в конце сводчатого коридора.

— Довольно хорошо оборудована, — заметил инспектор, осматривая все углы. — Обратите внимание: когда живешь один в подобном месте, лучше запастись на всякий случай всем. Все, что нужно для работ по металлу: гаечные ключи, плашки, метчики... Даже сверлильный станок! Впрочем... — Он подошел к станку и обратил внимание сопровождающих на металлическую стружку, разбросанную по рабочей поверхности. — Похоже, им пользовались не так давно. Как думаете, господа?

Пока мужчины изучали мастерскую, Мэйдж неслышно ускользнула. Она очень устала. Если бы сейчас с ней был Билл! Время для нее тянулось долго, она даже забеспокоилась. Уже полночь миновала, а Билла все нет. Скорым шагом, прикинула она, до деревни можно дойти за полчаса.

Вполне достаточно, чтобы найти полицейских и вернуться...

Урсула и Данбар подтвердили, что Билл не возвращался, и Мэйдж решила выйти из дома, хотя ветер дул все сильнее. Идея пойти встретить Билла не выходила у нее из головы: ждать она больше не могла. Бог с ним, с этим зловещим инспектором! И не должна она у него спрашивать разрешения! А по дороге Мэйдж увидит Питера Кобба — тому наверняка хочется с кем-нибудь поболтать...

Она вышла из замка через потайную дверь, о которой гости не знали. Дверь вела на крутую тропу, огибавшую все здание. Чуть ниже, ровно через полный оборот, находилась лачужка Питера.

«Питер здесь», — подумала Мэйдж, увидев, что в деревянном домике горит свет. Снизу от океана доносился глухой рокот, от которого она содрогалась, в памяти всплывали страшные воспоминания о проведенном здесь в детстве времени, — и этот огонек казался ей утешительным.

Тяжкие воспоминания являлись ей как дурной сон, как наваждение, но кошмар не исчезал и наяву...

На что было похоже все пережитое Мэйдж за последние часы? Эти бредовые события, которые совершенно не могли про-

изойти, а она, между тем, видела их собственными глазами? Кто этот обманщик, сыгравший роль ее дяди? Как случилось, что она за целый год не узнала о дядюшкой смерти? Его ли труп нашли в запечатанной комнате? Как его убили? Только призрак мог совершить такое убийство! Но чей призрак? Короля Артура? Она вспомнила слова человека, сыгравшего роль дяди Джерри: «Он ожидает, когда придет час мщения»....

Мэйдж совсем ушла в свои мысли. Вдруг неподалеку послышался какой-то шум. Она остановилась, прислушалась, но напрасно: все относил назойливый ветер. Мэйдж подошла к лачужке. К ее удивлению, тени сторожа в окне не было. Она позвала его, постучала в дверь. Никто не отвечал. Мэйдж вошла.

Там никого не было. В сторожке стояли только стул, большая посудная полка и стол с зажженной керосиновой лампой. Пачка сигарет, пустая пепельница, кофейник. И все. Питера не было и в помине.

Мэйдж попыталась собраться с мыслями: тщетно. Ей показалось дурным знаком, что Питер оставил пост. Она вышла, немного помедлила на пороге и пошла не назад, к замку, а вниз, по дорожке к мостику. Через несколько шагов ее окликнули:

— Сударыня! Сударыня!

Невидимый
круг

Голос, казалось, принадлежал Питеру Коббу. Мэйдж обернулась, подняла голову и уви-дела над собой, на самой вершине островка, движущуюся тень. Питер бежал со всех ног, то и дело опять лихорадочно окликая ее. Она пошла навстречу. Запыхавшийся, с переко-шенным лицом Питер собственной персоной предстал перед ней.

— Я видел его своими глазами... В длин-ном красном плаще, с мечом в руках...

— Да кого же?

— Его, короля Артура! Это он убил того человека мечом на краю утеса, а потом про-пал, как по волшебству!

Глава 11

Мэйдж почувствовала, что сходит с ума. Несколько секунд она смотрела на Питера невидящими глазами. Перед ней скакала кавалькада рыцарей в доспехах, а впереди отважный вождь — король Артур...

Какой король Артур? Ничего Питер не видел. Просто устал, ожидая в одиночестве, задремал и видел сон...

Она бы так ему и сказала, но привратник не хотел слушать:

— Я ничего не мог поделать, слышите? Ничего! Когда он взмахнул мечом, было уже поздно! Я его звал, кричал... напрасно. Как он мог меня услышать наверху при таком ветре?

— Питер! — воскликнула Мэйдж. Нервы ее уже не выдерживали. — Господи помилуй, вы о ком?

— Да не знаю я! Я был далеко, не разглядеть... Я был тут. Думаю, пройдусь немногого, а то ноги сильно затекут. Вышел на улицу и вижу — вон там, наверху, на краю

Невидимый
круг

скалы какой-то человек несется, как на пожар! Я его звал, но он меня не слышал...

Мэйдж вздрогнула и вся похолодела: а вдруг это Билл?

— Странно, думаю: ведь говорили, что в доме двое полицейских. В общем, решил сам пойти наверх посмотреть. Знаете ту дорогу? Она не такая крутая, как эта, на ней человека довольно трудно заметить. А со стороны замка — получается повыше — есть такая площадка, окруженная высокими скалами. В одной скале — вход в пещеру. Это самое высокое место острова и самое опасное. Один неверный шаг — и прощайся с жизнью.

Мне показалось, человек бежал как раз туда, и сам я тоже туда пошел. Осторожненько: на высоте дождь так и хлещет. И увидел его — прямо у входа в пещеру. Он, казалось, очень волновался, как будто искал выход. Подошел к самому краю площадки, а *тот* вдруг как вскочит из пещеры!

Питер перевел дух.

— Было далеко, я видел только тени, но на том, длинном, плащ развевался на ветру, а в руках большой меч, и был он... как бы лучше сказать? — величавый. Как он смотрел на другого, не выдавая себя, как взмахнул мечом — я все и понял. Я кричал,

вопил во весь голос, но поздно уже... Так он и рубанул мечом того, кто бежал. То ли два раза, то ли три, то ли четыре — не помню. А потом — вы не поверите — я видел, как убийца растворился во мраке!

Конечно, дождь и ветер меня слепили, было очень темно, так что если бы человек пригнулся за скалой, мне бы тоже так показалось. Но было не так — я проверял! Один и вправду лежал на земле, а другой исчез! Вы же понимаете: там наверху спрятаться негде — разве что броситься в пропасть! А от пещеры он стоял далеко. Если бы вернулся туда — я бы заметил...

— А кого убили, вы не видели?

— Нет... И без того было слишком опасно... Рыцарь же мог появиться в любую минуту. Кажется, на нем был черный плащ, а больше ничего вам сказать не могу. Надо пойти туда посмотреть... Пойдите скажите всем! А я останусь здесь — инспектор мне велел никуда не уходить.

Мэйдж не заставила себя упрашивать. Через десять минут она, тяжело дыша, пересказывала в гостиной перед всеми гостями невероятную историю Питера.

— Пойдемте туда скорее! — сказала она в заключение. — Может быть, это Билл!

— Да, не будем терять ни секунды, — согласился Блейк, которому тоже стало не по себе. — Только вот что странно: вы сказали про широкий плащ, разевавшийся на ветру, а мне кажется, его-то я и видел на том, кто появился возле угла башни и поднимался вверх...

— Очень странно, — испуганно и вместе с тем восхищенно сказал Джосая Халлахан. — Значит, он вернулся с заколдованного Авалона...

— Ну да. Только не с добром! — зычно ответил Блейк.

— Вспомните, Гэйл: ведь его все предали...

— Ладно, нечего медлить. — Вдруг Блейк заметил, что Мэйдж оглядывает комнату. — Что такое, сударыня? Вы что-то ищете?

— А инспектора Роя здесь нет?

— Как только вы ушли, он отправился к коллеге. Впрочем, действительно: он ведь сказал, что на минутку! Должно быть, нашли какую-то новую улику. А сказать им надо. Я пойду...

ПОЛЬ
АЛЬТЕР

Силы оставили Мэйдж, нервы сдали — она рухнула в кресло. Времени было без пяти час. Столько всего случилось за такой непродолжительный срок! Стрелки часов как будто нарочно замедляли ход, а события

спешили и толкались. К счастью, Мэйдже не знала, что еще ей сулит эта ночь...

Рядом с ней тихонько потрескивал огонь, и в его приятном тепле она впала в оцепенение. Люди в гостиной совсем не подходили к средневековой обстановке — по крайней мере их одежды. Урсула Браун с длинными шелковистыми волнами рыжих волос могла бы быть прекрасной принцессой. Имя «фея Моргана» подходило ей как нельзя лучше. А вдруг она и есть убийца? До сих пор все, что говорил человек, занявший место дяди Джерри, оказывалось правдой. И ведь алиби у нее, как справедливо было указано, очень слабенькое. Фрэнк Данбар явно попал под ее власть, так что его свидетельство ничего не стоит. Фея Моргана? Ну да, конечно, — она и есть! Довольно несколько мгновений вынести взгляд ее бездонных глаз, чтобы в этом убедиться. Ну а доктор Джерролд идеален в роли предателя Мордреда. Очень вежлив, с превосходными манерами, но не хотелось бы ей, чтобы такой доктор ее лечил. Что-то в нем прямо леденило ее. Может быть, взгляд — матовый, как отшлифованный кусок какого-то неизвестного камня.

Доктор подошел к ней, деликатно откашлялся и обратился:

— Вы ведь говорили, что никогда не видели брата вашего дяди, не так ли?

— Сводного брата, — уточнила Мэйдж. — Нет, никогда не видела.

— Он был немного старше?

— Да, конечно, — он ведь от первого брака его матери. Но всего на два-три года. Броде бы он был похож на дядю Джерри... Вы ведь это хотели узнать?

— Я недавно говорил об этом с Блейком и Халлаханом. Как же мы не подумали, что он и исполнял роль вашего дядюшки?

Мэйдж пожала плечами:

— Если это он, то сейчас он мертв. Его кто-то убил. А потом совершил второе убийство...

В этот момент в комнату ворвался Гэйл Блейк. Взгляд его утратил спокойную уверенность. Он проговорил, то и дело запинаясь:

— Инспектора не нашел... Сержанта тоже... Да, и еще: тело пропало! Нет его больше в башне.

Наступило молчание.

— Я вот что предлагаю, — сказал Блейк. — Кто-нибудь из нас останется здесь и попробует найти полицейских, а остальные пойдут посмотреть на другого убитого.

На место новой трагедии отправили Мэйдж с Урсулой Браун, потому что только они достаточно хорошо знали остров, а с ними Блейка как поэта и Данбара как журналиста. Мэйдж вывела их через ту же потайную дверцу. Попетляв немного между скал, она свернула на очень крутую и обрывистую тропу к вершине острова. Ветер там, казалось, дул вдвое сильнее. Моря почти не было видно, но слышно — и еще как слышно. Оно стенало и жаловалось, атакуя островок, словно решив в эту ночь поглотить его без остатка. По крайней мере так казалось Мэйдж, когда все четверо поднялись на площадку.

Там было действительно очень опасно. Блейк и Данбар не решились вступить на незнакомое место. Камни были скользкие, а порывы ветра сбивали с ног. Когда фонарь осветил лежащее тело, кровь у Мэйдж так и застыла, но она с облегчением убедилась: это не Билл. Девушка узнала мундир сержанта Ханта.

— Что ж, — негромко произнес Блейк. — Питеру, похоже, не померещилось. А это наш сержант Хант — никакого сомнения. Мощный удар по черепу: вероятно, мечом и, конечно, тем же самым, которым совершено первое убийство, ведь я там не увидел и меча...

Сержант Хант плашмя лежал на камнях. Он был без шлема — должно быть, поэтому, подумала Мэйдж, Питер и не узнал полисмена. Кровь из раны залила волосы, а дальше, полусмытая дождем, струилась по правой щеке ко рту, скривившемуся в зловещей судороге, и потом на камни. Плащ на плече был в двух местах порван — должно быть, были и еще удары, но никто и не подумал осматривать труп внимательнее.

Вид мертвого тела в таком опасном месте, в такой фантастической, прямо сказочной обстановке потряс всех четверых. Они не стали задерживаться, но все же осмотрели небольшой грот по соседству шириной и глубиной около двух метров. Никого и ничего они там не обнаружили. Затем попытались припомнить, как Питер описывал эту сцену. Казалось, у убийцы была только одна возможность скрыться из вида: прыгнуть в море, прямо на рифы.

Усталые, промокшие, недоумевающие они вернулись в замок. В гостиной Джосая Халлахан сказал, что деревенская полиция до сих пор не явилась, а инспектора Роя тоже не нашли.

— С Биллом по дороге что-то случилось! — простонала Мэйдж, греясь у огня. — Иначе он бы уже давно вернулся.

Блейк посмотрел на стенные часы:

— Не обязательно. Он ведь идет в темноте. Но я не могу здесь больше сидеть и ждать, с этим пропавшим полицейским и двумя трупами... Извиняюсь — с одним: другой труп ведь тоже испарился!

— Пойду поищу его, — вдруг заявила Мэйдж так решительно, что возражать ей явно было бесполезно.

Никто и не попытался возражать. Все собравшиеся еще не отошли от шока, связанного со вторым убийством.

Блейк, как будто немного оправившись, вызвался проводить Мэйдж: ведь ей опасно было идти одной, а ему, заявил поэт, вовсе не хочется искать потом на скалах третий труп...

Мэйдж поспешило вышла из замка — Блейк едва поспевал за ней. В сторожке их ожидал первый сюрприз. В окне горел свет, но никакой тени не было. Обменявшись удивленными взглядами, они вошли в домик. Никого. Только на столе под пепельницей Мэйдж увидела торопливо нацарапанную записку:

«Ушел в деревню. Здесь больно чудно. Питер».

— Больно чудно? — спросил Блейк. — Честно говоря, так и есть, только знать бы,

Невидимый
круг

о чём это он... Случилось что-то еще? Как вы думаете? Довольно непонятно, да?

— Здесь мне все кажется непонятным, — вздохнула Мэйдж. — И это еще очень мягко сказано. Ведь он совсем недавно твердо говорил, что останется на посту. Что ж, пойдемте скорее, нечего здесь даром терять время.

Они перешли деревянный мостик, переброшенный над морем поверх очень древней каменной арки. Сердце Мэйдж бешено колотилось. Она так неслась, что даже задыхалась, но ей было очень страшно. Страшно за Билла, который вполне мог соскользнуть где-нибудь на этой тропе; страшно и за себя, потому что бурное море, стоявшее гораздо выше, чем днем, когда она шла по тому же мосту в другую сторону, словно подстерегало неосторожных путников, проходящих здесь, чтобы неожиданно слизнуть огромной волной и утащить в бездонные глубины. Валы, бившиеся об утесы, то обдавали их облаком брызг, то лизали подошвы обуви — и все время стоял адский шум, тем более внушительный, что ничего не было видно.

Мэйдж с Блейком ускорили шаг и вскоре дошли до деревни Тинкастл. Там небеса и стихии были уже милосерднее. За деревенской колокольней явилась луна, пробившаяся через тучи. Ее бледный свет

в тревожной тишине придавал старым черепичным крышам с покосившимися шпилями средневековый вид, и Мэйдж опять спросила себя: не грезит ли она наяву? Она была очень рада, что рядом с ней надежный Блейк тяжело шагает по сонным улицам. Они разыскивали полицейский участок и не могли найти. Вдруг рядом с мэрией они увидели, как из-за угла показалась какая-то тень.

— Билл! — закричала Мэйдж, забыв о всякой сдержанности.

Это действительно был он. Через несколько секунд она оказалась в его объятиях. Но романтика длилась недолго. Молодой человек весь промок и был несколько встревожен.

— Дурацкая история, Мэйдж, — пробормотал он, вытирая лицо. — В этой дыре вообще нет участка! В прошлом году еще был, а теперь его закрыли! А я его так усердно искал, так набегался!

— У нас для вас тоже есть новости, молодой человек, — с важным видом произнес Гэйл Блейк и вкратце пересказал последние события.

Билл оцепенел от недоумения.

— В общем, с этим все ясно, — мрачно заявил он.

— Что ясно? С чем? — осведомился Блейк.

Невидимый
круг

— Как я уже сказал, я долго искал полицейский участок. Не нашел. Тогда я подумал, что инспектор имел в виду мэрию. Звонил, кричал — все напрасно. Наконец решился разбудить кого-нибудь из местных. Первый послал меня куда подальше. Второй, человек в ночном колпаке, довольно злобно сказал, что в Тинкастле полиции нет, но если такие, как я, будут тут шастать по ночам, на следующем заседании муниципального совета этот вопрос рассмотрят. А потом мне повезло немножко больше. Одна пожилая дама мне объяснила, что в прошлом году полицейский участок здесь упразднили — уж она-то это знает точно, потому что ее покойный муж как раз был полицейским. Его не стало полгода назад. И оказалось, что служил он как раз в Бодмине, откуда приехал инспектор Рой!

Билл снял очки и продолжил:

— Когда эта дама сказала мне, что никогда не слышала о нем от мужа — а тот много рассказывал о своих товарищах, я подумал: должно быть, Рой — новенький. А когда говорил нам про смерть твоего дяди, Мэйдж, то просто ошибся. Да! Совсем забыл! Эта дама сказала мне, что дядя Джерири вовсе не умирал! Даже засмеялась: «Если бы он умер год назад, мы бы в дерев-

не знали!» Она часто его видела, когда он ходил за покупками, и в последний раз — не далее как на прошлой неделе. Я подумал, что у инспектора Роя какие-то ложные сведения, но теперь он таинственно исчез. Так что все стало ясно: мы имели дело с самозванцем!

Глава 12

— С самозванцем! — сердито повторил Блейк, почесывая густую бороду. — Ну конечно! Как же я сразу не подумал? Он же так странно себя вел... Этот меч, например: он его сразу вырвал из мертвого тела, не дожидаясь осмотра специалиста; глянул краешком глаза — и сразу объявил, что, дескать, отпечатков пальцев нет! Разве настоящий полицейский так бы поступил? Конечно нет!

— И манеры у него очень фамильярные, — сказала Мэйдж. — Он подкладывал поленья в камин, как у себя дома. И еще мне показалось, что для чужого человека он очень уж хорошо ориентируется в замке!

— Хорошо же он нас надул! Но вот что удивительно...

Блейк не договорил. За его спиной вдруг открылось окно и явилась мужеподобная женщина в ночной рубашке, напоминающая бледного призрака. Не слишком выбирай выражения, она объяснила,

что думает насчеточных гуляк, не дающих спать добрым людям, которым завтра на работу. Блейку понадобился весь запас красноречия, чтобы ее успокоить, причем, к большому удивлению Мэйдж, он оказался настолько вежлив и любезен, что в конце концов даже сумел расспросить собеседницу о Джерри Пирсоне. Она не сильно любила хозяина замка, но подтвердила, что на прошлой неделе он был еще жив, а это главное.

— Что же нам теперь делать? — с тоской в голосе спросила Мэйдж, прижимаясь к Биллу. — Ничего не понимаю... Дядя Джерри жив? Значит, это он нас встречал? А тело в замке, получается, тоже его? Тогда при чем тут инспектор Рой? Может, он и убил другого полицейского — сержанта Ханта?

— Если инспектор никакой не полицейский, — заметил Блейк, — то весьма вероятно, что и сержант тоже. Вот в какую сумасшедшую историю мы влипли! И что теперь делать — ума не приложу. Сообщить в полицию? Конечно, только как? До ближайшей деревни не близко. Пешком в такую погоду — проще дождаться утра.

— Если мы расскажем нашу историю здесь, — сказал Билл, пристально глядя на соседний дом, — нам, боюсь, никто не поверит... Я думаю, прежде всего нужно ска-

зать остальным. Откуда мы знаем: а если инспектор Рой еще на острове?

— Ну да... — кивнул головой Блейк. — Мы не знаем, что задумал этот человек, а он может быть очень опасен. Мы искали его по всему замку, но спрятаться ему ничего не стоит. Не говоря уже об остальном острове...

— Лучше всего будет дожидаться утра всем вместе, не расходясь.

— Вы правы, молодой человек, — согласился Блейк. — Сила в единстве. Но не стоит терять времени — вернемся в замок к нашим друзьям и будем надеяться, что за это время не приключилось новых бед!

Без четверти три все собрались в гостиной. Весть о том, что инспектор Рой фальшивый, что он солгал про смерть Пирсона, повергла гостей в глубочайшее недоумение. Страх отразился на всех лицах, хотя и в разной степени.

— Еще трех часов нет, а столько всего уже произошло... — произнес Билл. Он сменил промокшую одежду на твидовую тройку, которая, по мнению Мэйджа, придавала ему старомодный вид и вообще не шла, потому что старила.

Молодой человек посмотрел на нее туманным взглядом.

— Не хотел бы, чтобы ты думала, Мэйджен, будто я против твоего дяди предубежден, но надо смотреть правде в глаза...

— Как будто я его защищаю!

— Вот и отлично, тогда я начну. Раз он не умер, теперь мы знаем, что это он нас сегодня встречал. Тут всем известен его странный характер и лукавый ум. Кроме того, и это также известно, он очень любит старинные романы, довольно сведущ в легендах о рыцарях Круглого стола, но любит он и детективы, а также все, что касается оккультных наук. Хорошо. Сомнению не подлежит одно: все, что здесь сегодня произошло, было необычайно, театрально, поразительно, экстравагантно. О том, что это жутко, я даже не говорю. Мы пережили какую-то гротескную комедию по мотивам артуровской легенды, и это не поддается никакой логике, кроме хитроумной логики Джерри Пирсона.

— Так и есть, — согласился Джосая Халлахан, — только ваше суждение о Пирсоне мне представляется несколько преувеличенным.

— Вы правы. Но примем пока эту гипотезу. Предположим, что скуча, одиночество и бог знает что еще его ожесточили, усилили естественные склонности. Вспомните, как он настаивал на своем благородном про-

Невидимый
круг

исхождении, да еще с таким нажимом? Разве что не выдавал себя за потомка самого короля! Впрочем, кстати, когда его спросили, будет ли он играть роль короля Артура, он не ответил ни да, ни нет. Да, он мог бы быть королем Артуром: одиноким, преданным, окруженным врагами, в конечном счете — жертвой заговора. Но он говорил еще о другом — о том, кто отомстит за себя...

— И этот другой уже нанес удар! — с жаром произнес Фрэнк Данбар. — Вы еще не видели труп сержанта Ханта наверху. А знаете ли вы, как его убили?

— Да, мне рассказали, — ответил Билл, несколько удивленный агрессивным тоном журналиста. — Но позвольте мне продолжить... Думаю, родинка на руке была фальшивой; он нарочно показал ее Мэйдже, чтобы еще больше сбить нас с толку: ведь, кажется, ясно, что покойник наверху — не Пирсон, хотя и похож на него. Куда же в таком случае делся Пирсон?

И вот вдруг появляется мнимый инспектор, тотчас же посыпает меня в деревню искать полицию, которой там нет, и делает кучу глупостей. Инспектору этому, кажется, сорок с небольшим, как и Пирсону, они одного роста, только у этого борода и густые брови...

— Понял! — воскликнул Данбар. — Инспектор — не кто иной, как сам Пирсон!

— Очень может быть, — ответил Билл. Все кругом застыли в изумлении. — А мнимый сержант Хант, появившийся вместе с ним, — вполне возможно, невольный соучастник. Ему пускать пыль в глаза было незачем: он, сколько могу судить, не собирался воевать. Зачем он его убил?

— Но главное — как он его убил? — сказал Данбар. — Вот в чем вопрос! Ведь на сей раз убийцу видели — а он буквально растворился в темноте!

— Нет-нет, не стоит верить в призраков! — возразил Билл, поправляя очки. — Я знаю, что все это очень таинственно, но если мы хотим хоть как-то разобраться, надо идти по порядку. Мнимый сержант Хант был убит, конечно, как лишний свидетель — мотив таков. Что касается способа, мы к нему вернемся, когда узнаем больше. Остается труп в башне.

— Убитый пропавшим куда-то мечом в запертой изнутри и опечатанной комнате, — усмехнулся журналист. — Всего-то навсего!

— Всему свое время. Теперь важно, во-первых, установить, чье это было так таинственно пропавшее тело. Потом найти мо-

тив убийства. Все кажется таким запутанным, что непонятно даже — а был ли мотив? Но так или иначе, это то немногое, на что может опираться наше расследование.

Никто не произнес ни слова, но, кажется, все согласились. Мэйдж не сводила глаз с жениха. Она восхищалась им: еще никогда она не видела его таким умным и сильным, — и в то же время все больше боялась за дядюшку.

— И где же он теперь? — спросила Урсула Браун. На ее красивом лице все сильнее проявлялись усталость и тоска.

— В этом-то вся проблема, — задумчиво сказал Блейк. — Очень может быть, что он все еще на острове... Теперь по одному лучше не ходить, особенно вне замка.

— А лучше всего уехать отсюда, да поскорее! — воскликнула Урсула.

— Куда уехать? До рассвета всего пара часов. Потерпим еще немного, — спокойно посоветовал Блейк.

ПОЛЬ
АЛЬТЕР

— Какой ужас, Билл! — простонала Мэйдж, прижавшись к жениху в подземной мастерской дядюшки: он попросил его туда провести. — Зачем мы сюда приехали? Я всегда боялась дядю Джерри... Так и знала, так и чувствовала... Надо было довериться твоему чутью. И теперь интуиция мне под-

сказывает: он не ушел с острова. Я в этом просто уверена!

— Крепкий же он человек, если сидит сейчас под дождем, — шутливо сказал Билл, чтобы успокоить плачущую невесту.

— Я убеждена: он где-то рядом... Чувствую, что он здесь: везде, в каждой комнате, даже в этой... А ты уверен, что это он разыграл роль инспектора Роя?

— По крайней мере это вполне возможно. Но ты же, Мэйдж, лучше знаешь своего дядю. Думаешь, ему хватило бы хитроумия организовать такой жуткий прием?

— Не знаю. В какой-то момент я бы ответила «да» без колебаний, а в какой-то засомневалась бы...

— Что ж, я осмотрю эту мастерскую. Мне пришла в голову мысль насчет одной маленькой загадки.

— Маленькой загадки? Какой?

— Дай я все проверю, Мэйдж. Если я ошибаюсь, то буду выглядеть очень глупо. — Он задумчиво рассматривал инструменты и стеллажи. — Кстати, твоя сумочка нашлась?

— Да, она была у меня в комнате — только письмо пропало!

— Странно, очень странно... Хоть бы ты на него краем глаза взглянула... А ты точно взяла его с собой?

— Совершенно точно. Что с тобой? Ты что-то нашел?

Билл задумчиво смотрел на сверлильный станок.

— По-моему... Да, кажется, я тебе не сказал еще одну вещь — да и никому не сказал. Сначала я думал, что мне померещилось, но после того, что мне рассказали... На самом деле, когда Данбар заговорил про невероятное убийство сержанта Ханта, я был не совсем уверен. Стало быть, сторож Питер видел убийцу: некоего рыцаря с мечом и в длинном плаще. А Блейк видел такого же человека, хотя и не так ясно, в предполагаемый час первого убийства: он лез на башню. Я тоже тогда шел около башни — с южной стороны. И мне тоже показалось, что по западной стене движется какая-то тень. Я видел только что-то вроде длинного плаща, развевавшегося на ветру все выше и выше. Но шел дождь, дул ветер, было очень темно. Да еще твой дядя то и дело рассказывал про всякие легенды... Я и решил, что это у меня воображение разыгралось.

Мэйдж широко распахнула глаза:

— Так ты тоже думаешь...

— Сейчас я предпочитаю ограничиваться фактами. И подожди немножко, прошу тебя, я кое-что еще проверю...

Мэйдже не успела и рта раскрыть, как Билл исчез за готическим порталом двери. Она чувствовала, как с каждой секундой у нее сильнее бьется сердце.

Одна... она осталась одна в подвале...

На миг в ее уме опять мелькнул силуэт дяди Джерри, его странная ласковая улыбка. Вдруг в коридоре послышались шаги. Это был не Билл: тот уже далеко ушел. Шаги приближались. Человек никуда не спешил...

Глава 13

Поспешно одолев ступени нескончаемой винтовой лестницы, Билл, запыхавшись, очутился у дверей комнаты в башне и столкнулся с Гэйлом Блейком, выходившим оттуда.

— Куда вы так бежите, мой юный друг? — воскликнул поэт. — За вам черти гонятся?

— Нет, но Мэйдж там одна... А я хотел здесь быстренько кое-что проверить.

Блейк обернулся и с сомнением оглядел комнату.

— Боюсь, тут особенно нечего проверять. Все исчезло, кроме накидки мисс Браун — то есть того, что от нее осталось. Тело, орудие преступления — все испарилось! И Грааль... и сам убийца!

— И меч, говорите, пропал?

— Гляньте сами...

Билл с явным разочарованием вступил в комнату.

— Этим же оружием, вероятно, убрали мнимого Ханта, — сказал Блейк. — Вы ведь

еще не видели его трупа, правда? Вообще-то, я думаю, что его надо отнести в замок. А то он лежит там под дождем, все улики может смыть... Как вы думаете?

— Надо бы спросить доктора Джерролда. Но, по-моему, вы правы. Значит, вы думаете, что убийца вернулся сюда забрать оружие...

— Это же совершенно логично. Если доктор Джерролд осмотрит труп в сухом месте, он наверняка это подтвердит.

— А как вы объясните исчезновение трупа из той комнаты?

Блейк запустил жилистую руку в густую шевелюру.

— Тайников на острове много, но я думаю, теперь этот труп болтается где-нибудь по волнам... Зачем его похищать? По очень простой причине: убийца не хотел, чтобы его опознали!

— Или, может быть, — задумчиво произнес Билл, — чтобы на трупе после детального осмотра не нашли какие-нибудь улики, какие-нибудь следы, объясняющие, как убийца мог совершить свое преступление...

— Или даже оба преступления.

— Но в какой момент и каким образом это случилось?

— Ну, это довольно просто, — ухмыльнулся Блейк. — Мы с инспектором в погребе

осматривали мастерскую — на самом деле его же собственную мастерскую. Должно быть, этот чертов Пирсон здорово смеялся про себя, когда играл роль инспектора, который ведет скрупулезное расследование. И когда ранее в библиотеке всякими умозаключениями на основании подбора книг делал выводы о собственной личности. Тут как раз ушла Мэйдж — должно быть, ей осточертели технические подробности наших версий, — а после этого инспектор сказал, что пойдет проводить сержанта Ханта. Он и вправду хотел его проводить, только с недобрными намерениями. И тут я вижу два возможных объяснения. Первое: мнимый Хант сам в этом не участвовал. Инспектор Рой, он же Пирсон, под каким-то предлогом назначил ему встречу на верхней площадке — там, где его и нашли убитым. А Пирсон тогда же избавился от трупа, найденного здесь.

— Он что, один стащил его по лестнице?

— У человека нормального телосложения это займет, я думаю, не больше пяти минут. Даже слабая женщина могла бы это сделать, если бы тащила тело за ноги.

Билл не мог не согласиться.

— При втором объяснении роль Ханта немного существеннее. Он помогал своему сообщнику уничтожить тело, а только потом

преступник и его убил ударом меча по голове. С учетом места второго преступления мы можем думать, что именно там и сбросили в море первый труп.

— Мне первая версия нравится гораздо больше, — сказал Билл. — Зачем было тащить тело так далеко? Вполне можно было сбросить его с той площадки, где торчал меч из скалы.

Блейк, как будто не рассыпав, подошел к окну, крепко ухватился обеими руками за решетку и попытался ее потрясти.

— Невозможно, — тихонько проговорил он себе в бороду. — Крепко вделана. Я и пришел сюда это проверить. Но сдвинуть решетку не получается. Ни на волосок не подается. Никакого следа...

— А у вас есть идеи?

— То ли да, то ли нет... Я думал, что к ней можно прицепить веревку — например, крюком, — и взобраться сюда. Сложно, но можно. Но дальше я спотыкаюсь. Я думал, есть какой-то механизм. Но теперь могу поклясться: механизма нет.

Билл рассказал про то, как заметил некую тень в час преступления, Блейк подтвердил его слова своим свидетельством.

— Мы могли бы думать, что нам померещилось, — с хмурым видом сказал Блейк, — но есть же еще Питер — он все яс-

но видел... А кстати, где он теперь? Мне та записка, которую он оставил в сторожке, кажется очень любопытной...

В дверном проеме показалась человеческая фигура. Мэйдж вздохнула с облегчением: это был доктор Джерролд.

Он подошел к ней:

— Вас-то я и искал. Мне сказали, что вы в подвальном этаже. Вы, кажется, испуганы? Это я вас напугал?

Мэйдж ответила, что все в порядке. Голос и особенно взгляд этого человека странно действовали на нее. Он, казалось, читал чужие мысли, но как-то безлично, подобнодумающей машине, наделенной необыкновенным даром наблюдения.

— Зачем же вы меня искали? — спросила Мэйдж.

— Поговорить о вашем дяде.

— Все только о нем и говорят, — раздраженно ответила девушка, с удивлением заметив, что перед некоторыми людьми готова защищать своего родственника.

Доктор Джерролд машинально погладил подбородок.

— Когда я получил его письмо, то подумал, что он таким хитрым образом зовет меня ради профессиональной консультации.

Но проведя здесь несколько часов, понял: моя роль — изучать поведение людей в предложенных обстоятельствах. Впрочем, довольно долго я ему верил. Но после этих двух убийств мое мнение переменилось. Теперь, на расстоянии, я, кажется, лучше понимаю этого человека. В общем, я следил за ним меньше, чем за гостями, зато он больше всех находился на виду.

Пирсон говорил очень уверенно. Прекрасно владел собой и производимым эффектом, делал с нами, что хотел, то шутил, то нес чепуху, а секунду спустя вдруг угрожал. Он вел себя как хозяин, который держит в напряжении гостей, собравшихся, как он сам говорил, на совершенно необычный прием. Все это вполне соответствовало ожиданиям, но... Да, есть одно «но».

Доктор Джерролд замолчал, достал сигарету из портсигара, закурил и, не сводя глаз с Мэйдж, продолжал:

— Я могу показаться нескромным, но скажу просто: моя профессия обострила наблюдательные способности. А когда речь идет о наблюдении, в частности об анализе человеческого поведения, на самом деле действует не столько зрение, сколько, как говорится, орган рассуждения. Смотреть, конечно, тоже надо, но главное — уметь де-

Невидимый
круг

лать выводы из увиденного! Именно в этом вся трудность! Прибавьте сюда опыт — другой основной фактор, — и вы поймете: только все это вместе может привести к определенным результатам, которые я имею слабость считать у себя недурными... То есть я попросту хочу сказать, что у меня в таких делах есть некоторый навык, и ошибаюсь я редко.

Мэйдж едва удержалась, чтобы не напомнить доктору про обвинение дяди Джерри: будто бы он запер в сумасшедшем доме девушку, которая не была сумасшедшей!

— И я заметил у этого человека, — продолжал Джерролд, — какой-то странный блеск в глазах, особенно когда он улыбался...

Мэйдж охватил страх. Хоть она и считала доктора Джерролда чрезвычайно самовлюбленным человеком, но на сей счет не могла с ним не согласиться.

— Я с большой долей вероятности могу утверждать, что это взгляд человека, психически (еще неясно пока, в какой степени) неуравновешенного...

Мэйдж не могла произнести ни звука. Теперь она ощущала панический страх перед дядей. Значит, все ее опасения подтвердились, и подтвердил их специалист...

— Теперь у меня к вам еще один вопрос, — продолжал психиатр. — Про сводного брата вашего дяди...

— Вы думаете... вы думаете, это тот человек, убитый в опечатанной комнате? Мой дядя воспользовался им только потому, что он на него похож?

— Это очень интересная версия и вполне правдоподобная: мне кажется вероятным, что лицо было обожжено не случайно. Вы ведь не знали его, мисс Пирсон, правда?

— Нет, я уже говорила: я никогда его раньше не видела.

— Знаете ли вы что-нибудь о его судьбе?

— Я уже много лет ничего о нем не слышала. Отец не считал его членом семьи. Он просто ничего о нем не рассказывал. Когда я была еще девочкой, его поместили в лечебницу — вот, собственно, и все...

— Чем он был болен? — очень серьезно спросил доктор Джерролд и нахмурился.

— Что-то с психикой, вроде ваших пациентов... Больше я ничего не знаю. Ах да! Кто-то мне рассказывал — не помню, кто, — будто он очень любил театр и чуть было не стал профессиональным актером. Но это, должно быть, было совсем давно...

Доктор Джерролд переменился в лице — Мэйдж даже испугалась, что ему сейчас станет дурно.

— Кажется... — сказал он немного запинаясь, — кажется, я слышал, вы говорили, как его звали? Горацио, не так ли?

Мэйдж кивнула.

— Об этом-то я и думал! Боже мой, бежим скорее! Надо срочно всех собрать вместе!

Через десять минут доктор Джерролд держал речь перед гостями, присутствующими в полном составе. Собравшихся поразила его бледность, а еще больше — его краткое объявление:

— Всем собрать вещи, мы немедленно покидаем остров! Объясню все по пути, терять нельзя ни минуты!

В его голосе была такая решимость, что все послушались беспрекословно, даже самые строптивые. Жесты и лицо доктора выдавали страх, еще более ощущимый оттого, что он пытался его сдерживать. Зараженные этим страхом, все действующие лица заторопились...

Еще через четверть часа гости с багажом в руках вышли из замка. Дождь немногого утих, зато ветер стал еще сильнее. Они

остановились у сторожки. Питер не возвращался. Еще раз перечитали его записку и пришли к выводу: став свидетелем необычайного убийства, молодой сторож решил убраться с острова.

Все, не задерживаясь, двинулись дальше. Недалеко от мостика, в естественном углублении, через которое проходила тропа, остановились передохнуть. Мэйдж с Урсулой были недовольны сумасшедшим темпом, который задали мужчины, вдруг разом полностью утратившие хорошие манеры. Но главное, они ждали объяснений от доктора Джерролда.

Место для объяснений оказалось довольно неподходящим. В глубокой темноте друг друга можно было узнать только по силуэту и по голосу; кругом лишь скалы, омываемые грохочущим морем, с каждой минутой все более грозным, да пренеприятнейший туман из брызг.

— Пока мы не покинем остров, я не буду чувствовать себя в безопасности, — заявил доктор. — Прежде всего я хотел бы еще раз вернуться к психологическому аспекту этих преступлений, к тому безумному вечеру, который мы все пережили. Мы уже множество раз говорили, что имеющиеся у нас данные никак не стыкуются и не подчиняются никакой логике.

Невидимый
круг

Но это не так! На самом деле мы разыграли пьесу из артуровского цикла в постановке нашего хозяина, сыграли роли артуровских персонажей и пережили сцены с подходящим реквизитом — чаша Граала, меч в скале и прочее.

— Но кое-что еще не подтвердилось, — перебила Мэйдж. — Например, невидимый круг.

— К великому счастью, — вздохнул доктор Джерролд. — С этой точки зрения, в событиях есть своя логика, свой ритм. Убийства же, хотя и не имеют определенных мотивов, тоже вполне соответствуют этой логике — логике артуровской трагедии. Сейчас вы все поймете...

Доктор Джерролд глубоко вздохнул и продолжил:

— Перед самым отъездом я говорил своей жене, как неблагоразумны некоторые мои коллеги, преждевременно констатирующие выздоровление пациента. Я сказал это, с изумлением узнав про освобождение Безумного Горацио...

Он обратился к Мэйдж:

— Это прозвище газеты некогда дали психически больному убийце, с которым, мисс Пирсон, я имею все основания отождествлять сводного брата вашего дяди.

Месяц назад его выпустили. Я прекрасно понимаю, почему вам про него ничего не рассказывали... Совпадение тут исключено... В самом начале вечера вы говорили мне, как его зовут, но — увы! — я не сразу сопоставил факты. И только когда вы сообщили, что он любил театр...

— Господи... — произнесла Мэйдж и захала рот руками.

— Это с ним, с Безумным Горацио, мы имели сегодня дело. Это он был нашим хозяином, он же — инспектором Роем, он же — королем Артуром-мстителем... Я не знаю, что стало с вашим дядей Джерри, но приходится бояться наихудшего... Этот человек — не обычный преступник. Он вообще не преступник в том смысле, как это понимает большинство людей: ведь он невменяем. Это психопат... но очень умный и чрезвычайно проницательный психопат, что не сразу можно заметить. Он похож на своего брата Джерри и несколько старше его. Нужно ли еще что-то говорить?

Этот человек страстно увлекался театром и показал большую осведомленность в этой области. У него есть особенное пристрастие к греческой трагедии, и благодаря его таланту лет восемь назад, после того, как он поставил в лечебнице несколько вели-

колепных спектаклей, медики решили, что он выздоровел. Впрочем, заметим, что в то время он никого еще не убивал и не проявлял склонностей к насилию. Совсем забыл: выше всего он ставит легенды о короле Артуре. Вскоре после освобождения он поставил пьесу, где действовали Гвиневра, Ланселот, фея Моргана, чародей Мерлин и все остальные. Пьеса под названием «Возвращение короля Артура» была представлена в одном из городов на севере Англии и имела успех. На четвертом или пятом представлении... А Горацио играл роль короля Артура... Вам это ничего не напоминает? Около восьми лет назад...

Джерролд выдержал небольшую паузу и продолжил:

— Посреди пьесы, при полном зале он выхватил меч и ударил своего партнера по сцене. Тот рухнул, вопя от боли. Сначала зрители, разумеется, подумали, что он просто играет роль. Горацио ударил еще одного... Кажется, он перебил половину актеров на сцене, пока публика не сообразила, что присутствует при настоящей бойне, от подробностей которой я вас избавлю. В упоении от успеха Горацио решил сыграть роль короля-мстителя по-настоящему...

Было темно, никто не видел ясно лица соседа, но ужас, внущенный этим рассказом,

чувствовался осязаемо; он не пощадил даже того, кто этот ужас спровоцировал... Теперь все факты выстраивались в жуткую логическую цепочку.

Когда Джерролд предложил идти дальше, никто не заставил себя упрашивать. Даже Мэйдж с Урсулой больше не отставали. Уже через несколько минут показалась арка над морем. От ее вида всем сразу полегчало. Это означало, что кошмар скоро закончится.

Мэйдж пошла еще быстрее и опередила всех. Вдруг она резко остановилась. Урсула, сразу вслед за ней, услышала ее шепот: «Невидимый круг...» — и спросила, что это значит. Их слова рассыпал Билл.

— Невидимый круг? — переспросил он. — О чём вы?

— Вот он — невидимый круг... — пробормотала Мэйдж, остекленевшими глазами уставившись на арку. — Увидеть его нельзя, но и преодолеть невозможно...

И тут все, следя за ее взглядом, поняли, о чём она говорит. Каменная арка над уходящим в отлив морем обрушилась на протяжении нескольких метров. Моста в этом месте больше не было.

— Невидимый круг... — еле слышным голосом повторил доктор Джерролд. — Мы в плену на этом острове в обществе безумца!

Глава 14

Когда Мэйдж открыла глаза, ее комната была залита золотистым светом. Этот неяркий свет струился из-за окошка. Неужели уже утро? Неужели день положил конец этой кошмарной ночи?

Несколько секунд она протирала глаза, наслаждаясь моментом, который казался ей избавлением. За окном стоял густой туман; утреннее солнце красило его в розовый цвет и было далеко не таким ярким, как в погожий летний день. Но после мрака последних часов и этот рассвет казался ослепительным.

Чуть позже до ее сознания дошли и другие хорошие новости: море было теперь еле слышно, ветер утих. А в редких криках чаек больше не было ничего зловещего.

Мне приснился кошмар, подумала она и закрыла глаза. Тут же вспомнились обрывки этого кошмара. Когда они поняли, что мост обрушен, что гости заперты на острове с безумным убийцей, всех охватил

дикий ужас. Урсула Браун настолько потеряла контроль над своими эмоциями, что лишь мощная пощечина Блейка привела ее в чувство. Журналист сперва возмутился и хотел заступиться, но тут же признал, что лекарство Блейка оказалось поистине спасительным: стоило Урсule в истерическом припадке сделать неверный шаг, и разбушевавшийся океан поглотил бы ее.

Волей-неволей сокрушенное общество побрело обратно в замок, чувствуя, что идет не в убежище, а в волчье логово. Но что было делать? Еще около часа они сидели в гостиной, отогреваясь и обсуждая свою участь. Перейти через мост казалось совершенно невозможным, по крайней мере этой ночью: так убийце стало бы только легче сделать свое дело. Все их надежды сейчас были связаны с Питером Коббом. По всей логике, он должен незамедлительно обратиться к властям. А пока важнее всего немного отдохнуть, а затем озабочиться собственной безопасностью. Поэтому решили так: мужчины по очереди будут стоять у дверей. Первым оказался Данбар. Мэйдж еще помнила, как журналист нервно расхаживал по коридору, потом ею овладел сон...

Когда она вышла наконец из спальни, ее сразу утешила милая улыбка Джосаи Халлахана. Он сидел на стуле посреди коридора.

Мэйдж улыбнулась в ответ, легонько зевнула и машинально спросила, который час.

— Около десяти. Только я бы вас попросил не очень шуметь. Она еще спит.

Он указал на дверь Урсулы Браун. Мэйдж припомнила, что доктор Джерролд (он, по счастью, никогда не расставался с докторским чемоданчиком) давал ей снотворное.

— Спешу вас успокоить, — продолжал историк. — За ночь никаких новых бед не случилось. Но вы, кажется, не совсем еще проснулись, не так ли? Идите скорее в гостиную, Блейк приготовил для нас плотный завтрак, и кое-кому там, я полагаю, не терпится вас увидеть. Он встал совсем недавно.

Мэйдж застала Билла за чашкой горячего чая и блюдом с тостами.

Лицо у него было хмурое и усталое, но он еще находил силы шутить:

— Роскошная обстановка, первоклассный сервис... Чего еще желать, Мэйдж? Правда, великолепный отдых?

Девушка села напротив него. Подошел Блейк и спросил, что ей принести: чай или кофе. Она выбрала чай и сказала Блейку, что он был бы превосходным дворецким.

— Моей заслуги в этом нет, — ответил поэт. — Я так давно обслуживаю сам себя — еще бы не привыкнуть! Впрочем,

обитатель этого замка здорово позаботился о провизии. Тут есть все, что нужно.

Мэйдж огляделась кругом и вдруг забеспокоилась:

— Но где же все остальные? Я не видела ни Данбара, ни Джерролда...

— Они пошли прогуляться к мосту. Посмотреть, что там можно сделать, а главное — не бродит ли кто поблизости...

Лицо Мэйджа омрачилось.

— Так, значит, сюда никто не приходил... Я думала, Питер вызвал полицию, и она...

— Терпение, сударыня, — произнес Блейк густым, внушавшим доверие басом настоящего барда. — Сейчас только десять часов. Я уверен, что Джерролд и Данбар скоро вернутся с добрыми вестями. Что касается Питера, он наверняка столкнулся с теми же проблемами, что и мы, когда пытался вызвать полицию, и решил дождаться утра. Так что пока нет никакой причины для беспокойства.

С этими словами он исчез и тут же вернулся с чайником. Мэйдж отпила несколько глотков, но все еще не вполне проснулась, о чем ей заметил Билл.

— Мэйдж, дорогая, самое главное — не терять хладнокровия. Если мы начнем паниковать, сыграем на руку безумцу.

Невидимый
круг

— Этому Горацио... Господи, я чуть о нем не забыла. Он с тех пор не объявлялся?

— Нет.

— Но тогда... может быть, его больше нет на острове?

Билл задумчиво покачал головой.

— Поскольку вчера вечером событий было множество, а после того, как обрушился мост, сразу все успокоилось, то действительно можно так думать. Он разыграл перед нами жуткую пьесу с трупами и другими театральными эффектами, а потом удрал. Вполне вероятно, так оно и есть. Но было бы совершенным безумием с нашей стороны праздновать победу и терять бдительность. Нам нужно держать ухо востро, как можно меньше разделяться...

— Конечно, — согласилась Мэйдж, положив ладонь на руку Билла. — Но все-таки это хорошо. Ведь вчера вечером и всю ночь мы были твердо уверены, что никто из нас не спасется! Помнишь, как мы вернулись сюда под дождем, Урсула совершенно потеряла голову, и все ждали, как вдруг из темноты появится этот сумасшедший с мечом в руке...

— Верно, поджилки немножко тряслись... Я эту ночь не забуду. Но кое-что в загадке уже прояснилось.

— Каким образом?

— Я имею в виду не подробности, а замысел убийцы. В общем, многое теперь стало понятно: мы знаем, что имели дело с безумцем, одержимым артуровскими легендами, у которого навязчивая идея воплотить их в жизнь, причем себе он отвел роль мстящего короля Артура. Это уже немало: ведь до рассказа доктора Джерролда мы находились в полной неизвестности. Кто наш хозяин? Кто жертва? В какую игру он играет? Зачем эти трупы? И так далее. Мы только что об этом говорили.

— Но мы же до сих пор не установили личность убитого в башне — того, чье тело пропало! Это дядя Джерри?

— Тут, конечно, по-прежнему остается загадка, тем более что тела больше нет. Собственно, это может быть кто угодно, внешне похожий на нашего хозяина. Дядя Джерри? Увы, возможно, но я в этом не уверен...

— Но тогда где же он?

— Может быть, уехал по какому-то делу. А Горацио воспользовался его отсутствием, чтобы поставить свой кровавый спектакль... Будущее покажет.

— А труп якобы сержанта Ханта все еще лежит на краю утеса?

— Да, его никто не уничтожал. Мы туда сегодня еще не ходили. При первой возможности надо будет этим заняться, но по-

сле такого дождя, боюсь, никаких следов там не осталось.

Мэйдж намазала маслом тост. Она старалась забыть ужасное зрелище.

— И все-таки тайн еще много... Меч в скале, опечатанная комната... Все это выше моего понимания. А ведь ты... у тебя, кажется, вчера была какая-то идея насчет этого?

Нахмуренные брови придавали задорному лицу Мэйдж очаровательное, немного комичное выражение.

— Была, — улыбнулся Билл. — И если мне дадут время, я наверняка разгадаю эту тайну.

— Ну, скажи мне сейчас! Терпеть не могу играть в прятки! И вообще между нами тайн быть не должно!

— Нет, пожалуйста! — умоляюще произнес Билл. — Дай мне еще несколько часов, чтобы я проверил одну теорию... А потом я тебе обещаю: ты все узнаешь первая!

Мэйдж состроила обиженную физиономию и допила чай. Вдруг она изменилась в лице. Билл спросил, не обожглась ли она горячим чаем.

— Невидимый круг... — прошептала она. — Ведь он и про это говорил...

— Ну да, мы знаем...

— Но ведь он заранее об этом объявил! Помнишь, когда убийца про это сказал, его

спросили: круг уже действует? А он ответил: нет, но скоро начнет действовать! Значит, он знал, о чем говорит. Не море разрушило мост, а он сам. Он его просто взорвал, чтобы запереть нас на острове.

— Мы рассматривали такую возможность.

— Возможность? Но это же очевидно, Билл! Еще одна часть невероятного спектакля этого психа! И я не верю, что он лишил себя такого зрелища — видеть, как мы умираем со страха, отрезанные от мира!

— Значит, ты считаешь, он на острове... Не будем драматизировать ситуацию, Мэйдж. Твое рассуждение справедливо, но я лично думаю, что все будет хорошо, — ответил Билл.

Однако выражение его лица говорило, что он так не думает.

Глава 15

Журналист с психиатром вернулись незадолго до полудня — не то чтобы в особой тревоге, но не с такими радостными лицами, говорящими о добрых вестях, как ожидалось. Стоял густой туман, и если кто и был на берегу напротив острова, разглядеть их не удалось.

Урсула с утра не выходила из комнаты, там она осталась и на обед вместе со своим рыцарем Данбаром. Остальным совсем не хотелось есть. Да и в предмете их разговора — болезни Горацио — не было ничего веселого. Все так или иначе припоминали эту трагедию: в свое время она обошла первые полосы газет. Мэйдж история тогда настолько ужаснула, что она даже не могла представить, что речь идет о ее неродном дяде. Теперь она была благодарна своим близким, которые все, вероятно, знали, но сохранили тайну. Если бы ей стало известно, что в их семье есть безжалостный убийца, эта мысль долго

не давала бы ей покоя. Билл, заметив не без суровости, что между Мэйдж и этим человеком нет никакой связи, предложил сменить тему и подумать, чем они займутся после обеда. Мэйдж с Халлаханом отправили сторожить тропу около моста, а остальные занялись подробным осмотром острова.

Около двух часов Халлахан, вооруженный старым биноклем, который он раскопал в подвале, разглядывал другой берег.

— По-прежнему ничего? — спросила Мэйдж. Она сидела на скале, опервшись локтями о колени и подперев руками подбородок.

— Ничего, — ответил историк. — Но удивляться не приходится: слишком густой туман. Тропинка от моста хорошо видна, но наверху, над утесом совсем другое дело. Да и странно, если бы кто отправился гулять по скалам в такую погоду...

Мэйдж осмотрелась кругом, и ей опять показалось, что она видит сон. Их окутывал жемчужно-серый туман, и весь островок в бледном свете еле пробивавшегося солнца казался каким-то фантастическим. Тихий теплый день — полная противоположность вчерашним треволнениям. Только шум прибоя и очень легкий ветерок,

а в остальном — почти небывалое в этих местах спокойствие.

— Смотрю, смотрю, — произнес Халлахан, — и начинает казаться, что вижу какие-то тени...

— Дядя Джерри мне рассказывал, будто здесь много привидений.

— Верно, в этих краях немало таких легенд... Но у меня начинают уставать глаза.

Халлахан опустил бинокль и присел рядом с Мэйдж.

— Странные места, не правда ли? — спросил он, помолчав минутку.

— Да... Прямо колдовские. Но мое суждение, боюсь, не беспристрастно. Я сохранила о них детские воспоминания, которые сильно на меня повлияли — только, увы, не в лучшую сторону. Такое было облегчение возвращаться после этих жутких каникул!

— Сколько же вам было лет?

— Около десяти. Я была здесь вдвоем с дядей Джерри. Я думала... думаю, ему нравилось мучить меня и пугать.

— Должно быть, он шутил?

— Может быть, но мне-то все равно было страшно!

— Вы, кажется, дурного мнения о нем, мисс Пирсон. В таком случае почему же вы приняли его приглашение?

— Если бы я знала... — вздохнула Мэйдж.
Халлахан задумчиво погладил седую бороду и сказал:

— Собственно, я, как уже говорил, был с ним едва знаком. Но люди, по-моему, рисуют довольно неприятный его портрет.

— А вы, говорят, во всех видите только хорошее!

— Может быть... Но до сих пор мне это неплохо удавалось.

— А что вы думаете о Горацио?

— Это, конечно, совсем другое дело. Он человек больной...

— Возможно, только ничего хорошего в нем нет.

— Откуда вы знаете? Вы же его никогда не видели.

— И слава богу, потому что... Да нет, как же! Мы же видели его вчера в деле, в его главном спектакле, где он сначала играл роль моего дяди, потом инспектора полиции! И это, понятно, не говоря о двух убийствах! Да, это большое искусство, надо признать! Несколько часов подряд он держал нас в напряжении, водил за нос, направлял по всем изгибам своего безумно-хитроумного плана...

— Не думаю, что в этом деле ярость станет нам хорошим помощником. Чем луч-

ше мы его узнаем, тем легче будет его победить.

Мэйдж напряглась:

— Так вы тоже думаете, что он еще на острове?

— Не знаю. Просто рассматриваю худший вариант.

Они помолчали.

— Что же в нем может быть хорошего? — воскликнула Мэйдж, немного рассерженная бесстрастием Халлахана.

— По словам доктора Джерролда, он очень умен.

— Да — дьявольски умен!

— А еще он увлечен артуровскими легендами...

— И вы видите, что из этого получилось! Уже нескольким людям это увлечение стоило жизни!

— Вы ведь не местная, правда? — спокойно спросил Халлахан. — Представьте себе, я тоже. Но я влюблен в этот край, в эту землю, в ее корни, в ее легенды...

— А еще в Вивиану, сэр чародей Мерлин?

Мэйдж чуть скосила глаза, чтобы видеть реакцию своего собеседника. Она не могла скрыть, как ее забавляет этот диковинный, старомодный профессор истории

с его седой бородой и манерой носить давно устаревшие вещи. Его голубые глаза смотрели живо и лукаво и в то же время с той потаенной мудростью, которую дает только возраст.

— А разве я когда-нибудь спорил? — ответил он как нельзя более серьезно. — Знайте, мисс Пирсон: я, старый холостяк, всю жизнь ищу Вивиану! Я никогда не видел ее, но всегда знал, что она существует, всегда чувствовал, что она рядом со мной...

Несколько секунд Мэйдж думала, уж не взялся ли он за ней ухаживать, сочла даже, что он вполне элегантен и мил. Но вскоре она поняла, и это немного задело ее самолюбие: речь идет о Вивиане вымышленной, которая пленила Джосаю еще в раннем детстве, когда он слышал, а потом читал и перечитывал легенды, определившие его жизнь, указавшие на выбор профессии и занимавшие большую часть досуга.

«Если бы кому-нибудь выпало несчастье выйти за него замуж, — подумала Мэйдж, — бедняжка с ума бы сошла от ревности, слыша, как он расписывает эту Вивиану». С тех пор, как Халлахан впервые услышал рассказы про рыцарей Круглого стола, его интерес к этим легендам не уменьшился, кажется, ни на волос.

Рассказывал он замечательно: негромко, спокойно и притом очень выразительно. Время шло. Мэйдж, забывшись, слушала, как профессор одну за другой излагает ей малоизвестные подробности артуровских легенд. Когда он рассказывал про трагический конец соседнего островка Леоне, в одну ночь поглощенного разъяренным океаном, ей казалось, что она действительно слышит отдаленные звуки колокола. Иногда звон ста сорока колоколен в шуме волн различали местные рыбаки...

Уже в пятом часу Халлахан замолчал, а на утесе напротив них так никто и не показался.

— Никого, — сказала Мэйдж. — Я начинаю тревожиться за Питера. Теперь-то у него была масса времени, чтобы вызвать полицию. Не оставаться же нам здесь еще на одну ночь!

Халлахан посмотрел на разрушенную арку под ними.

— Была бы длинная веревка с якорем — может быть, и можно было бы перейти через мост. Если только найдется, за что зацепить на той стороне.

— Доктор Джерролд говорил, это нереально.

Халлахан опять посмотрел в бинокль:

— И он, наверное, прав. Если бы мы нашли такую веревку — и якорь, конечно, —

много было бы попробовать, но все равно это было бы очень опасно для того, кто решил ся на такой трюк. Ненадежно зацепится якорь — и костей не соберешь.

— В отлив, наверное, можно перейти пролив, прыгая по камням...

— Сейчас море такое, что ниже не бывает, но все равно, что называется, далеко не зеркальная гладь. Нет-нет, такой опыт кажется мне столь же опасным, как и первый вариант. Камни чертовски скользкие — гляньте-ка! И весь пролив в подводных рифах! Даже опытному пловцу не удастся избежать столкновения с ними из-за волн. Конечно, это не то чтобы совсем невозможно. Но разве мы действительно в таком положении, чтобы с риском для жизни пытаться добраться до берега?

Мэйдж содрогнулась при мысли, что для подобной попытки наверняка выберут самого молодого — Билла.

— Нет, конечно... Кстати, я посмотрела на мост в том месте, где он сломался. Кажется, разлом естественный?

— С этой стороны — да. Но не с другой. В бинокль видно: на обеих балках в месте разлома есть трещины, но большая часть гладкая — очевидно, распиленная.

Мэйдж взяла бинокль и убедилась, что так оно и есть.

Невидимый
круг

— Но тогда, — сказала она, — если мост подпилен с той стороны, это значит, что Горацио действительно ушел! Его нет на острове! Он перешел мост и уже потом разрушил его!

— Не обязательно. Видите обрушенную часть? Она плавает между двумя рифами вон там, подальше к югу.

Мэйдж не сразу ее разглядела.

— Да, вижу, но это довольно далеко... К ней привязана веревка... Ну да, ну да... вижу теперь...

Халлахан заговорил громче:

— А эта веревка мало ли для чего может пригодиться. Например, можно привязать к ней большой камень и закрепить в неустойчивом положении чем-то растворимым в воде — скажем, солью. Когда прилив доходит до нужного уровня, камень падает и тянет за собой надпиленный мост. Есть, очевидно, и другие способы — это только пример, как можно было бы устроить подобную диверсию. Катастрофа запланирована на определенный час, и это вовсе не значит, что ее автор покинул остров!

Глава 16

— Эгей, друзья! — раздался зычный голос Блейка. Он спокойно шел вниз по тропе. — У вас как, ноги не затекли? Никто не появился, да? Я вас сменю, Халлахан, возвращайтесь в замок. Или господин профессор хотел до вечера просидеть с милой малюткой? Нет, теперь моя очередь.

Корнуоллский богатырь подошел к ним и встал рядом.

— Вы, кажется, в отличном настроении! — заметил Джосая Халлахан. — Что, хорошие новости?

— Ни хороших нет, ни плохих. Мы осмотрели весь остров — кажется, кроме нас никого.

Халлахан ушел, не забыв шутливо предостеречь Мэйдж против закоренелых холостяков. Она тотчас же осведомилась о Билле.

— Лучше всех, — ответил Блейк, — не тревожьтесь. Сейчас он обнюхивает каждый

камень в башне не хуже настоящей ищейки. Я уверен, у него в голове какая-то идея.

— Да, он мне говорил, — подтвердила Мэйдж.

— Как раз когда я сюда пошел, он кое-что мне показал наверху на стене. И я, право же, думаю, что он напал на след. Конечно, днем все видно гораздо лучше.

— Но он, разумеется, ничего вам не объяснил?

— Держится очень загадочно.

— А что это за «кое-что»?

— Крюк. Крепкий крюк в балке под крышей. Чуть выступает из-под кровли, прямо над окном...

— И к этому крюку можно привязать веревку? Значит, убийца все-таки влез по ней?

Блейк пожал плечами:

— Это объясняет, что за тень я видел в час убийства на той стене — но и только. Все равно я не понимаю, как существо из плоти и крови могло пролезть через решетку. Ну что же, посмотрим...

Мэйдж на минуту озабоченно задумалась, потом отдала бинокль своему спутнику, указала ему на отломанную часть моста и поделилась своими мыслями.

— Хитрый человек, — ответил ей Блейк, — пожалуй, мог бы скрыться от нас —

например, спрыгнуть в какую-нибудь неприметную ямку. Но если этот Горацио все еще прячется на острове, то, я думаю, скорее где-то в самом замке. Значит, у нас есть планы на вечер. Кстати, мы перенесли тело мнимого Ханта в подвал. Доктор Джерролд подтвердил, что он убит мечом и скорей всего тем самым, который пропал. Раны страшные! Удары сильнейшие, как будто убийца свирепо...

— Если не перестанете, будете тут сторожить один! — пригрозила Мэйдж и сделала вид, что встает. — Мистер Халлахан хотя и не поэт, а рассказывал все про фей, про волшебников, про принцев...

Блейку стало смешно, он не удержался, чтобы не улыбнуться в густую черную бороду.

— Зачем скрывать от себя правду? Мы одни на этом островке, отрезаны от мира, заперты в невидимом кругу, а с нами вместе, вероятно, — только безумный убийца.

— Я пошла...

— Одна? Халлахан уже далеко.

— Тогда молчите.

— Как угодно. Но факт остается фактом.

С дерзостью, изумившей ее саму, Мэйдж посмотрела прямо в глаза собеседнику. Что за человек скрывался за этой крепкой оболочкой, за диковато-веселым лицом и непокорной густой шевелюрой?

Невидимый
круг

— Ведь вы поэт, не правда ли? — спросила она напрямик.

— Да, немного... Хотя больше пишу исторические статьи для журналов и сказки для детей.

— Я не такими представляла себе поэтов.

— А какими?

— Не знаю... Наверное, более задумчивыми.

Блейк улыбнулся и запрокинул голову.

— Мне часто приходится смотреть на небо. Так вот: могу вам сказать, что к вечеру погода опять испортится.

— Все-то вы меня пугаете!

— Я корнуоллец, сударыня.

— Вот уж не думала, что местные жители только тем и занимаются, что пугают людей! Но вам лучше знать...

— А вы посмотрите вокруг! Посмотрите на эти места — суровые, мрачные, дикие... Как же, по-вашему, люди могут отличаться от мест, где живут?

Мэйдж не ответила. Блейк громко расхочатся:

— Это, конечно, не значит, что мы такие бессердечные и не умеем веселиться! Приезжайте как-нибудь к нам на праздник — тогда увидите! Но взгляните на это изрезанное побережье, на отвесные скалы,

на дикое море... Они говорят о гордом, независимом, неподатливом характере. Представьте себе ночную бурю — куда сильнее вчерашней. Послушайте стон океана, посмотрите, как волны вздымают чудовищные горбы, вообразите, как рушатся горы воды, как грохочет гроза, как молнии разрезают обезумевшие тучи... Слышите ли, как воет эта буря, подобно стае голодных волков?

— Должно быть, после ваших сказок дети по ночам глаз не могут сомкнуть!

— Вы, боюсь, до сих пор не поняли нашего юмора. Но ничего, милая девушка, — скоро начнете понимать.

Мэйдж ответила не сразу.

— Здесь, похоже, есть один человек с очень своеобразным чувством юмора...

— Вы имеете в виду Горацио?

Мэйдж кивнула.

— Да, верно... — задумчиво произнес Блейк. — В каком-то смысле прямо квинтэссенция юмора...

— Параноидальный бред! Он же опасный безумец!

— В этом нет никакого сомнения. Никто не станет спорить.

— А вы говорите о нем так, как будто совсем не боитесь?

Невидимый
круг

В черных глазах поэта блеснула мстительная решимость.

— Представьте себе, не боюсь. Я только и жду, когда он объявится, когда предстанет передо мной. И тогда увидит, как разберется с ним старый корнуоллец!

Когда Блейк и Мэйдж вернулись в замок, часы пробили половину седьмого. Чем ниже садилось солнце, тем меньше оставалось шансов заметить кого-нибудь на той стороне моста. Все собирались в гостиной — только Урсула Браун по-прежнему сидела запершись в своей комнате. Мэйдж решила составить ей компанию, пока мужчины обшаривали весь дом, закрывая за собой все отверстия, так чтобы к ночи превратить замок в настоящую крепость. Специально для этого запаслись молотками, гвоздями и досками.

Урсула лежала в своей спальне на кровати. Она была очень бледна. Вечерний полумрак, погружая закоулки комнаты во тьму, делал ее еще более болезненной с виду. Мэйдж присела на кресло возле постели.

— Вы простудились? — спросила она.

— Нет, температуры нет...

Урсула произнесла эти слова дрожащим голосом, подрагивали у нее и руки.

— Горло тоже не болит. Я думаю...

— Да?

— Как представляю себе, что этот ненормальный где-то здесь — буквально схожу с ума. Голова кружится... Поэтому лучше лежать. А доктор Джерролд дал мне лекарство и запретил выходить из комнаты.

Мэйдж впервые почувствовала сострадание к Урсуле. Все высокомерие с нее сошло, теперь ее даже было жалко — слабую, беззащитную...

— Я и вправду очень нервная, — продолжала Урсула. — И когда такое начинается — просто не соображаю, что творю... Теряю контроль над собой, готова сделать что угодно — прыгнуть в воду, например.

— И вы всегда такой были?

Мисс Браун пристально посмотрела на собеседницу странным взглядом:

— Нет, не всегда... Это началось, когда я познакомилась... с одним человеком.

— С дядей Джерри?

Урсула с серьезным видом кивнула.

— Три месяца я провела здесь, с ним — и стала совсем другой. Меня всю перевернуло. Послушать его — или того, кто себя за него выдавал, — так я была прямо злодейка, вроде противной феи из легенды. Признаюсь, я не всегда вела себя со своими спутниками безупречно. Но Джерри...

Тут Мэйдж рассказала, как она проводила со своим дядей лето.

— Значит, вы должны меня понять, — сказала Урсула. — Но усвойте: то, что перенесла я, было совсем другого рода. Может быть, не так страшно, но гораздо более жестоко.

— Жестоко? Боюсь, я вас не совсем понимаю. Он с вами дурно обращался?

— Нет, не то, что вы думаете. Это трудно рассказать... Приведу вам пример. Приглашая меня сюда, он расписывал мне прямо царскую жизнь. Признаюсь, поначалу я была разочарована. Тогда он сказал: только от меня зависит, чтобы это жилище вернуло прежнюю роскошь. А потом вдруг дал понять, что, хорошенько подумав, еще не принял решения о нашем будущем. И так далее... Он меня с ума сводил.

При последних словах зеленые глаза Урсулы сверкнули странным блеском. Теперь Мэйдж начала яснее представлять себе, каковы были их отношения. Женщина, с которой она говорила, являлась, без сомнения, авантюристкой, нарывавшейся в лице дяди Джерри на авантюриста посильнее. Разочарованная, озлобленная авантюристка, явно еще не нашедшая того, что искала... А дяде Джерри, соблазненному, должно быть, замечательной красотой Урсулы, наверняка

доставляло удовольствие играть в кошки-мышки с такой завидной добычей.

— К счастью, я нашла силы уехать отсюда... Да и что я потеряла? — Мисс Браун унылым взглядом обвела комнату. — Это имение дорого стоить не должно.

— Думаю, не слишком, — не без сомнения ответила Мэйдж.

— Вообще ничего. Остров ему не принадлежит. Он хозяин только этих развалин. Но вы должны знать — вы же, вероятно, его единственная наследница...

— Я никогда этим не интересовалась.

Урсула пожала плечами.

— Вы так говорите, — продолжала Мэйдж, — как будто мы точно знаем, что он умер! А мы не знаем.

— Какая разница? — сухо возразила Урсула. — Вы его так же не любите, как и я, правда ведь?

Мэйдж не знала, что ответить.

— Теперь, — продолжала мисс Браун, — мы хотя бы знаем, откуда эта извращенная сторона его природы. При таком сводном брате, как Горацио! Кажется, и мать у них была не совсем正常ной. Как там ее звали?

— Рут, — рассеянно ответила Мэйдж. — Ее я тоже никогда не видела. Насколько знаю, ненормальной она не была.

— Говорят, красавица...

— Да, мне тоже так говорили. У нее были довольно острые приступы неврастении. Иногда она даже не помнила, кто она такая. Иногда исчезала на несколько дней, пропадала в лесу. Но такие депрессии, кажется, бывают чаще, чем думают.

— Кому вы это говорите! Впрочем, если так дальше пойдет, я, должно быть, тоже когда-нибудь сойду с ума! Все ждешь, ждешь... и ничего. Странно, куда подевался этот молодой сторож?

— Мы как раз недавно об этом говорили. Билл думает, что Питер тоже убит. Перед уходом он оставил записку, что, конечно, ничего не доказывает. Написать мог кто угодно, а если это и вправду его рука, то Горацио мог перехватить его на острове, а от трупа избавиться, сбросив в море. Мы все того же мнения. Иначе у него было бы вполне достаточно времени, чтобы сообщить в полицию — и нас бы уже здесь не было!

— Это ужасно, — прошептала Урсула, протягивая руку к стакану с водой на ночном столике. — Ужасно...

Несколько раз мисс Браун повторила, как заклинание, это слово, невидящим взглядом уставившись в стену.

— Мне и всегда было в этом месте не по себе, я ощущала какую-то тревогу. Но теперь я действительно чувствую, что здесь кто-то есть. Ощущаю, что опасность совсем рядом, неотступна, как тень, только не могу понять — где она...

Мэйдж вздрогнула и похолодела. То же самое чувствовала и она. Опасность была близка, почти осязаема, но неуловима и невидима, как ветер.

Глава 17

Около восьми часов все ходы и выходы из замка были наглухо закрыты. Досконально все осмотрев, гарнизон крепости убедился, что в ее стенах Горацио нет. Так что поужинали они с чувством относительной безопасности, вместе с Урсулой, которая на этот раз вышла из комнаты, и непринужденно болтали, пока не подали кофе. Но когда Блейк предложил подвести итоги, навязчивый образ Горацио вернулся к ним.

— С острова сумасшедший, может быть, и не ушел, но что его нет в замке — в этом мы уверены, — сказал поэт. — Вспомните: в здании всего три двери на улицу: входная, потайная дверь на площадку, где мы нашли меч в скале, и та, что ведет на тропу к вершине острова. Все три заперты изнутри на ключ и на засовы — очень крепкие засовы. Пройти через них без взлома совершенно невозможно. То же и с окнами: закрыты все ставни. На первом этаже ставней нет только

в той комнате, где мы находимся, но витражи в свинцовых переплетах нельзя разбить, не всполошив весь дом. Подвал мы тоже заперли, а все возможные лазы забили досками. Разве кто-нибудь может сюда проникнуть? Нужен тяжелый топор или таран, чтобы...

— Вы говорите, подразумевая обыкновенного человека, — перебил его доктор Джерролд, выпуская сигаретный дым. — Но безумец Горацио — необыкновенный! Вы еще не поняли?

— Объясните, пожалуйста...

— Для начала, он, кажется, без всяких затруднений проходит сквозь стены. По-моему, он доказал это, убив человека в запертой и опечатанной комнате.

— Просто ловкость рук!

— Просто? Вы находите этот фокус простым? Так объясните его нам!

— Объяснить, признаюсь, не могу, но вот у молодого человека есть идея, если не ошибаюсь? — ответил Блейк, обернувшись к Биллу.

— Да, похоже, я напал на след, — сказал Билл немного смущенно.

— Что вы имеете в виду? — очень сухо спросил доктор Джерролд.

— Ничего особенного... Я, кажется, сообразил, каким образом Горацио совершил свое первое убийство.

Психиатр насмешливо улыбнулся:

— В том числе и то, как он достал меч из скалы?

— Конечно — ведь это прямо связано с тем якобы волшебным способом, которым он воспользовался для самого преступления. Или, если вам угодно, вторая часть решения загадки прямо или почти прямо вытекает из решения первой. Но я не думаю, что это самое главное. Нам прежде всего надо удостовериться в собственной безопасности здесь этой ночью и подумать о том, каким образом завтра мы выберемся с острова. Потому что и речи не может быть о том, чтобы мы...

— Разумеется. И все-таки нам хотелось бы удовлетворить свое любопытство. Преступление слишком эксцентричное, мистер Пейдж, чтобы оставаться в недоумении. Мы вас слушаем.

Билл не спеша допил чашку кофе. Слушатели впились в него глазами.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Только имейте в виду: у меня нет никаких доказательств. Идеально было бы найти меч...

— Для этого нужно вырвать его из рук убийцы! — усмехнулся Блейк.

— Предоставляю вам попробовать...

— За этим дело не станет. Если он объявится сегодня ночью — говорю вам, меч будет у меня!

— Будем надеяться, не объявится, — благоразумно возразил Билл. — Что же касается первого убийства — напомню вам, мистер Блейк, что около времени преступления мы с вами смутно видели фигуру, лезущую на башню. Иллюзия? Галлюцинация, вызванная уже достаточно натянутым состоянием нервов? Каждый из нас так и думал, пока мы не сообщили свои свидетельства друг другу. И все-таки казалось очень маловероятным, чтобы убийца взобрался вот так на стену под дождем и ветром. Ему по крайней мере нужна была веревка... И эта идея вернулась ко мне, когда сегодня после обеда я заметил в балке над окном крепкий крюк. Тут я понял, что на верном пути.

Не была ли веревка уже привязана, когда мнимый Джерри Пирсон, а на самом деле Горацио, просил нас осмотреть комнату? Это вполне вероятно: ведь за окно никто не смотрел, да за железной решеткой и не разглядел бы. Только просунув руку, можно было бы тронуть веревку: она тянулась прямо по наличнику и была прибита к стене или зажата в щели наличника, чтобы мы ее не увидели. Веревка, думаю, была двойная, то есть наброшена на крюк за середину, так что убийца, спустившись, мог забрать ее, просто потянув за один конец. Еще на ней

должны были быть узлы для удобства спуска и кольцо на уровне окна, чтобы преступник без особых усилий мог продержаться там какое-то время...

— Согласен, — нетерпеливо произнес доктор Джерролд. — Он воспользовался веревкой, это ясно. Но нас интересует, что было дальше...

— Я вам и это расскажу, — ответил Билл, лукаво прищурившись, — но только отчасти.

— Как это «только отчасти»? — недовольно переспросил психиатр.

— Сначала я должен рассказать это кое-кому одному... по личным причинам. Но не волнуйтесь, доктор, долго я вас ждать не заставлю.

Мэйдж перехватила взгляд Билла и поняла: он намекал на свое обещание прежде всего все объяснить ей. Она и сама начала получать удовольствие от того, как доктор Джерролд все время подгоняет ее жениха, как ему не терпится, как он сердится. Уж больно непривычно ему, что кто-то другой обошел его в решении психологической задачи!

— Пусть так, — проговорил психиатр сквозь зубы. — Но продолжайте.

— Итак, вскоре после того, как мы вышли из комнаты, убийца подошел к стене, взобрался по веревке, повис напротив ок-

на, прикрепившись к решетке поясом с крепким кольцом, как делают, к примеру, альпинисты. После этого он подал знак своему сообщнику внутри комнаты. Этот сообщник и был жертвой...

— Вот тут я ничего не понимаю! — опять перебил доктор. — Ведь человек, которого мы оставили в запечатанной комнате, которого принимали за Джерри Пирсона, и был сам Горацио, разве нет? А теперь вы нам говорите, что он залез на стену по веревке? Это либо он, либо нет — не мог же он раздвоиться!

— Конечно, в какой-то момент человек в комнате был подменен.

— Когда мы еще там находились?

— Да, вероятно, тогда, когда мы ее осматривали: между прочим, по его же совету. Мы были заняты этим, а освещение там неважное: вспомните — маленькая масляная лампа да наши штормовые фонари. Предположим, сообщник поднялся вслед за нами по потайной лестнице и ждал возле двери. Улучив момент, Горацио выскользнул в дверь, а его место занял сообщник.

— Но мы же потом его видели! Он говорил с нами, он дал нам воск для печатей! Не кто иной, как он!

— Голос? Я помню, что он то и дело прокашливался, причем в тот момент был

очень занят разжиганием камина. И вы забываете одну вещь, Джерролд: мы имели дело с людьми театра, с актерами... Никаких доказательств у меня, конечно, нет, но почти наверняка сообщник тоже был из психов, с которыми Горацио познакомился в лечебнице, и тоже имел сценические способности. Не один из них играл роль другого, а оба они играли Джерри Пирсона, которого никто из вас толком себе не представляет. А они, конечно, воспользовались некими общими заметками, чтобы изобразить его в совершенстве. И в самом деле, разве мы не обнаружили уборную с полным набором гримировального материала? Я даже удивлен, доктор Джерролд, что вы упустили из виду этот момент! Мы стали жертвой спектакля, безумного театрального представления, поставленного безумным актером с болезненно вывернутым рассудком...

— Это верно... — прошептал пораженный Джерролд. — Болезненно вывернутый рассудок — именно так...

— Он просто играл с нами. Мы были покорными марионетками, а он являлся, как *deus ex machina* — безмятежный, сияющий, полный хозяин положения — и, к своему величайшему удовольствию, претворял средневековую комедию в жизнь. А как он сыграл роль инспектора Роя? С каким мас-

терством! Я сам, как дурачок, поплелся по его слову в деревню искать полицейский участок, которого там нет!

— Самое невероятное, — сказал Халлахан, — что он даже вел нас по верному пути. Когда мы были в библиотеке, он сам обратил наше внимание на артуровские легенды...

— И, как я понимаю, даже сделал акцент на стружке у сверлильного станка. А это — я вам объясню, когда придет время, — решающая улика. Да, играя эту роль, он направлял наше расследование в правильную сторону. Какая дерзость! Какое удовольствие для его поврежденного мозга — так нами манипулировать! А еще я забыл про накидку, пропитанную спиртом. Ведь это он, не правда ли, обнаружил следы горючего? И это была правда, потому что именно он это и сделал! В какой-то момент безумец стянул вашу накидку, мисс Браун, и окунул в спирт!

Теперь вернусь к своим комментариям. Вот он у окна. Сообщник полностью ему доверяет, исполняет малейшие прихоти и ни о чем не спрашивает, когда ему велят подойти к окну и повернуться спиной. Он с силой втыкает ему меч между лопаток и держит, как цыпленка на вертеле. Затем достает из кармана смоченный спиртом кусок материи, прикладывает к лицу жертвы и поджи-

гает. Иначе он поступить не мог, а то бы мы при осмотре трупа наверняка заметили, что внешность убитого изменена искусственно. После этого он толкает тело внутрь комнаты.

— Но этого не может быть! — воскликнул Данбар. — Меч не проходит через решетку!

— И решетка не фальшивая, — поддержал его Блейк. — За это я могу отвечать, я хорошо ее осмотрел!

— Знаю, — сказал Билл, погрустнев. — Но вы забываете: меч-то волшебный! И не упсайдрайте еще из виду, что там был Грааль, а он тоже творит чудеса! Тот самый Грааль, который потом исчез... Но я, кажется, и так уже слишком много сказал. По этим деталям вы непременно найдете объяснение маленького чуда, которое...

Билл вдруг замолчал.

Его слова прервал какой-то глухой звук.

Глава 18

При этом звуке все вздрогнули.

— Ветер опять поднялся... — произнес доктор Джерролд.

— Ветер так не шумит, — возразил Блейк.

— Может быть, что-то упало?

— На упавшую вазу тоже не похоже...

Наперебой посыпались неуверенные предположения:

— Это на улице...

— По-моему, во дворике...

— Нет, наверху...

— А мне показалось, в подвале...

— В подвале! Господи! — воскликнула Урсула. — Там же труп того человека...

— Тогда не стоит волноваться...

Звук повторился, и все собравшиеся опять застыли на несколько секунд.

— Ставни стучат... — сказал доктор Джерролд. — Я же говорил — ветер...

— Думаю, вы правы, — задумчиво произнес Гэйл Блейк, — но лучше бы проверить. Сидите тут, а я обойду кругом...

— Нет, это очень опасно! — вмешался Джосая Халлахан. — Такая темень! Если это уловка убийцы, он очень легко вас заманит.

— Я готов к встрече с ним...

— Лучше бы все-таки посмотреть в доме. Разобьемся на группы и пройдемся по всем этажам.

Предложение Халлахана было принято. Билл вместе с Мэйдж поднялся на третий этаж. Доктор Джерролд, Данбар и Урсула Браун пошли по второму, Блейк с Халлаханом остались на первом.

Через десять минут журналист и Урсула объявили, что нашли те ставни, и теперь они заперты накрепко. Было самое начало девяностого. Все эти события крайне утомили Урсулу. Она вернулась в свою комнату, попросив доктора Джерролда дать ей сильное снотворное: хотя она и умирала от усталости, но боялась, что заснуть не сможет. Данбар с пачкой сигарет и бутылкой виски уселся сторожить в коридоре, «и ни на секунду не спускать глаз с двери», — объявил он самым решительным образом.

Остальные вернулись в гостиную. Но вскоре опять что-то хлопнуло. Предположи-

ли, что это еще одни незатворенные ставни, снова разделились и стали искать, в чем дело, но на сей раз не так организованно. Только Билл с Мэйдж держались вместе, остальные бродили по этажам поодиночке. В самый разгар поисков замок потряс новый шум. Мэйдж и Билл на первом этаже быстро обнаружили его источник: сильным сквозняком ударило о стену дверцу, выходящую во двор. Тут же явились психиатр, поэт и профессор истории.

— Ужасно дует, — заметил Халлахан и посмотрел наверх. — У меня впечатление, что скоро начнется буря.

Ветер свистел, пронося вдоль крыши замка черные тучи, то и дело закрывавшие луну.

— Согласен, согласен, — нервно произнес доктор Джерролд, закрывая дверь. — Хлопнула она от ветра. Но не ветер же ее открыл!

— Так мы же ее не запирали! — сказал Блейк. — Она выходит во двор.

— Но дело не в засове — я говорю о дверной ручке! Даже самый сильный ветер не мог...

— Значит, кто-то плохо ее закрыл...

— Постойте, господа, — сказал Халлахан, — не теряйте спокойствия. Не верится мне, что это Горацио! Как он может быть

Невидимый
круг

повсюду и пугать нас, хлопая то ставнями, то дверьми? И прежде всего — как он мог войти...

Договорить профессору не удалось. По замку пронесся ужасающий зловещий вопль. Мэйдж прижалась к Биллу и тоже закричала.

— Боже мой, — прошептал Халлахан. — Как будто кого-то зарезали...

— Это в подвале, — заявил Блейк. — Пойду посмотрю.

Халлахан хотел его остановить, но напрасно: его друг был уже в другом конце коридора. Тут всеми овладели паника и смятение. Джерролд тоже куда-то делся. Захлопали двери, послышались шаги на лестницах. Каждый метался из стороны в сторону. В какой-то момент послышался звук разбитого стекла, но во всеобщей суматохе никто его не заметил. Потом, немного позже, доктор Джерролд, перекрикивая гвалт, позвал всех в комнату Урсулы. Мэйдж, взбежав по ступенькам старой лесенки, тяжело дыша, ворвалась в помещение.

У постели Данбар, Билл и доктор окружили белую, как полотно, Урсулу, которая скривившись, прижималась к изголовью кровати в одной ночной рубашке. Журналист объяснил: это мисс Браун так завизжала, испугавшись странных звуков.

— Он здесь, он снова в замке... — бормотала она. — Я чувствую... Он тут, совсем рядом... Это он стучал...

Доктор Джерролд с бесконечным терпением объяснял ей: стучали от ветра неплотно закрытые ставни. Но переубедить напуганную до полусмерти мисс Браун ему не удалось. Психиатр вышел из комнаты, через минуту вернулся с чемоданчиком и попросил всех оставить его одного. Закрывая дверь, Мэйдж невольно содрогнулась, заметив металлический отблеск шприца, который доктор достал из чемоданчика...

На лестнице она услышала голос за спиной:

— Одну минуточку, мисс Пирсон... Можно с вами поговорить?

Мэйдж обернулась. Перед ней стоял Фрэнк Данбар. Еще накануне, когда их знали, журналист показался ей не совсем здоровым, теперь же он был желт, как... как человек, страдающий заболеваниями печени. От страха? Возможно. От виски? Вот это наверняка. Блеск в глазах и запах перегара выдавали его. Но при всем том, подумала девушка, он, конечно, страдает не только от этого.

— Да, я вас слушаю.

— Я очень беспокоюсь...

— Мы все здесь беспокоимся.

Невидимый
круг

— О нет, речь не о моей собственной безопасности. Хотите верьте, хотите нет, но Горацио окажет большую услугу, если отрежет мне голову.

— Отрежет голову! — вздрогнула Мэйдж, уставившись на собеседника. — Почему вам мерещится такая ужасная смерть?

— Это я сказал просто так, наобум. Вполне естественно представить себе именно такой род смерти, когда тебя караулит сумасшедший с мечом в руке. — (Мэйдж на глазах менялась в лице.) — Но дело не в этом. Беспокоит меня Урсула... Она от природы очень нервная девушка, и я очень боюсь, как бы в этом сумасшедшем доме, в этой атмосфере, не говоря уже обо всех событиях — словом, от всего вместе она тоже не лишилась головы... ой, простите! — я хотел сказать, рассудка. Согласитесь, Урсула ведет себя не как все. Я как раз стоял у двери ее комнаты, когда она издала этот вопль... Могу вам признаться, я был потрясен. Сначала я подумал, что она... что ее режут.

— Понимаю. Но чем я могу вам помочь?

Данбар склонил голову.

— Мы с Урсулой... старые друзья. Старые друзья, давно не виделись, а теперь она мне очень дорога...

— Это я, кажется, поняла...

— Мы встретились когда-то сразу после того, как она рассталась с вашим дядей. И вот поэтому...

— Дядя Джерри никогда мне о ней не говорил, в этом могу вас твердо уверить.

— Это совершенно неважно. Речь о вашем дяде... Вы ведь хорошо его знали, не правда ли?

Мэйдж пристально посмотрела на репортера.

— Не понимаю, куда вы клоните.

— У меня есть все основания думать, что это он довел Урсулу до такого состояния, он расшатал ей нервную систему...

Девушка уже слышала подобные жалобы от мисс Браун, и хотя она разделяла ее чувства, обличения члена семьи начали Мэйдж на-доедать.

— Скажу еще раз: я совершенно не в курсе, что там у них произошло.

Данбар как будто не слышал ее:

— В какой-то момент я решил, что она приукрасила, когда рассказывала мне историю их связи, но теперь думаю, что нет, она ничуть не преувеличивала. Джерри Пирсон казался элегантным хозяином замка, а на самом деле был подлец, развратник, святотатец...

Невидимый
круг

— Обращаю ваше внимание, что мы разговаривали не с ним, а с его сводным братом Горацио, оказавшимся гораздо опаснее. Причем вполне возможно, что он тем временем избавился и от дяди Джерри.

Журналист вздохнул:

— Думаю, если бы мне удалось лучше разобраться, что было между ними, тогда я смог бы помочь Урсule...

— Проще всего спросить у нее самой.

Данбар придинулся к Мэйдж чуть ли не вплотную. Его глаза беспокойно блестели.

— А я хочу поговорить с ним. С вашим дядей Джерри...

— Но говорю вам: теперь он скорее всего мертв — убит сумасшедшим, который...

— Расскажите мне все, что вы про него знаете, мисс Пирсон. Это очень важно...

Теперь молодой человек уже держал ее за руку, но тут снизу послышался голос Билла, который приглашал их пройти в гостиную. Мэйдж полегчало.

Она бегом сбежала по ступенькам и вихрем ворвалась в комнату, но тут же остановилась как вкопанная. По тревожным лицам Билла и Халлахана девушка поняла: случилось что-то серьезное. Стало ясно, что означал звон стекла, который она

слышала раньше: витражное окно было разбито.

Сырой холодный ночной воздух ворвался в гостиную, всполоша мирные языки каминного пламени. Но даже от такого сильного ветра разбиться окно не могло. Подобное мог устроить только человек. Все стало очевидно: волк проник в овчарню.

Глава 19

Явился и Данбар, за ним доктор Джерролд. Журналист был явно растерян, психиатр изменился в лице. Прошло несколько долгих минут, пока хоть кто-то наконец решился сказать.

— Должно быть, это случилось за несколько минут до моего прихода, — начал Халлехан. — Я слышал звон, когда поднимался из подвала. Теперь он может быть где угодно в замке.

Билл подошел к разбитому окну и осмотрел его:

— Тут и силы большой не надо. Просто разок ударить. Посмотрим, что там снаружи...

— Билл, осторожно! — воскликнула Мэйдж, когда он до пояса высунулся из окна.

— До земли метра два, но прямо под окном есть выступ вроде контрфорса, на который легко забраться. С него он мог высаживать окно, а потом без особых сложностей влезть сюда. Один бог знает, где он сейчас...

За этими словами последовала гробовая тишина. Ужас охватил Мэйдж. Едва она отвернулась от окна, как перед ней возникло мерцающее видение. На старинном высоком кресле восседал человек в золотой короне и алом плаще. Он приветливо ей улыбался — безмятежный, благодушный, горделивый. Король Артур?

В правой руке у него — прославленный Грааль, в левой меч. Эта символическая картина могла иметь вполне конкретный смысл, но Мэйдж не удавалось его установить.

Острье меча было темным — словно омоченным в густой жидкости, стекавшей по лезвию — кроваво-красной жидкости.

Девушка вздрогнула, моргнула, чтобы прогнать видение, — напрасно. Она подошла ближе к королю Артуру, чтобы лучше разглядеть лицо. Он был похож на дядю Джерри — но на того страшного дядю Джерри, который повергал ее в ужас жуткой улыбкой, невыносимым взглядом, в котором блестал смутный огонек безумия... На сумасшедшего Горацио...

— Положение очень тяжелое, — медленно проговорил Халлахан, опустившись на колени и вместе с Биллом внимательно рассматривая осколки стекла. — И особенно тяжелое оттого, что мы теряли время, ища следы здесь. Ясно, что Горацио имел

возможность войти в замок и может теперь находиться где угодно...

— Господи! — вдруг закричал Данбар. — Урсула! Она одна!

Он выскочил из гостиной, и секунду спустя послышался его топот на лестнице.

Халлахан на всякий случай жестом призвал к спокойствию. Вдруг он нахмурился, обвел взглядом комнату и остановился на докторе Джерролде:

— А где Блейк? Кто-нибудь из вас его видел?

— В последний раз — когда он шел отсюда в подвал... — ответил психиатр.

— Это я знаю, — сказал Халлахан, побледнев. — В какой-то момент я хотел встретиться с ним, но не смог найти. Как раз перед тем, как подняться сюда... Надеюсь, что...

Историк не окончил фразу, выбежал в коридор и несколько раз окликнул друга. Только ветер был ему ответом. Билл и доктор Джерролд, подойдя к нему, тоже принялись кричать, но столь же безуспешно. Страшная догадка отразилась на их лицах. Халлахан взял кочергу и решительно объявил:

— Пошли посмотрим в подвале.

Зловещий скрип подвальной двери показался Мэйдж дурным предзнаменованием, и она не ошиблась: сделав несколько

шагов, Халлахан покачнулся, попытался было поймать равновесие — и с криком покатился кубарем по каменным ступеням. Тут же погас и фонарь: они остались в абсолютной темноте. На миг все как будто оцепенели, но Билл прокричал:

— Стойте спокойно, я сейчас вернусь!

Долго ждать не пришлось: вскоре Мэйдж с невыразимым облегчением увидела свет лампы.

Профessor лежал под лестницей, стонал и потирал себе щиколотку. Мэйдж держала лампу, а Билл с доктором Джерролдом помогли старику подняться. Он сделал несколько шагов и грустно покачал головой:

— Кажется, я что-то себе сломал...

Доктор накоротко осмотрел его и успокоил:

— Думаю, ничего страшного: самое большее — сильное растяжение.

— Но я не могу идти...

— Посидите пока. Мы сейчас отведем вас наверх.

В гостиной Халлахан со страдальческим видом уселся в высокое кресло и попросил товарищей продолжать поиски. Исчезновение друга тревожило его гораздо больше, чем собственная лодыжка. Решили так: Мэйдж останется с ним и будет держать ко-чергу, а Билл с доктором пойдут искать.

Они ушли. Пять минут спустя Мэйдж насторожилась:

— Вы ничего не слышали?

Халлахан нахмурил брови:

— Когда вы сказали, услышал... Что это?

— Какой-то скользящий звук...

Вся побледнев, Мэйдж указала на незакрытую дверь коридора:

— Кажется, это оттуда...

— Да, и оно приближается... Дайте, пожалуйста, кочергу, мисс Пирсон...

— Нет-нет, вы не справитесь...

Она произнесла эти слова очень категоричным тоном, но перекошенное лицо выдавало ужас, который рос по мере того, как приближался «скользящий звук», а вместе с ним — тяжелое человеческое дыхание.

Мэйдж крепко сжала в руках свое импровизированное оружие. Вдруг из дверного проема высунулось что-то длинное, тонкое, блестящее. Они сразу узнали, что это за предмет: лезвие меча с острием, омоченным кровью...

Глава 20

Блейка в подвале не было. В этом Билл и доктор Джерролд быстро убедились.

— Если бы он находился в этой части дома, — заметил психиатр, — то уже откликнулся бы.

— Если только не повстречал безумца... — ответил Билл, помрачнев.

— Не будем пока думать о худшем...

— А по-моему, наоборот: об этом и надо думать. Мы в таком положении, которое не предполагает ни малейшей ошибки. И ведь разве Блейк не бросал многократно вызов Горацио, не скрывая сильнейшего желания разобраться с ним? Если наш приятель подслушал его слова — для него, конечно, дело чести первым убрать Блейка...

Доктор Джерролд со вздохом кивнул:

— Да, это вполне в духе того, как он смотрит на вещи... Но как же Горацио мог нас слышать? Ведь мы все заперлись в за-

мке! И его здесь не было, пока он не разбил окно!

— Что касается разбитого окна... — задумчиво сказал Билл.

— Да?

— Вы его осматривали?

— Не то чтобы...

— Я не уверен, но кажется... Впрочем, это мы увидим позже. Сначала надо найти мистера Блейка.

— А не пошел ли он к башне?

Через две минуты они торопливо поднимались по винтовой лесенке, окликая своего товарища. Напрасно: еще пару минут спустя стало ясно, что в верхней комнате его нет.

— И что нам теперь остается? — раздраженно спросил Билл. — Из замка он не выходил, на наш зов не отвечал...

— Вы правы: приходится опасаться худшего, — ответил психиатр, машинально перерывая сундук у окошка. — И все же мне трудно представить себе, чтобы такой здоровяк, как он, не постарался дорого продать свою жизнь. В таком случае мы должны были бы слышать шум борьбы. Перед нами дьявольское убийство. Он уверен в себе, он играет с нами в кошки-мышки. Иногда у меня создается впечатление, что этот безумец следит

за нами: как будто в замке сотня невидимых глаз смотрят за каждым нашим движением, наслаждаясь всеобщим испугом...

Билл кивнул:

— У меня такое же впечатление. И думаю, что мы, хотя это и кажется совершенно невероятным, заперли его в замке вместе с собой.

— Но где же он в таком случае?

— Знаете, доктор, эти старые стены таят много загадок... Вероятно, где-то есть потайной ход, через который он может появляться и исчезать, когда хочет. Но нам, пожалуй, не стоит гоняться за этим чудовищем: есть другой способ прийти к цели.

Доктор Джерролд нахмурил брови.

— Я думаю, — продолжал Билл, — человек такого сорта должен быть очень тщеславен, не правда ли?

— Совершенно верно. Неумеренная гордыня в совокупности с навязчивым пристрастием к эпосу — вот корень его безумия. Но в чем ваша идея?

— Вернемся к остальным, там и поговорим.

В конце коридора они увидели свет — это означало, что дверь в гостиную не закрыта.

Билл с доктором вбежали туда и остолбенели. Мэйдж и Халлахан с ужасом смотре-

ли на огромное тело Гэйла Блейка, лежавшее навзничь на каменном полу. На его лице застыла гримаса страшной боли, а руки сжимали «меч из скалы» с окровавленным острием. По рубашке на животе расплылось большое темное пятно.

Глава 21

— Го-моему, он умер... — почти беззвучно прошептала Мэйдж и разрыдалась.

— Что случилось? — выдавил из себя Билл, обращаясь к ней. — Где Горацио? Вы его видели?

— Нет, — ответил страшно бледный Халлахан. — Сперва мы увидели за дверью меч и думали, что это он. Но мы ошиблись: это был Блейк. Он еле шел, лицо перекошено... Сделал еще несколько шагов в нашу сторону и рухнул вот тут.

— Мертв, — объявил доктор Джерролд, стоя на коленях возле тела. — Убит, по всей очевидности, тем самым мечом, который держит в руке.

— Убит? — с сомнением переспросил Халлахан. — Но как же в руке...

— Должно быть, он сам вырвал его из раны. У него на это хватало силы... и мужества. А может быть, убийца, проткнув ему живот, сам выдернул оружие и оставил

рядом с жертвой. Блейк подобрал его и дополз сюда... Вы слышали шум борьбы?

Мэйдж и Халлахан отрицательно покачали головами.

Чтобы отыскать место трагедии, Биллу с доктором Джерролдом не понадобилось много времени. Капли крови по всему коридору, подобно камешкам Мальчика-с-пальчиком, привели их сначала к выходу во двор, а потом, когда они зажгли фонари, — к северо-западному углу двора, к двери, ведущей в башню.

— Убийца, должно быть, спрятался за дверью, — сказал доктор Джерролд. — И ударил, когда Блейк направлялся сюда. Тут ничего не видать. Меч неожиданно вонзился ему прямо в живот — сопротивляться он не мог. Очевидно одно: с такой раной Блейк не был способен громко закричать. Боль, вероятно, ужасная; настоящий подвиг — то, что бедняге удалось вытащить меч из тела и дойти до гостиной. Но, как мы знаем, это был человек необыкновенно сильный и волевой.

— Не помогла ему сила против этого чудовища, — заметил Билл. — Надо обезвредить этого зверя, пока он не перебил друг за другом всех оставшихся...

— Шестерых.

— Простите?

— Всех шестерых. Нас осталось только шестеро. Между прочим, надо поставить в известность остальных — то есть Данбара, потому что мисс Браун после моего снотворного наверняка спит, как медведица в берлоге.

Через пять минут доктор Джерролд прошел из комнаты Урсулы в гостиную.

— Данбар решил не оставлять ее одну, пока не явятся силы правопорядка, — объявил он со вздохом. — От вести о новом убийстве он чуть не обезумел. Если бы нас не осталось так мало, я бы, несомненно, и ему прописал успокоительное. Он запер за мной дверь на два оборота и сказал, что загородит ее шкафом — я действительно слышал, как он двигает шкаф. Во всяком случае, кто-то следить за мисс Браун, конечно, должен. Теперь, я думаю, пора осознать происходящее, а главное — определить нашу дальнейшую стратегию. Но у мистера Пейджа, как мне кажется, есть какая-то идея?

— Билл! — воскликнула Мэйдж. — Прежде всего я хочу, чтобы ты объяснил загадку с этим мечом и с Граалем!

— Тебе не кажется, что у нас есть более срочные дела? — очень серьезно разразил ее молодой человек, стоявший в это время рядом с телом Блейка.

Невидимый
круг

— Может быть, но я не хочу умереть полной дурой! Хочу все знать!

Билл вздрогнул:

— Все узнать... а потом умереть? Черт возьми, маловато у тебя оптимизма... или юмор у тебя странный.

— Все равно хочу знать.

— Какого вы хотите оптимизма, молодой человек? — спросил Джосая Халлахан, не сводя глаз с тела своего друга. — Мы заключены в невидимый круг, мы в плену у сумасшедшего, разыгравшего кровавую пьесу... Ведь он точно с нами. — И профессор указал на разбитое окно.

Доктор Джерролд обернулся к Биллу и спросил:

— Кстати об окне: вы ведь недавно что-то хотели мне сказать?

Билл кивнул, подошел к окну и стал разглядывать пол под ним.

— Глядя на осколки, создается впечатление, — сказал он наконец, — что наш убийца проник сюда снаружи: ведь если бы окно разбили изнутри, то осколки или по крайней мере большинство осколков вылетело бы на улицу, а это явно не так. Но можно сбить нас с толку и находясь внутри. Выбить одно стекло, схватиться за переплет, сильно потрясти — и получится как раз то,

что мы и наблюдаем: выломанная оконная рама и осколки на полу. Итак, невозможно точно сказать, действовал он снаружи или изнутри. Но приглядитесь-ка к этой раме. Она погнута, искорежена, а никаких следов ударов на ней нет. Заметьте еще, что изогнута рама внутрь... Мне трудно себе представить, что кто-то снаружи преодолел эту преграду, таким образом надавливая на нее. Либо он выбил бы все кувалдой или тому подобным инструментом, либо сильно рванул бы окно целиком на себя. Но то, что мы видим, противоречит подобным предположениям...

— Ты хочешь сказать, — прошептала Мэйдж, — что он раньше... все время был в замке?

— Если не предполагать существования потайного хода, — ответил Билл, — я думаю, что кто-то очень ловкий и хорошо знающий это место мог скрываться от нас все время, пока мы его искали. Да, я думаю, что убийца не выходил из замка... К тому же еще до того, как разбилось окно, мы слышали, как вдруг, словно по волшебству, принялись хлопать ставни и двери. Повторяю: ни в чем нельзя быть уверенным, но у меня впечатление, что он ни на шаг не отходил от нас.

Настала полная тишина. Все, видимо, разделяли мнение Билла. Вдруг, с силой схва-

тив меч, который по-прежнему сжимала мертвая рука Гэйла, молодой человек попросил доктора Джерролда изъять орудие убийства у покойника и внимательно осмотреть. Тот не понял, но повиновался.

— Вы хотели знать тайну этого меча? Так вот, она перед вами! Только скажите, доктор: это ведь тот самый меч, правда? С нашими подписями на эфесе?

— Да, без сомнения...

— Прекрасно. Теперь будьте любезны принести мне Грааль.

— Грааль? — переспросил врач и недоуменно огляделся. — Но его же... Он ведь пропал, вы прекрасно знаете!

— Вы ошибаетесь. Он у вас в руках!

Глава 22

— Грааль... у меня в руках? — ничего не понимая, проговорил Джерролд, уставившись на меч.

— Ну да. Посмотрите на эфес — вернее, на гарду. Она золотая, блестящая, полукруглой формы — точно такая, как показывал нам мнимый Джерри Пирсон, он же Горацио. Подойдите поближе. Я буду держать меч за клинок, а вы попробуйте отвинтить эфес.

— Я уже пробовал, — вступил в разговор Халлахан. — Ничего не вышло!

— Да, я помню, — подтвердил Джерролд. — Это было в башне, в комнате, когда мнимый инспектор Рой попросил нас проверить меч и убедиться, что он крепкий.

— Вы, должно быть, крутили только в одну сторону, как обычно — против часовой стрелки, — ответил Билл. — А попробуйте-ка в другую, как будто не откручиваете, а закручиваете...

Невидимый
круг

Эфес подался не с первой попытки. Но потом он спокойно открутился от лезвия. Со стороны, противоположной острию, оказался нарезной стержень длиной около десяти сантиметров.

— Невероятно! — восхищенно присвистнул Билл. — Он даже придумал сделать обратную резьбу! Вот и вся загадка: эфес просто отвинчивается и привинчивается. Причем преступник, он же инспектор Рой, имел невероятную дерзость навести нас на след, привлекая внимание к стружке возле сверлильного станка (на котором изготовил эфес) и нарезным инструментам. Работа превосходная: как вы могли убедиться, эфес можно открутить, только приложив большое усилие; вероятно, сам он это делал, просунув через него какую-то палку.

Джерролд, Халлахан и Мэйдж, как под гипнозом, смотрели на рукоять, а Билл не без гордости продолжал объяснять:

— Нужно только припомнить ход событий, и весь его фокус прояснится. Когда Горацио симулировал ожог руки, то, как вы знаете, вышел вместе с Мэйдж, потом исчез минут на десять, а затем вернулся с Граалем. За это время он вполне мог дойти до меча в скале, отвинтить эфес, на котором мы расписались, чтобы подтвердить его то-

ждество, и при помощи большого бревна — того, на котором чуть не поскользнулась мисс Браун, — сбросить в море каменную глыбу. Ту глыбу, которая зажимала лезвие меча. Затем он вернулся и продемонстрировал загадочный предмет, выдав его за Грааль. Показав нам, как блестит эта золотая круглая вещь, он поставил ее на сундук, который, если вы помните, стоит прямо у окна.

Дальше все было так, как я вам уже рассказывал. Он влез по веревке, убил сообщника, но другим лезвием, без рукояти, идентичным тому, что покоится теперь в морских волнах. Затем он держит труп, прислонив его спиной к решетке, поджигает тряпку, пропитанную спиртом, немного отодвигает покойника в сторону, забирает Грааль с сундука, крепко привинчивает к лезвию и толкает труп как можно дальше в комнату. Если просунуть руку через решетку, все это вполне реально сделать — я проверял. Фокус удался! Найдя меч в спине убитого, мы были готовы поклясться, что это тот самый, который торчал в скале.

— Чтобы пуститься на такую уловку, нужно быть абсолютно сумасшедшим, — прошептал Халлахан, не сводя зачарованных глаз с Грааля.

— Сумасшедшим, но крайне умным, — заметил доктор Джерролд. — В некотором

смысле я могу сказать, что этот человек гениален. Чрезвычайно интересный случай!

— Но и чрезвычайно опасный, — сухо ответил Халлахан. — Я им нисколько не восхищаюсь.

— Такой любитель артуровских легенд, как вы? Удивительно!

— И вы еще можете шутить, Джерролд! Мы же здесь полностью в его власти!

— Не думаю, что он посмеет на нас напасть, пока мы все вместе.

Халлахан улыбнулся недоброю улыбкой:

— На вас — конечно, вы же можете убежать во всю прыть. А я со своей ногой едва могу идти! Если должны быть еще жертвы, то следующим буду я... Вы ведь так и подумали, правда?

— Как вы смеете говорить мне такие вещи! — воскликнул Джерролд с видом оскорбленного достоинства.

— Но затем придет и ваш черед... К тому же не забывайте: в театре, когда представляли трагедию, этот человек вполне посмел напасть на нескольких сразу. Вы не в большей безопасности, чем я, доктор!

— Разве я спорю?

— Вы лицемер, доктор Джерролд!

Психиатр побледнел, круто повернулся и вышел из комнаты.

Наступило долгое молчание. Халлахан с трудом подошел к высокому креслу, уселся в него и вдруг сразу показался очень старым.

— Боже мой, что со мной происходит? Уже давным-давно я не оскорблял людей. Доктор Джерролд сам боится, а меня вывела из себя его шутка. Я не сразу понял, что таким образом он хочет себя подбодрить... Вдруг разъярился... это глупо! Чародей Мерлин оказался недостоин своего прозвища...

— У нас у всех нервы на пределе, — сказала Мэйдж и подошла к Халлахану поближе. — Я уверена, он уже раскаивается, что убежал.

«Очень неразумный поступок! — подумал историк, но воздержался от того, чтобы произнести это вслух. — Бродить в одиночестве, когда нависает такая угроза — чистое безумие! Он скоро вернется».

Халлахан не ошибся. Вскоре доктор Джерролд появился, хотя и с видимым сомнением.

— Сейчас, — сказал он, слегка покраснев, — лучше всего нам сохранять спокойствие.

Через несколько минут инцидент был исчерпан, и психиатр напомнил Биллу, что тот говорил о каком-то плане, как обезвредить злодея.

— Я как раз к этому подходил, — с загадочным видом ответил молодой человек. —

Моя идея проста — поставить ему ловушку, завлечь в капкан. Это, конечно, рискованно, но если мы будем сидеть сложа руки, пытаясь только парировать его удары, — боюсь, лишь продолжим пересчитывать трупы. Но прежде всего, доктор Джерролд, мне бы хотелось, чтобы вы набросали нам психологический портрет этого человека: лучше вас никто не справится. А это очень важно.

— Я начинаю понимать, — кивнул психиатр. — Вместо предисловия скажу только, что такие личности труднее всего поддаются лечению, а значит, и пониманию. Его мания, конечно, очевидна, да он ее и не скрывает. Он убивает, потому что ему нравится убивать. Обычно в таких случаях мы имеем дело с людьми, которые действуют, повинуясь инстинктам, поэтому с ними сравнительно легко сладить. Но Горацио отличается живым умом, который он использует в периоды пауз, если можно так выразиться, и это делает его особенно опасным душегубом. Он, очевидно, осознает свою силу, свой ум, ему очень нравится, когда этот ум видят и восхищаются им. Я думаю, мистер Пейдж, вас интересует именно это?

Билл кивнул.

— Я лично этим случаем не занимался, — продолжал психиатр. — Следил, как

и все, за сообщениями в прессе. Кроме гордыни и тщеславия, несомненно, присущих ему, тут есть еще форма поэтического нарциссизма, самолюбования своими, извините за выражение, свершениями. Впрочем, все, что произошло тут за последние двое суток это доказывает. Ведь он устроил для нас грандиознейший спектакль! Какие потрясающие, душераздирающие эффекты! И все на фоне чудес артуровских преданий...

— И он этим очень гордится! — заметил Билл.

— Нет никаких сомнений.

— Ему не понравится, если на этот счет станут шутить...

— Еще как! Его пьеса крайне серьезна и интересна!

Билл еще несколько раз кивнул и сказал вполголоса:

— Вот что я предлагаю. Примем его игру: станем рыцарями Круглого стола! Разыграем пьеску в его вкусе так, что он непременно присоединится к нам. Завлечем его в башню — и там запрем. Скажем, двое будут вслух разыгрывать эту сцену наверху, а остальные останутся сторожить внизу. Как только он переступит порог башни, они запрут его снаружи на тяжелую цепь, которая висит там вместо засова. Эта баш-

ня — настоящая темница, мы заделали там даже малейшие отверстия.

— А как же те... — сказала Мэйдж с дрожью в голосе. — Те, кто будут наверху, в комнате — ведь их запрут вместе с ним!

— Да, но они не окажутся в его власти, потому что надежно загородятся. Знаю: дверь сейчас выломана. Но если заколотить ее прочными досками, она станет неприступной крепостью. И зверь у нас в западне!

— Идея превосходная, но рискованная... — задумчиво высказался Халлахан. — Что вы думаете, Джерролд?

— Привлечь его, заманить в ловушку — думаю, он наверняка на это попадется, если только сцена будет хорошо разыграна. Что же до остального — боюсь, малейшая оплошность станет роковой. Но как же вы распределите роли?

Билл посмотрел наверх.

— Данбар, мне кажется, уже ни на что не годен. О мисс Браун не стоит даже говорить. По-моему, мы можем рассчитывать только на нашу четверку.

— Согласен, — нервно сказал доктор. — А кто же будет приманкой там, наверху?

Билл не спеша обернулся к Мэйдже:

— Мы с тобой, дорогая, если ты не против...

Девушка открыла рот, так и не издав ни единого звука.

— Я думаю, Мэйдж, это самый хороший расклад. Ведь если мы наверху хорошо запремся, то совершенно ничем не рискуем. Позволь объяснить тебе твою роль — и ты увидишь, что это лучший способ заманить Горацио. Не забывай: в его игре ты, по идее, играешь Гвиневру — жену короля Артура. А король Артур-мститель — это, естественно, он, Горацио. Мне же он дал роль Ланселота — твоего любовника. Мы разыграем любовное свидание, но в виде ссоры. Ланселот упрекает возлюбленную, они переходят на крик, наконец он доходит до оскорбления действием... Мы с тобой, Мэйдж, будем говорить очень громко, ты станешь кричать... Думаю, в этом случае король Артур не сможет не явиться на помощь супруге, которую он все еще любит, и не покарать того, кто осмелился его предать.

— Превосходно, — высказался Джерролд. — Психологически план великолепен. Он явится, в этом почти нет сомнения!

— А как только он проникнет в башню, в игру вступите вы, господа. Вам нужно будет быстро запереть его в башне, накрепко затворив входную дверь.

Невидимый
круг

— Все сделаю, насколько мне позволит несчастная нога, — сказал Халлахан. — Главная ответственность на вас, док.

— Нужно действовать уверенно и четко. Я справлюсь.

— Я пойду с тобой, Билл, — отважно сказала Мэйдж со слезами на глазах.

— Отлично! — произнес молодой человек. — Не будем терять времени. Жребий брошен!

Глава 23

Когда Мэйдж с Биллом переступили порог башни, было два часа ночи. Старая деревянная дверь, как всегда, мрачно заскрипела. Билл нес доски и большой мешок с разными инструментами, а Мэйдж — сумку с провизией. Поднимались еще медленнее, чем обычно: ведь Горацио мог быть где-то там.

В комнате они положили на пол свою ношу, и запыхавшаяся Мэйдж бросилась в объятия к Биллу.

— Господи, помоги, чтобы этот кошмар поскорее закончился! — простонала она. — Не могу больше, нет никаких сил!

— Не волнуйся, дорогая, скоро все закончится. Можешь на меня положиться. Но сначала надо починить дверь.

— Починить? А я думала, нам нужно ее заколотить досками?

— Нет, мы ее укрепим и поставим большой засов, который я взял с собой, чтобы можно было выйти, когда угодно.

Я тебе потом объясню. Теперь поскорее за работу.

Мэйдж с любопытством посмотрела на женщина:

— У меня впечатление, будто ты что-то от меня скрываешь...

— Все объясню, но после. Сначала дверь...

Через четверть часа на двери был новый засов — большая железная полоса, крепко привинченная к косяку и наличнику.

— А теперь, дорогая, начнем нашу комедию, а между тем я тебе вполголоса кое-что объясню. Скажу сразу: боюсь, как бы убийца не перехитрил нас...

— Не понимаю... — прошептала Мэйдж, не сводя глаз с Билла.

— Начнем. Встать нужно поближе к окну, чтобы нас было лучше слышно. Внимание, начинаю. Кричу что есть сил:

— «Гвиневра, милая моя, наконец-то! Я уже целый час поджидал вас в саду. Уже боялся, не забыли ли вы про наше свидание!»

Мэйдж прокашлялась и ответила:

— «Как вы могли так подумать, мой милый друг! Меня задержали за столом...»

— «Кто задержал?»

— «Артур, конечно».

— «Этого я и боялся...»

— «Простите?»

— «Артур для вас значит больше, чем ваш покорный слуга...»

— «Ланселот, сколько ран моему сердцу наносят ваши слова! Я задержалась с Артуром, потому что так было нужно!» — Мэйдж понизила голос: — А теперь, Билл объясни...

— «Так было нужно? Он держал вас силой? Как же куртуазен этот столь славный муж!» Очень просто: у меня есть веские причины полагать, что преступник не Горацио.

— Как? Горацио не... Ничего не понимаю. А кто же тогда преступник?

— Не забывай о роли, Мэйдж. А кто преступник — это я как раз и пытаюсь выяснить... Вернее, я знаю, кто это, только не понимаю, под какой маской он скрывается!

— Говори яснее, Билл, ради бога!

— Роль, роль, Мэйдж...

— Э... на чем мы остановились?

— Я сказал, что Артур держал тебя силой.

— Да... но... «Нет, Артур не держал меня силой! Он что-то подозревает... Я не удивлюсь, если за этим стоит Мордред... Несколько раз я видела, как он что-то шептал мужу на ухо и замолкал, как только встречал мой взгляд».

— «Вечно все валят на Мордреда! А мне кажется, прекрасная моя Гвиневра, это я вам начинаю немножко надоедать». Пом-

нишь, я недавно доказывал, что окно могло быть разбито изнутри. Я говорил про некий тайник, который мог являться частью плана Горацио, но на самом деле я следил за их реакцией. Потому что убийца — кто-то из нас, я уверен. И то, как я описал способ, которым разбили стекло, должно было насторожить того, кто это сделал, то есть преступника.

— И кто же это? «Берегитесь, друг мой! Если вы так утверждаете, я ведь могу вам и поверить!»

— «Да, утверждаю: я надоел вам!»

— Кто это, Билл? «Ну что ж, если так, тоже буду откровенна: я вас не люблю, Ланселот!»

— Скажу потом, пока ты не все поймешь. — Он с презрением прошипел: — «Так я не ошибся... Я вас презираю, Гвиневра!»

— Как ты любишь говорить загадками. Ну что ж, раз так: «А я ненавижу вас, ненавижу!» Тогда, если я не ошибаюсь, ты ставишь ловушку не Горацио, а настоящему преступнику?

— Горацио нет в живых. Это тот человек, что был убит в этой комнате. Именно он нас встречал и разыгрывал роль твоего дядюшки.

— Так он сообщник убийцы?

— Да, но не совсем обычный сообщник: таким, при правильном подходе, очень легко управлять. Козырной туз в колоде пре-

ступника. «Ну что ж, милейшая, я раскусил вашу подлинную природу!»

— «Какую природу?»

— «Вы просто вертихвостка! И если бы я не сдерживал себя...»

— «Как вы смеете, негодяй!» Билл, если ты мне сейчас же не скажешь, кто убийца, я буду кричать!

— Не беспокойся, дорогая! Конечно, скажу! «Так примите же эту пощечину! А вот и вторая для ровного счета!»

— «Ты страшный человек!» — пронзительно вскрикнула Мэйдже.

— Превосходно, из тебя вышла бы очень хорошая актриса, дорогая! Ну что ж, я тебе подскажу: убийца — Питер Кобб!

— Как, молодой сторож? Но...

— Дело в том, что он сыграл и эту роль, как и многие другие за последние двое суток. Вспомни его показания — ведь там был некоторый перебор. Призрак короля Артура убил подложного полицейского — и пропал, словно растворился в воздухе. Ну прямо волшебная сказка!

— Тут было много странных историй. Одной больше, одной меньше...

— «Вы ничего не говорите, милая моя! Но вы дрожите! Вам страшно, не правда ли? Вы думаете, этот трус Артур посмеет

явиться сюда? Нет, он побоится меня!» А теперь Мэйдж, прошу тебя произнести небольшой монолог, а я пойду кое-что посмотрю.

— Как, ты бросаешь меня одну? «Артур — трус? Нет более страшного оскорбления!»

— Честное слово, я ненадолго.

— Но зачем?

— Ты хочешь, чтобы кошмар закончился, верно? Так положись на меня... Мне кое-что нужно сделать внизу. «Да, повторю во весь голос: Артур жалкий трус и всегда был таким!»

— Билл, умоляю, не рискуй так...

— Доверься мне. Впрочем, подожди: я кое-что тебе все-таки дам.

Он порылся в мешке, достал большой кухонный нож и протянул его девушке:

— Вот все, что я нашел для самообороны. Тебе не придется им пользоваться, но так тебе будет спокойнее.

Мэйдж взяла нож и с испугом посмотрела на блестящее лезвие.

— Билл, скажи, хотя бы кто...

— А ты еще не догадалась? Кто это демоническое существо, сыгравшее роль Питера Кобба, роль инспектора Роя, а теперь играющее третью роль? Кто убил безумного Горацио, потом того бедняка, которого мы знали как сержанта, а недавно Блейка? Я уверен: в глубине души ты это знаешь, ты

инстинктивно это чувствуешь, Мэйдж... Хорошо, я пошел. Но закрой за мной дверь на засов хорошенъко — мало ли что. Я на пять минут, не больше. Уверен, это время ты сможешь импровизировать.

— Так кто же это, Билл? Ты так и не сказал...

— Твой любимый дядюшка Джерри Пирсон.

Глава 24

Сквозь ветер и крупный дождь, поливавший темный двор, доносились обрывки фраз, которые произносила Мэйдж:

— «Ненавижу тебя, Ланселот... Ненавижу...»

Халлахан забился в угол и, не шевелясь, вглядывался в темноту. Она была так глубока, что профессор никак не мог к ней привыкнуть. Он не столько видел, сколько угадывал входную дверь в двух десятках шагов от себя. У его ног лежала цепь с висячим замком, чтобы закрыть убийцу в башне.

— «Как ты посмел, Ланселот... Его, его, храбрейшего из рыцарей...» — доносился издали голос Мэйдж.

Раздались шаги. Халлахан встрепенулся. Приближившийся силуэт оказался не кем иным, как доктором Джерролдом.

— Долгоночка вас не было, — с упреком сказал историк.

— Я хотел кое в чем убедиться — и, думаю, не напрасно потерял время.

— Не так громко...

— Угадайте, кого я увидел в коридоре? Он как раз спускался в подвал...

— Горацио?

— Нет, успокойтесь. Всего лишь Данбара.

— Что он там делал?

— Я его не догнал. Он очень торопился.

Не думаю, что он меня видел.

— Странно... И он оставил мисс Браун одну?

— По-моему, это очевидно.

Джерролд вдруг напрягся.

— Что это за крик? Вы слышали?

— Это наша парочка разыгрывает свою пьесу. Сейчас Гвиневра получила пощечину от Ланселота.

— Они уже начали? Очень плохо слышно...

— Зависит от ветра.

— Думаете, он их услышит?

— Посмотрим... Так мы говорили, что мисс Браун осталась одна в своей спальне.

— Вот поэтому я немного и задержался: решил убедиться. Я поднялся, осторожно постучался, но безрезультатно. Дверь была заперта на ключ.

— Стало быть, она у себя.

— Очевидно так, но постучать сильнее я не решился.

— Она ведь, должно быть, спит без памяти? Вы ей, полагаю, дали что-то очень сильное?

— Да, успокоительное, чтобы помочь заснуть, но все-таки это не анестезия. Если ее разбудить, она сразу придет в себя. Тс-с! Я слышу какой-то звук...

Несколько секунд слышались только стоны ветра. Не шевелясь и затаив дыхание, Джерролд и Халлахан пытались взглядеться в густую тьму. С башни послышался далекий гул смешавшихся голосов, потом шаги. Затем несколько секунд они могли видеть, как вдоль стены возле двери башни движется какая-то тень; мгновение спустя раздался знакомый скрип.

Прошло несколько долгих секунд. Потом Халлахан прошептал на ухо своему спутнику:

— Вы его видели?
— Очень плохо...
— Что нам делать?
— Погодите... Я снова слышу шаги.
— Да, так и есть. Но что, черт возьми, происходит? Кто эти люди?

— Тс-с! Смотрите-ка, он идет сюда... вышел из замка... Он... нет, это женщина! Должно быть, мисс Браун! Что ей здесь надо? Обернулась... Стойте тут, Халлахан, я пойду посмотрю.

— «Уходи, Ланселот, повелеваю тебе! — кричала Мэйдж, стоя у окна. — Прочь с глаз моих!»

Вдруг она замолчала и насторожилась.

На лестнице послышались шаги.

Схватив обеими руками кухонный нож, она отскочила в глубь комнаты, выставила оружие и принялась ждать, готовая к обороне, не сводя глаз с дверного засова.

Только услышав четыре стука в дверь — условный знак между ней и Биллом — и узнав голос жениха, она совсем успокоилась.

Мэйдж отворила, Билл вошел, и она тотчас же закрыла тяжелый засов. Но поскольку засов был очень почтенного возраста и поэтому чрезвычайно упрямый, ей пришлось сильно напрячь мускулы. Тут как раз Билл окликнул ее, она обернулась и не заметила, что засов не вошел в защелку, а лишь скользнул поверх нее. Однако дверь, немного перекошенная, закрылась плотно, и Мэйдж решила, что она заперта.

— Отдай-ка мне ножик, дорогая: ты так дрожишь — еще порежешься...

— А теперь, Билл, ты мне должен все объяснить. Слышишь? Все!

Билл взял нож, посмотрел на него, высунулся в окно и закричал:

— «Нет, Гвиневра, вам это даром не пройдет! Вы думаете, я уйду просто так? Ничего подобного! А с супругом вашим, венценосным трусом, я ожидаю встречи!

Невидимый
круг

Пусть только попробует показаться мне на глаза!»

— Тебе не кажется, Билл, что пора прекратить эти глупости? Они все равно ни к чему — ведь Горацио мертв!

— Разумеется, но остальные должны думать, что мы продолжаем игру. «Вы с ума сошли, королева! Вы осмелились дать пощечину мне, Ланселоту! Вы дорого за это заплатите!»

— «Не станете же вы бить слабую женщину?»

— «Почему нет, если она это заслужила?»

Мэйдж издала душераздирающий крик, и Билл сказал:

— Хорошо, переигрывать все-таки не стоит. Предлагаю сделать небольшую паузу.

— И скажи теперь быстро, кто здесь дядя Джерри! Мне нужно это знать.

— Через несколько секунд узнаешь, дорогая. Обещаю тебе.

Мэйдж напряглась:

— Ты хочешь сказать... что он явится сюда?

— Ну да... некоторым образом. Только постарайся не перебивать меня на каждом слове.

Мэйдж, чуть не плача, прижалась к Биллу, а тот попытался ее утешить:

— Скоро этот кошмар для тебя закончится, Мэйдж... Разве ты могла хоть на мину-

ту подумать, что за этой дьявольской махинацией скрывается кто-то, кроме твоего дяди? Ведь ты должна была догадаться!

— Наверное, ты прав...

— Только он мог придумать столь запутанную постановку. Это абсолютно извращенный человек — вы с мисс Браун на его счет не ошибались.

— Совершенно чудовищный... Да, я чувствовала... Ощущала его присутствие, когда мы были в библиотеке... Он был рядом со мною — и это был инспектор Рой... Инстинкт предупредил меня об опасности.

— Прежде всего тебе нужно знать, что он совсем не сумасшедший и действует по тщательно разработанному плану. Все это безумие, вся эта наигранная жуть — словом все, каждый новый поворот, включая разоблачение мнимого инспектора, имело только одну цель: заставить всех поверить, что вы и сделали, будто перед вами сумасшедший Горацио. Он якобы решил повторить те убийства, которые совершил несколько лет назад. Недавно этот очень талантливый актер, великий любитель легенд о короле Артуре, вышел из лечебницы, и только его могли заподозрить в организации столь безумного спектакля.

Как я тебе и говорил, он был сообщником Джерри Пирсона. Это он нас встречал,

он разыгрывал роль хозяина со странностями, но, конечно, исполняя приказания твоего дяди, которому ничего не стоило убедить брата заняться подобным шутовством. Он даже наверняка получал от этого большое удовольствие. Роль была как на заказ: сыграть карикатуру на самого себя! Что Джерри убьет его, он, разумеется, не ожидал: тут все было сделано так, как я тебе объяснил. Убийство акробатическое, связанное с риском, но надо иметь в виду: дядя совершил его у себя дома, у него было сколько угодно времени на тренировку. Лицо брата обезображенено тоже недаром: необходимо было создать впечатление, что убийца только начал забавляться со своими подопытными кроликами. Навести на мысль, что есть еще сообщник — старый, преданный товарищ по лечебнице.

— Но, боже мой, зачем он все это делал?
Зачем?

— Зачем? — переспросил Билл с хитрой улыбкой. — Да из-за денег. Но вернемся к нашей сцене... — Он опять подошел к окну и закричал: — «А, вы пришли в себя! Что? Не бить вас больше? А почему, позвольте спросить?»

Мэйдج еще раз пронзительно вскрикнула и вернулась к разговору:

— Из-за денег? Не понимаю...

— Твоему дяде очень нужны большие деньги. Этот замок обходится дорого, а он еще хочет отреставрировать его по своему вкусу.

Мэйдж растерянно посмотрела на Билла. Он засунул руку во внутренний карман и вытащил оттуда конверт.

— Письмо ко мне! — воскликнула она. — Где ты его нашел?

— Жаль, что ты его не читала. Это письмо от нотариуса с просьбой явиться для установления личности. Твой отец тогда не умер. В конце концов ему удалось разбогатеть. Но через некоторое время тропическая лихорадка унесла его, и он оставил более чем приличное состояние, которое должно было достаться тебе.

Мэйдж еле проговорила:

— Мне... состояние?

— Именно тебе, — кивнул Билл. — Если только ты будешь жива.

— Но...

— Теперь ты поняла, что задумал дядя Джерри?

— Билл, он, должно быть, на лестнице... Я слышу шаги...

— Нет, он не на лестнице...

— Да нет же, Билл! Он где-то здесь...

Я знаю... я чувствую...

Невидимый
круг

— Вся эта комедия с мертвецами была разыграна, чтобы скрыть истинную цель — убрать тебя, свалив вину на брата Горацио. Его, конечно, тоже нужно было убрать, чтобы дядя Джерри один из всей семьи остался живым наследником состояния. Осталось сыграть последний акт: убить тебя — зарезать так, как это сделал бы безумный Горацио...

— Это чудовищно... Билл... я чувствую, он где-то совсем рядом...

Молодой человек взял в руки кухонный нож, подошел к двери, прислонился к ней ухом и опять отошел. Он приблизился к Мэйдж с улыбкой, которая сделала его неузнаваемым.

— Ты права, Мэйдж: дядя Джерри недалеко. Совсем рядом с тобой. В этой самой комнате...

Потрясенная девушка инстинктивно принялась оглядываться, и тут до нее дошла ужасная правда.

Билл встал рядом с ней и замахнулся ножом. Потом он страшно расхохотался:

— «И перестань вопить Гвиневра, это тебе не поможет!» Что же, кричи, как тебе положено... Да, малышка, теперь ты все поняла. Дядя Джерри — это я.

Глава 25

Ноги у Мэйдж подкосились, в голове лихорадочно метались разные мысли. Вот теперь ее охватил настоящий ужас.

— Ты уже понимаешь, малышка, что значит для тебя «кошмар скоро закончится»! — ухмыльнулся Джерри Пирсон, который только что был ее Биллом.

«Как могло явиться среди людей столь омерзительное лицо?» — думала Мэйдж. К тому, кто стоял перед ней, она испытывала такое отвращение, такую злость, что они одолели даже страх. Мог ли этот монстр найти жертву легковернее, чем она? Навряд ли... Теперь Мэйдж понимала, откуда взялась эта смущавшая ее старообразность: на самом деле ей было не тридцать лет, а около сорока пяти.

Он по-прежнему видел ее насквозь.

— Говорят, морской воздух старит? Я, должно быть, исключение, которое подтверждает правило: морщин у меня немногого. Прежде всего благодаря своему таланту

я без особого грима полностью перевоплотился. А тебе я запомнился как злобный дядька вдвое больше тебя ростом — ты же была совсем маленькая. Могу я играть роли первых любовников в серьезном жанре, правда?

Мэйдж еле сдерживала себя, чтобы не кинуться с кулаками на это гнусное существо.

— Если хочешь кричать — кричи, не стесняйся, говорю тебе. Теперь до тебя дошло, к чему была сцена Гвиневры и Ланселота. Твой дядя всегда был большой хитрец...

— Вовсе вы мне не дядя! Между нами нет никакого родства! Меня удочерили, а вы — всего лишь сводный брат моего приемного отца!

Пирсон только вновь улыбнулся:

— Вот, кстати, и об отце твоем поговорим. Я не оставлю тебя в неведении перед смертью. Окажу великую честь узнать все подробности моего замысла! Честь единственная в своем роде: ведь я, к сожалению, не смогу оказать ее больше никому...

Как ты знаешь, твой отец уехал пытать счастья в Африку. Но вскоре он пропал из вида, и его новые друзья решили, что он умер. Несколько месяцев назад, то есть недолго до того, как он стал жертвой одной из тропических болезней, никого не щадящих, я получил от него письмо. Он прожил

очень насыщенную жизнь: одни туземцы его ранили, другие приютили; он нашел те копи, которые искал, но некий верный друг его предал — это все я пропускаю. В конце концов он все-таки отыскал свою реку Пактол*, и самородки в ней, по его словам, были не меньше тех, что составили богатство лидийского царя Креза. С Крезом он не сравнялся, но приблизился к нему. Оставил столько, что можно прожить безбедно до конца дней. Ты спросишь, почему он так долго не давал о себе знать? Сначала не мог. А потом, узнав, что его считают мертвым, дал себе слово вернуться не иначе, как с карманами, полными золота. Жаль, что в последний момент его унесла эта болезнь. Впрочем, жаль только ему. Потому что тут явился дядя Джерри. Да и что бы ты сделала с этими деньгами? Первый встреченный Дон-Жуан окрутил бы тебя да и выпотрошил — ты бы и пикнуть не успела. Нет, я долго об этом думал: дядя Джерри деньгами распорядится гораздо лучше... Я восстановлю наконец этот замок!

— Совершенный безумец... — прошептала сквозь зубы Мэйдж.

— Безумец или злодей? — рассмеялся хозяин замка. — Это еще как сказать!

* Пактол — в древности золотоносная река в Малой Азии. — Примеч. пер.

Безумцем был Горацио! Так вот, узнав о смерти твоего отца, я и сочинил этот план. Очень продуманный, дотошный, сложный, потребовавший от меня долгой подготовки. Но, согласись, оно того стоило. Ты ведь поняла, правда? Если тебя не станет, единственным наследником остаюсь я. Но если ты погибнешь насильственной смертью, когда на кону такое богатство, меня наверняка заподозрят. Чтобы отвести подозрения, нужно очень хорошо все продумать. Безумие Горацио, которого так кстати выпустили, предоставляло идеальную дымовую завесу. В самом деле: кто после этой серии убийств, еще более сумасшедшей, чем прежняя, заподозрит кого-то иного?

Первый акт: завоевать тебя...

— Меня сейчас вырвет от вас... — прошептала Мэйдж, а негодяй продолжал:

— Надо сказать, без большого труда. Это я пропускаю. Затем нужно было собрать людей на этот уикенд. Я пригласил несколько колоритных личностей, а как приправу — эту ведьму Урсулу с ее бывшим возлюбленным.

Специалиста по психическим заболеваниям я тоже считал необходимым. Между прочим, история про девушку, которую посадили в больницу из мести, — чистая ложь. Доктор Джерролд имеет репутацию очень строгого врача, но и только.

Если бы кто-нибудь не явился, у меня были запасные варианты. Но приехали все. Между прочим, холодные закуски приготовила деревенская повариха, а я нарочно послал к ней Горацио, чтобы, когда эту почтеннюю женщину, прекрасно знавшую меня, спросят, она бы уверенно ответила, что я был «какой-то не такой».

Перед этим я тайно приютил Горацио у себя, чтобы подготовить его к предназначенной ему роли. Должен признать — он очень способный актер, почти такой же, как я. А каков я, ты должна осознать в полной мере. Вспомни Петера Кобба. Довольно нетрудный шарж: простоватый парень с грубыми манерами. Мой потерянный бумажник, конечно, не был случайностью. Я быстро добежал до сторожки вокруг скалы по той крутой тропе, которую ты знаешь. Накинул старый плащ, на голову парик — и вот я Питер Кобб, готовый встретить тебя! Помнишь тот наш с тобой разговор?

— Как не помнить...

— Я придумал себе опоздание, чтобы объяснить, почему первые гости меня не видели. Все было просчитано до малейших деталей. Затем Билл задержался из-за чемоданов. Это, признаюсь, была импровизация. Никогда, ни разу ты не видела нас

Невидимый
круг

с Питером вместе, как и с инспектором Роем. Недурно, правда? Билл ушел, потому что инспектор Рой послал его в деревню. Если бы ты сейчас немного подумала, когда я сказал, что дядя Джерри — один из нас, ты бы сразу вычислила: это мог быть только я. Только меня не было в замке, когда явился инспектор Рой.

И эта роль сыграна великолепно, верно? Я вел расследование собственного преступления, да еще наводил вас на след! Когда мы были в мастерской в подвале, я увидел, как ты тихонько вышла. Тогда под предлогом, будто пошел искать товарища, я выскоцил в потайную дверь и сыграл роль Питера...

— Да, я правда тогда слышала шаги...

— Что было дальше, ты знаешь: Питер в панике рассказывает про убийство, похожее на галлюцинацию, чтобы сделать правдоподобной версию о мести призрака. На самом деле уже потом, когда ты пошла рассказывать об этом другим, я вызвал сержанта Ханта на площадку у скалы и убил. Этим сержантом был один псих, с которым Горацио познакомился в лечебнице. Совершенно безобидный придурок, жил как на другой планете. Делал все, что велят, не задавая никаких вопросов. Чуть раньше он даже помог мне избавиться от тела Горацио. Мы его бросили в море, как и было сказано, у того самого

утеса, где торчал пресловутый меч. В ту ночь была такая буря, а рифы такие острые, что от бедняги Горацио едва ли много осталось. Неузнаваемый труп — да он уже и так был изуродован...

— Хватит! Не хочу ничего больше слушать!

Джерри Пирсон изобразил обиду:

— Как? Такой ювелирный, с такой любовью придуманный план? Потерпи еще немногоПоследнее усилие, я обещаю.

Все той же тропой к мосту я обогнал тебя с этим болваном Блейком и в деревне опять сыграл роль Билла. Хорошо-хорошо, не буду. Что мне еще осталось рассказать? Ах да, про хлопающие ставни... До смешного просто. Когда мы закрывали все в замке, я просто снял запор с одной из ставен. Затем, как и ожидалось, поднялся ветер. Потом все стали искать, кто это сделал, и я — а ведь ты была тогда со мной! — в суматохе отпер еще одну ставню, а после приоткрыл дверь во дворик. С разбитым стеклом все было сделано так, как я и рассказывал, а заняло это всего несколько секунд: я приготовился заранее. Тогда я, само собой, и убил Блейка безо всякого труда. Он шел по двору, я его подозревал да и проткнул мечом. Жаль, что было темно: я не видел, какая у него была изумленная

рожа. Этот обормот даже не вскрикнул, только захрипел немножко... Правда, наповал я его не убил. Он сам вынул меч из своего толстого пузя.

И вот, дорогая моя малышка Мэйдж, скоро конец нашей истории. Когда закончится этот необычный уикенд, оставшиеся в живых, среди которых тебя, конечно, не будет, расскажут о своих приключениях полиции — особенно о том, как они спаслись от Безумного Горацио: сначала за ним погнались, а потом он свалился с утеса. Эту последнюю сцену я исполню незамедлительно. Сумасшедший убийца гибнет после того, как двое суток сеял ужас на острове своего брата — такой финал перекроет все. Твоя же смерть, дорогая племянница, станет лишь эпизодом драмы.

— А где же был все это время дядя Джерри?

— В Лондоне, имея крепчайшее алиби, — я знаю, как это устроить. Можешь мне поверить: алиби действительно хорошее. А теперь подойди поближе, я объясню тебе все остальное.

Мэйдж вдруг попятилась с жутким во-
плем.

— «На, получай еще Гвиневра!» Красавица, ты от меня не уйдешь — это невозможно. Слушай. Сейчас внизу я открыл, а потом закрыл дверь, чтобы эти балбесы

подумали, будто пришел Горацио. Теперь я займусь тобой, а потом изображу потасовку и стану колотить в дверь, как будто за мной гонится сумасшедший. Всех отгоню, и состоится замечательная сцена погони, которая закончится якобы гибелью якобы Горацио. А пока...

С невыразимым ужасом Мэйдже увидела на лице убийцы знакомую жуткую улыбку. Джерри Пирсон не спеша подошел к ней. Глаза его блестели таким же холодным блеском, как занесенный над девушкой нож.

Протяжный вопль отчаяния разрезал ночную тьму. Он пронесся над замком, над всем островком, заглушив на мгновение пронзительные жалобы ветра.

ЭПИЛОГ

Джерри Пирсона не судили и не повесили за его злодеяния. Он умер той самой смертью, которую так тщательно готовил: случайно упал с высокой скалы, спасаясь от погони.

— От правосудия он ушел, от судьбы — нет, — рассказывала Урсула гостям за чашкой чая много лет спустя.

— Боже мой, какая ужасная история! — воскликнула полная немолодая дама и с таким отвращением отодвинула чашку чая, будто этот напиток и был виновником преступления. — Какой ужасный убийца! Не могу даже вообразить!

— Да, — сказал Фрэнк Данбар, который женился на женщине своей мечты, примирился с жизнью и стал теперь спокойным джентльменом лет шестидесяти. — Личность и вправду страшная. Но согласись, дорогая: на что-то и он сгодился на нашей добродушной старой земле...

— Ты думаешь? Это было бы удивительно! — ответила Урсула, глядя на мужа.

— Во-первых, благодаря ему мы вместе. Он способствовал этому даже дважды. Без него я бы не встретил тебя тогда на вокзале, а если бы он не позвал нас на тот уикенд, мы бы не помирились. Это подтверждает мою теорию, что от каждого существа на планете есть хоть крохотная, да польза.

Урсула улыбнулась:

— Интересно было бы знать, какую пользу ты видишь во мне, Фрэнк?

— Ну и вопросы ты задаешь! — ответил он, состроив смешную гримасу: ведь по обычаям многих народов муж никогда не делает жене комплиментов при людях. — Но если хорошенько подумать... Ну как же, ты сыграла огромную роль! Ты ведь не думала, что засташь меня врасплох, нет?

— Говорите, говорите, мы слушаем! — воскликнула полная дама. Чужие секреты она любила не меньше, чем печенье к чаю.

— Именно благодаря Урсule список жертв не продолжился. Малышка Пирсон — теперь-то она уже давно не малышка — обязана ей жизнью.

— Мэйдж Пирсон! — воскликнула Урсула. — Так и вижу ее огромные ясные глаза... Интересно, что с ней сейчас?

— А ты не знаешь? Она замужем за тем богатым археологом...

— Стало быть, уже второй раз замужем?

— Возможно. Во всяком случае, она теперь на Ближнем Востоке раскапывает какой-то древний город, занесенный песком. Она ведь тоже увлекается археологией.

— Повезло ей — богатый муж!

Теперь улыбнулся Данбар:

— С наследством своего приемного отца она и сама не бедная. Но вернемся к тебе, Урсула: какое же доброе дело оправдало твое пребывание на земле?

— Не такая я добрая, как ты думаешь, Фрэнк!

Гости тихонько рассмеялись.

— И вообще это была интуиция, — продолжала Урсула. — Знаешь, тот самый пустяк, которого вам, мужчинам, всегда не хватает.

— Не рискну возобновлять старый спор, дорогая, — сказал Фрэнк. Ему вспомнилась та жуткая ночь...

Доктор Джерролд только что принес ему весть об убийстве Блейка, и он, открыв очередную бутылку виски, терпеливо сидел, глядя на Урсулу. Несмотря на порошки доктора, она спала беспокойно, а когда проснулась, он сообщил ей о новом престу-

плении. Она опять погрузилась в кошмарный сон — и вдруг вскочила, вытаращив глаза.

— Фрэнк, — сказала Урсула, глядя на него невидящим взором, — Джерри Пирсон жив.

— Успокойся, дорогая, ты же знаешь: его брат Горацио...

— Джерри жив, он здесь, я его узнала... Он среди нас... Тот, кто называет себя Биллом Пейджем, — это он!

— Он? Какая чепуха! Это ведь жених Мэйдж! Как могла племянница его не узнать, а ты с твоим зрением...

— Зрение тут ни при чем. Мне сейчас приснился сон, где он явился в настоящем облике. Но на самом деле я всегда бессознательно чувствовала, что Джерри все время где-то рядом с нами... А теперь я уверена: это он!

Она так настаивала, что Данбар дал себя уговорить. Сначала он спустился в подвал прихватить что-нибудь, что сгодится как оружие. Потом они вместе с Урсулой пошли разыскивать остальных. Услышав крики, она первой бросилась во дворик, потом они вместе столкнулись с Халлаханом и доктором, которые им объяснили, какую ловушку задумал Билл. Когда Урсула поделилась своими подозрениями, а сверху донесся истощенный вопль, истина предстала им с неодолимой силой. Халлахан двигался с трудом, остал-

ные же ринулись вверх по ступенькам. Из-за рассеянности Мэйдж комната оказалась не заперта. Они ворвались туда в тот момент, когда Пирсон схватил девушку за волосы и, запрокинув ей голову, поднес к горлу нож. Подгоняемая невыразимой яростью, Урсула набросилась на злодея. Она бы получила смертельный удар, если бы Данбар в этот самый миг не заехал Пирсону коленом в подбородок. Затем, забыв природную осторожность, в схватку включился Джерролд. При всей своей энергии убийца вскоре понял, что ему не одолеть эту разбушевавшуюся стихию.

И он кинулся бежать. Началась безжалостная погоня за ним, продолжавшаяся добрых два часа. Пирсон имел преимущество: досконально зная местность, он постоянно отрывался от преследователей, но капли крови из ран, оставленных ногтями Урсулы, выдавали его. В конце концов он попался в собственную ловушку — не смог одолеть невидимый круг. Его загнали на самую вершину острова — и он сорвался с утеса. Острые камни и бушующее море Корнуолла встретили злодея полусотней метров ниже.

На другое утро на островок высадились полицейские (их вызвал один деревенский житель, увидевший, что мост обрушен), и кошмар закончился.

Воспоминание, которое сохранил об этих днях доктор Джерролд, со временем стало менее жутким, но его рассказы о них до сих пор вызывают живой интерес у его приятелей. С годами детали рассказа менялись, но доктор всегда подчеркивал свои необычайные аналитические способности и исключительное знание человеческих душ.

А что стало с профессором истории Джо-саэй Халлаханом? Он вышел на пенсию, вернулся на древнюю кельтскую землю, которую так любит, и будет жить там, пока Господь его не призовет. А если вы хотите, чтобы он рассказал вам какую-нибудь легенду о Круглом столе — обратитесь к фее Вивиане: она вам и сообщит, в каком невидимом круге он поселился.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	52
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	82
Глава 9	96
Глава 10	104
Глава 11	115
Глава 12	128
Глава 13	138
Глава 14	152
Глава 15	160
Глава 16	169
Глава 17	180
Глава 18	189
Глава 19	198

Глава 20	203
Глава 21	207
Глава 22	213
Глава 23	223
Глава 24	230
Глава 25	239
Эпилог.....	248

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Альтер Поль
НЕВИДИМЫЙ КРУГ

Роман

Ответственный редактор Е. Булгакова
Художественный редактор Е. Фрей
Технический редактор О. Серкина
Компьютерная верстка Е. Кумшаева
Корректор М. Мазалова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные
Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Vkontakte: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-күрылым, 705-бөлмө, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Казакстан Республикасында импортацияны «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Казакстан Республикасында дистрибутор

және енім бойынша арзы-тапалттарды қабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, оғис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Өнімнің жарамдауын мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация карастырылмаған

Подписано в печать 16.11.2018. Формат 84x108¹/32.
Гарнитура «Charter». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-17-982363-6

9 785179 823636 >

